This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

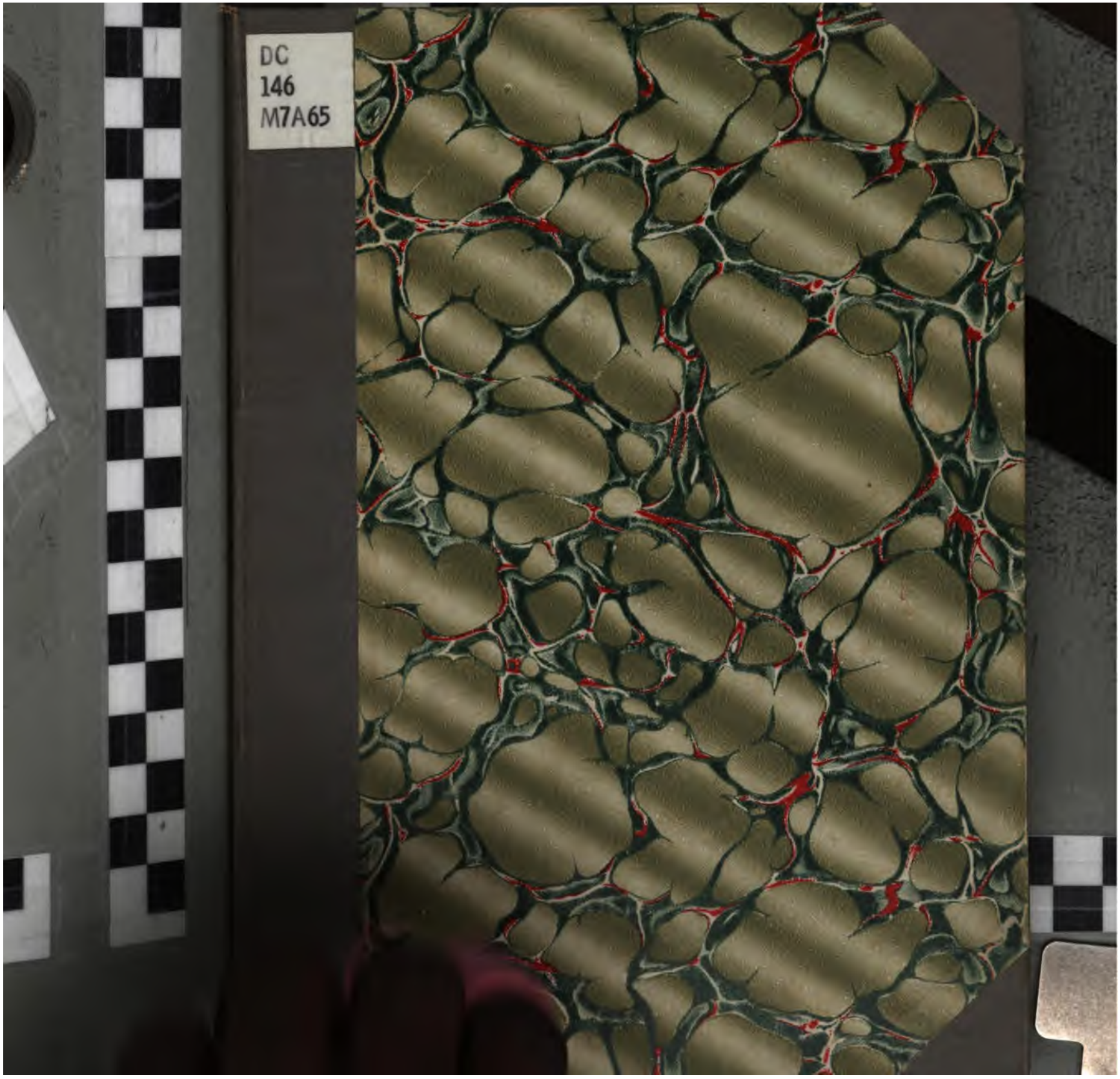
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


DC
146
M7A65

Г. Е. Аеанасьевъ.

МИРАБО.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ.

ОДЕССА
Тип. Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 29).
1901.

DC 146
M17A65

Дозволено цензурою. Одесса, 28 октября 1901 года.

Предисловіе.

Едва-ли надо настаивать на томъ, что въ послѣднія два десятилѣтія значительно возросъ интересъ къ пересмотру исторіи, непосредственно предшествовавшей французской революціи, а также и условій, сопровождавшихъ эту послѣднюю. Результатомъ этого пересмотра было то, что многія явленія политической жизни Франціи представились не въ томъ видѣ, какъ было принято понимать ихъ прежде.

Между дѣятелями начала революціи 1789 года фигура Мирабо занимаетъ центральное мѣсто. Естественно, что и она привлекла къ себѣ интересъ историковъ, и надо сказать, что они освѣтили тѣ стороны его дѣятельности, которыя прежде оставались въ тѣни. Прежде Мирабо вырисовывался, какъ смѣлый авторъ знаменитой фразы „Allez dire à votre maître и т. д.“,—фразы, которой онъ никогда не произносилъ въ томъ видѣ, въ какомъ она повторялась почти всѣми историками революціи 1789 года,—а потомъ, какъ честолюбецъ, купленный дворомъ и измѣнившій дѣлу революціи. Теперь исторія обратила вниманіе на то, что съ начала и до конца Мирабо былъ монархистомъ, сторонникомъ сильной власти, какъ средства осуществить коренную реформу и избѣгнуть возможной анархіи, указали на то, что изъ всѣхъ людей 1789 года Мирабо оказался единственнымъ человѣкомъ, правильно понимавшимъ политиче-

...ге предвидѣл
... наконецъ
... программу
... выяснено
... Мирабо не из...
... современныя
... историковъ
... связь съ
... отношеніями
... и иной

... Мирабо въ по-
... наиболѣе
... появившимися
... пользовались для со-
... сочиненія.

... Nouvelles études sur
... 2 vol. 1878.
... continué. 3 vol.

... 1880. 2 Bände.
... 891.
... 1892.
... ...ique. 2 vol. 1894.
... прекрасная характеристика

... сочиненіе: „Esprit de
... 1804). Въ немъ боль-

МИРАБО.

Публичныя лекціи Г. Е. Аѳанасьева.

I.

Если бы мы захотѣли представить себѣ настроеніе политической мысли во Франціи предъ революціей 1789 года, то мы увидѣли бы, что въ ней господствовали два теченія. Выразителемъ одного изъ нихъ были идеи Монтескье, а другого Руссо, т. е., съ одной стороны, монархическія конституціонныя, а съ другой—республиканскія съ демократическимъ характеромъ. Вліяніе послѣднихъ было болѣе значительнымъ, отсюда нерасположеніе ко всему, что представляло собою власть и преобладаніе однихъ надъ другими. Распространеніе тѣхъ и другихъ идей совершилось широко подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, того обстоятельства, что Старый Порядокъ уже давно, еще при Людовикѣ XIV, возбудилъ противъ себя оппозицію, которая потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась шире и глубже. Знакомство съ Англіей и ея учрежденіями дало понять французамъ, чего въ ихъ политической жизни не хватаетъ имъ, и легло въ основаніе развитія политической мысли во Франціи. И Вольтеръ и Монтескье оттуда вынесли и свое отрицательное отношеніе къ существующему порядку во Франціи, и свои общественно-политическіе идеалы (Руссо вынесъ ихъ изъ Швейцаріи). Мы видимъ, что въ половинѣ 18-го столѣтія не только въ области политики, но и въ другихъ областяхъ жизни, напримѣръ, въ области хлѣбной торговли, ссылка на примѣръ Англіи въ качествѣ доказательства считалась среди французовъ достаточной. Побѣды, одержанныя Англіей надъ Франціей во время Семилѣтней войны, к[illegible]

раженія, нанесенныя французамъ Фридрихомъ Великимъ, должны были еще болѣе поднять престижъ первой, какъ образца, достойнаго подражанія, и еще болѣе усилить отрицательное отношеніе къ существующему порядку во Франціи. Примѣръ Америки возымѣлъ особенно сильное возбудительное вліяніе. Принципы, провозглашенные американцами во время возстанія противъ Англіи, въ основѣ которыхъ въ сущности лежало то же народоправство, которое лежало въ основѣ идей Монтескье и Руссо, осуществленіе этихъ принциповъ въ конституціи сѣверо-американскихъ штатовъ, все это возбудило самыя розовыя надежды среди французовъ относительно легкости введенія свободныхъ учрежденій и во Франціи. Казалось, что если простые колонисты Америки могли свергнуть деспотизмъ и водворить у себя свободу, то тѣмъ легче сдѣлать это такому образованному народу, какъ французы. При этомъ, подъ вліяніемъ господства классическаго образованія, интеллигенты тогдашняго времени, получавшіе главнымъ образомъ формальное образованіе, склонны были разсуждать въ пустомъ пространствѣ, не справляясь съ фактами, а отдаваясь одной дедукціи, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ тогдашняго представленія объ исторіи, передъ ихъ воображеніемъ витали образы классическихъ героевъ, создававшихъ мановеніемъ руки государства и чуть-ли не самые народы. Съ этой точки зрѣнія Франклинъ и Вашингтонъ являлись не великими представителями настойчиваго и свободолюбиваго и сознающаго свои права народа, а героями въ родѣ Солона и Мильтіада или Ѳемистокла, которые освобождаютъ свой народъ отъ рабства и творятъ ему конституцію по своей идеѣ. Не даромъ при встрѣчѣ съ Франклиномъ въ Парижѣ д'Аламберъ привѣтствовалъ его, какъ человѣка, „исторгнувшаго молнію у неба и скипетръ у тирановъ“. (Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis). То обстоятельство, что американцы, провозглашая свои права, положили въ основаніе своей деклараціи общіе принципы, родственные съ тѣми, которые признавались большинствомъ образованнаго французскаго общества, какъ основы свободы, побуждало думать, что торжество свободы въ Америкѣ есть результатъ признанія этихъ принциповъ и выводовъ *изъ нихъ* логическихъ послѣдствій. Стоило [illegible]ить, дать тор

жество этимъ принципамъ во Франціи, и судьба свободы въ ней обезпечена. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Французы не замѣчали того, что, въ сущности говоря, американцы не были такой чистой доской, на которой рисовались новые принципы съ ихъ послѣдствіями въ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Огромное большинство французскаго общества не знало того, что колоніи давно пользовались самоуправленіемъ, давно пользовались индивидуальной свободой и полной вѣротерпимостью; что тѣ политическія основы, которыя они теперь провозглашали и осуществляли у себя, были наслѣдіемъ долгаго историческаго процесса, который переживала Англія со времени среднихъ вѣковъ, и которое ихъ предки вынесли оттуда, оставляя родину именно ради желанія сохранить свою политическую и религіозную свободу, когда ей на родинѣ грозила серьезная опасность во времена Стюартовъ и отчасти Тюдоровъ. Такимъ образомъ, то, что провозглашалось въ Филадельфіи, лежало уже въ традиціяхъ и нравахъ американскихъ колонистовъ. Кромѣ того, какъ справедливо замѣчено, французы не обращали вниманія на то, что на дѣвственной почвѣ Америки не было тѣхъ силъ — королевской власти, католическаго клира и феодальной аристократіи,—существованіе коихъ во Франціи отражалось не только на внѣшнихъ формахъ общества, но и на всѣхъ привычкахъ и нравахъ націи. Все это оставалось незамѣченнымъ, а потому, когда Версальскимъ миромъ было признано торжество американцевъ надъ Англіей, то это событіе было истолковано, какъ торжество французскихъ принциповъ, какъ знаменіе близкой побѣды ихъ въ самой Франціи. Это сознаніе сильно подняло оппозиціонное настроеніе. Сама аристократія французская принимала живѣйшее участіе въ оппозиціи королевской власти и съ этой точки зрѣнія смотрѣла на сопротивленіе парламентовъ распоряженіямъ правительства, какъ на проявленіе идеи свободы, и поддерживала его. Когда же, наконецъ, правительство, поставленное въ безвыходное положеніе отсутствіемъ денегъ и громаднымъ по тому времени дефицитомъ и долгомъ, объявило созваніе государственныхъ чиновъ, то все французское общество привѣтствовало этотъ актъ, какъ наступленіе эры свободы, и охвачено было живѣйшей радостью и сильной на[illegible] на будущее.

Всякій, знакомый съ положеніемъ Франціи въ то время, знаетъ, что страна нуждалась въ коренныхъ политическихъ реформахъ, а также въ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій, что равнозначительно было глубокой соціальной реформѣ. Такой переходъ къ новому политическому и соціальному строю не могъ не быть труденъ въ виду существованія сильныхъ традицій и противоположныхъ интересовъ. Въ ихъ борьбѣ легко могло взволноваться житейское море, и требовалась сильная рука для сохраненія въ цѣлости государственнаго корабля и предупрежденія анархіи. Отсюда— необходимость сильной королевской власти.

На самомъ дѣлѣ этого условія не было, ибо фактически королевская власть была слаба. Она была слаба вслѣдствіе личной слабости Людовика XVI. Добродушный человѣкъ и надѣленный очень слабой волей, онъ къ тому же лишенъ былъ и сильнаго ума. Его умственныя способности были ниже среднихъ, а образованіе ничтожно. Онъ не понималъ совершенно современнаго положенія дѣлъ и требованій времени, и даже тогда, когда положеніе стало уже опаснымъ, онъ относился, по словамъ Мирабо, къ дѣламъ Франціи съ такимъ же равнодушіемъ, какъ будто это были дѣла Китая. Но слабость королевской власти лежала еще и въ томъ недовѣріи къ правительству, которое къ этому времени развилось во французскомъ обществѣ и охватывало глубокіе слои его. Это недовѣріе развилось сильно въ царствованіе Людовика XV и нельзя сказать, что оно было лишено основанія. Управленіе страной происходило при королѣ, относившемся вполнѣ равнодушно къ благу страны и эгоистично заботившемся о собственномъ спокойствіи. Дворъ вліялъ на правительство въ широкой степени, и нерѣдко объ личные интересы придворныхъ разбивались усилія людей, желавшихъ блага странѣ. Распущенность нравовъ при дворѣ едва ли достигала когда-либо той же степени, а это отзывалось и на пополненіи административныхъ должностей. Такія фигуры на министерскихъ креслахъ, какъ аббатъ Террэ или Мопу, не часто встрѣчаются. Про администраторовъ провинціи тогдашняго времени осталось не мало свидѣтельствъ современниковъ, говорящихъ о томъ, что въ большинствѣ они были негодны, а между тѣмъ власть ихъ *была безконтрольна* и очень велика. Но, какъ это обыкновенно

бываетъ, общественное недовольство питалось не только дѣйствительными фактами, но и легендами, которыя выростаютъ и развиваются на почвѣ этого недовольства и въ свою очередь увеличиваютъ его. Среди этихъ легендъ были чудовищнаго характера, напримѣръ, о ваннахъ для короля изъ дѣтской крови; но онѣ находили вѣру. На плечи Людовика XVI легла тяжесть этого наслѣдія. Сначала его привѣтствовали какъ „желаннаго“ короля, но скоро эта популярность поблекла. Надежда на то, что король выведетъ Францію изъ ея затруднительнаго положенія, сильно поколебалась послѣ того, какъ придворной, реакціонной партіи при значительномъ участіи королевы Маріи - Антуанетты удалось низвергнуть Тюрго, явившагося на министерскомъ посту съ программой реформъ, невыгодныхъ для привилегированныхъ классовъ, и съ беззавѣтно-честнымъ отношеніемъ къ общественному благу. Онъ сталъ невозможенъ на своемъ посту, такъ какъ потребовалъ отъ короля бережливаго отношенія къ казеннымъ деньгамъ и не допускалъ посягательства даже приближенныхъ ему лицъ на казенный сундукъ. Съ другой стороны, онъ вошелъ въ противорѣчіе съ предразсудками, господствовавшими въ высшихъ сферахъ. Чѣмъ сильнѣе были надежды образованнаго общества, возбужденныя реформами Тюрго, тѣмъ глубже было разочарованіе, вызванное его увольненіемъ. Нѣсколько времени спустя, еще болѣе сильный ударъ былъ нанесенъ общественнымъ надеждамъ неудачей реформъ Неккера и его удаленіемъ опять-таки вслѣдствіе того, что онъ требовалъ неприкосновенности общественнаго добра и осмѣлился опубликованіемъ бюджета приподнять часть той завѣсы, которая скрывала придворную расточительность, и которая по господствовавшему предразсудку считалась государственной тайной. Общественное недовольство при Людовикѣ XVI направлялось главнымъ образомъ противъ Маріи Антуанетты, такъ какъ она была энергична, она имѣла вліяніе на короля и она стала душой придворной партіи, враждебной всему, что могло сократить расточительность и ослабить привилегіи феодальныхъ классовъ. И тутъ опять-таки дѣйствительность смѣшивалась съ легендами. Яркимъ выраженіемъ общественной подозрительности противъ королевы служитъ дѣло объ ожерельѣ королевы. Дѣло это, какъ извѣстно, заключалось

въ томъ, что одна изъ придворныхъ дамъ, графиня Ламотъ, одурачила кардинала герцога Рогана, увѣривъ его, что она выведетъ его изъ опалы, если онъ купитъ для королевы ожерелье за 1.600.000 ливровъ, и обѣщала ему устроить свиданіе съ королевой. Онъ купилъ ожерелье, ему устроено было свиданіе въ версальскомъ паркѣ съ какой-то дамой, которую ему выдали за королеву, а ювелировъ, продававшихъ дорогое ожерелье, увѣряли, что хотя Роганъ и даетъ векселя за него, но что оно покупается для королевы. Когда деньги не были уплачены, обманъ раскрылся, графиня Ламотъ была приговорена парламентомъ къ тѣлесному наказанію и клейменію и къ изгнанію изъ Франціи. Можетъ быть, королева и знала о томъ, что графиня Ламотъ дурачитъ своего друга Рогана, но въ публикѣ вѣрили, что она участвовала лично въ мошеннической продѣлкѣ.

Подъ вліяніемъ общественнаго недовольства и недовѣрія къ правительству, доходившему до крайнихъ размѣровъ, общество относилось съ сочувствіемъ ко всему тому, что направлено было противъ него. Когда, поэтому, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ парламенты вступили въ оппозицію проектамъ финансовыхъ реформъ министерства, то общество единодушно поддерживало эту оппозицію, хотя въ ней и не было залога прогресса. При такихъ условіяхъ, естественно, правительство не могло разсчитывать въ трудную минуту на содѣйствіе общества, и въ этомъ, конечно, была его слабость.

Но былъ одинъ моментъ, который давалъ шансъ на сохраненіе порядка и на проведеніе реформъ, это традиціонное представленіе о королевской власти, какъ о чемъ-то очень могущественномъ, способномъ сдѣлать больше, чѣмъ могутъ сдѣлать обыкновенные люди. Этотъ взглядъ создался путемъ долгаго процесса, достигъ своего апогея при Людовикѣ XIV и не исчезъ еще совершенно къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Это было безотчетное и тѣмъ болѣе сильное преувеличеніе возможнаго воздѣйствія короля на ходъ общественныхъ дѣлъ. Отсюда инстинктивное, привычное повиновеніе королю или по крайней мѣрѣ отсутствіе активнаго сопротивленія. Въ этомъ былъ еще остатокъ силы королевской власти. Но уже наканунѣ революціи *мы видимъ* многочисленныя возстанія противъ агентовъ власти.

При внимательномъ отношеніи къ событіямъ нельзя не замѣтить, какъ они постепенно переходятъ въ тѣ возстанія, которыя мы видимъ во время революціи, и въ нихъ надо видѣть условіе возможнаго развитія той анархіи, которая охватила Францію впослѣдствіи. Человѣкъ сильной воли и широкаго ума, рѣшившійся твердо осуществить программу реформъ, указанныхъ временемъ и желаніями общества, могъ воспользоваться этимъ остаткомъ королевской власти, который крылся въ идеѣ ея всемогущества. Онъ могъ, опираясь, съ одной стороны, на стремленія образованныхъ людей къ реформамъ, а съ другой—на не исчезнувшую еще привычку повиноваться королевской власти, оказать могучее воздѣйствіе на общество, удержать его въ предѣлахъ порядка и предупредить развитіе анархіи.

Возможность послѣдней была очень велика вслѣдствіе слабости самого общества. Послѣднее давно отвыкло во Франціи отъ самодѣятельности. Централизація и абсолютизмъ давно упразднили тѣ учрежденія, которыя были органами самоуправленія, а вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ ушла и самая способность управлять собою. Общество представляло собою аморфное тѣло, которое могло производить безпорядочныя движенія, но не могло само, не будучи водимо, дѣйствовать правильно. При такой слабости оно, при отсутствіи сильной власти, легко могло стать жертвой безпорядочныхъ движеній, т. е. анархіи, но не было способно организоваться способомъ, соотвѣтствующимъ требованію принциповъ свободы и самоуправленія. Въ этой слабости общества заключалась сила и слабость государственной власти. Въ обычное время, когда дѣла идутъ по привычному шаблону, государственная власть не встрѣчала препонъ своему дѣйствію, но въ экстренныхъ обстоятельствахъ, когда нужно не ожиданіе приказаній, а дружное дѣйствіе всѣхъ и притомъ дѣйствіе умѣлое, тогда государственная власть не могла найти въ обществѣ этого элемента своей силы и легко могла оказаться въ опасномъ положеніи.

При крайнемъ развитіи централизаціи, Парижъ получилъ особенное значеніе; онъ сталъ головой Франціи, отъ положенія которой (головы) многое зависѣло. Было однако одно условіе его жизни, которое было неблагопріятно для сохраненія его спокойствія. Я

въ томъ, что [illegible] правительства. Издавна
рачила кар[illegible] хлѣбной торговлѣ,
изъ опалы, [illegible] могли приne-
ровъ, и обы[illegible]. Отсюда – стремле-
пилъ ожер[illegible]. Эти послѣдніе па-
паркъ съ [illegible] хлѣбной торговлѣ и не
ювелировъ[illegible] которыхъ требуетъ
Роганъ и [illegible] дѣйствіе регламентовъ
ролевы. [illegible] дальше, тѣмъ стано-
графия Л[illegible] регламентами, не можетъ
казанію [illegible] города. Королевъ-
королева [illegible] по отношенію къ
друга Рог[illegible] систему регламентаціи,
въ мошен[illegible]. Недостатокъ хлѣба,

Подъ [illegible] естественному результату
правител[illegible] которое было крайне за-
относил[illegible] хлѣбной торговли, а при-
ло проти[illegible] регламентовъ, оставляющихъ
парламен[illegible] при которой ихъ жад-
формъ м[illegible] дѣйствія. Признавалось
оппозиц[illegible] „громнаго города“, какъ
условія[illegible] дѣйствію свободной торгов-
трудну[illegible] особенно важнымъ, такъ
была ег[illegible] короля, а потому спо-

Но [illegible] быть предметомъ осо-
пеніе по[illegible] образомъ, правительство
ставлен[illegible] продовольствіи большихъ
ственно[illegible] Парижа. Правительство не
обыкно[illegible] собою свободной торгов-
процесс[illegible] естественно недочеты.
еще со[illegible] злоупотребленія чиновниковъ
было б[illegible] дѣло. Общество, которое
наго во[illegible] снабженіе хлѣбомъ можетъ про-
истин[illegible] администраціи, приписывало всѣ
мѣрѣ о[illegible] торговли, а только злоупотре-
остатк[illegible] подозрительность къ послѣдней

ственной политикѣ правительства, и эти недочеты приписывались не самому существу этой политики, а только злоупотребленіямъ, которыя были дѣйствительно сильны въ семидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. Благодаря имъ и подозрительному отношенію общества къ правительству, развились чудовищныя легенды въ этой области вродѣ той, что будто бы дворъ и министры образовали компанію, спекулирующую на народный голодъ (Pacte de Famine). Такое подозрѣніе, циркулировавшее въ публикѣ уже давно, нашло себѣ выраженіе въ печати осенью 1789 года. Такія легенды имѣютъ значеніе, какъ показатели отношенія публики къ правительству, но важнѣе было то, что въ своихъ заботахъ о продовольствіи населенія большихъ городовъ и въ особенности „добраго города Парижа", правительство пріучило его къ мысли о томъ, что король всемогущъ въ созданіи изобилія и дешевизны хлѣба, а если этого нѣтъ, то, значитъ кто-то ему мѣшаетъ осуществить его доброе желаніе обезпечить хлѣбъ народу Парижа.

Попытки шестидесятыхъ годовъ, а потомъ семидесятыхъ (Тюрго) измѣнить эту опасную систему, достигающую къ тому же обратныхъ цѣлей, и водворить свободу хлѣбной торговли были дважды уничтожаемы затѣмъ реакціей, которая возвращала дѣло къ старому положенію. Передъ самой революціей, послѣ попытки, сдѣланной при Калоннѣ, вновь освободить хлѣбную торговлю, послѣдовала реакція Неккера, который былъ принципіальнымъ противникомъ свободы хлѣбной торговли. Когда наступилъ незначительный неурожай 1788 года, онъ возстановилъ въ силѣ всѣ регламенты по хлѣбной торговлѣ, даже такіе, которыхъ не пускали въ дѣло со времени Людовика XIV и которые были отмѣнены, и этимъ путемъ парализовалъ едва становившуюся на ноги хлѣбную торговлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, своими оффиціальными декламаціями противъ жадности купцовъ, онъ оживилъ въ публикѣ всѣ старые предразсудки противъ свободы хлѣбной торговли. Эта дезорганизація торговли осложнилась затѣмъ лѣтомъ и осенью начавшимися безпорядками, которые окончательно остановили ее и скомпрометировали продовольствіе столицы. Это обстоятельство было важнымъ условіемъ броженія въ послѣдней, которое усилило трудность и безъ того

говорю о продовольственной
во Франціи установился
по которому жадность
сти только вредъ снабженію
ніе опутать регламентами
рализовали ее. Пока дѣло
было еще крупныхъ городовъ
широкихъ торговыхъ
могло быть еще не такъ
вилось яснѣе, что торговля
удовлетворить потребности
ская власть усвоила
хлѣбной торговлѣ и еще
давъ ей болѣе общій и
его дороговизна
отсутствія свободы его
труднительно при отсутствіи
знавался результатомъ
еще слишкомъ много
ность находить слишкомъ
невозможнымъ продоволь
Парижъ (600 т. жит.),
ли. А продовольствіе
какъ онъ находится у
койствіе его населенія
быхъ заботъ правительс
мало-по-малу взяло на
городовъ Франціи и въ
могло по самому существу
ли, а потому въ снабженіи
Къ этому присоединялс
и подрядчиковъ, которы
раздѣляло вполнѣ взгля
исходить только при дѣ
недочеты не отсутствію
бленію власти. Упомянут
въ значительной степе

мы увидимъ, на ходъ
были неясны для
общества, а
Франціи охвати-
объявленіе о созы-
быть весьма суще-
возможнымъ созвать
лись въ послѣдній
забыли, да къ тому
жизни и составу
такой длинный проме-
огда не имѣлъ боль-
общественную силу,
привилегирован-
соотвѣтствующихъ
государственныхъ чиновъ
ожиданіе предстоящей
объявленіемъ явился
представленъ въ томъ
же число его пред-
брошюръ того времени
ному рѣшенію. Оно смо-
крашные „Государствен-
какъ-то невѣдомымъ фан-
требованіямъ времени.
: „Наше несчастіе въ
правы, что мы имѣли
тогда упрочиться“. Всѣ
мысли, выражавшіяся во
жены въ одномъ направ-
Сіэса: „Что такое средній
требованіе удвоенія числа
ставленія будущему со-
это было прежде, а по-
правительство, руководите-
воръ, рѣшилось уступить

этому требованію, хотя и не совсѣмъ: оно объявило удвоеніе представителей средняго класса, но ничего не постановило относительно способа рѣшенія дѣлъ въ будущемъ собраніи. Безъ рѣшенія этого вопроса удвоеніе числа представителей теряло смыслъ.

Въ началѣ избирательной кампаніи на политической аренѣ выступаетъ впервые Мирабо. Онъ появляется въ своей родной провинціи, въ Провансѣ, и, какъ тамошній дворянинъ, обращается за полномочіями къ своему сословію. Но тутъ же на первыхъ порахъ между нимъ и имъ оказалось глубокое разнорѣчіе во взглядахъ. Онъ явился на собраніе почтенныхъ представителей древнихъ фамилій Прованса, этихъ Гримальди, Галлифе, Вилльневовъ, Альбертасовъ, Сабрановъ и другихъ, вышедшихъ изъ своихъ античныхъ отелей или средневѣковыхъ замковъ. Это была старая поземельная аристократія, воспитанная изъ вѣка въ вѣкъ въ суевѣрномъ представленіи о своей древней независимости. Ни эдикты Ришелье, ни великолѣпное сіяніе Людовика XIV, ни долгое придворное лакейство не могли подчинить ее мысли о единомъ государствѣ съ единымъ главой. Съ ея точки зрѣнія въ Провансѣ есть только одно королевство, — государство короля Рене,—дружественное, но не подчиненное Франціи: это—со-государство (co-état), но не провинція. На первыхъ же порахъ Мирабо рѣзко высказался противъ этого отжившаго взгляда. „Если это со-государство, сказалъ онъ, въ избирательномъ собраніи дворянъ, то будемъ сноситься, какъ держава съ державой. Вмѣсто депутатовъ, пошлемъ пословъ. Въ случаѣ неудовольствія провансальскіе феодалы будутъ драться съ французскими легіонами. Но если мы составляемъ провинцію, то будемъ повиноваться общему закону. Съ какого времени подданные стали давать законы государю?“ Эти взгляды возмутили противъ Мирабо его земляковъ. Они рѣшили не допускать его къ участію въ своихъ собраніяхъ. Его скандальное прошлое давало для такого рѣшенія достаточно поводовъ. Дворянство рѣшило изслѣдовать законныя основанія его права участвовать въ избирательномъ собраніи, а тѣмъ временемъ удалить его изъ него.

Отвергнутый дворянами, Мирабо обращается къ среднему классу. Въ то же время онъ ищетъ поддержки у министра Мон-

морена. Онъ обратился къ нему съ просьбой о субсидіи на избирательные расходы. Онъ доказывалъ, что этотъ расходъ возмѣстится сторицей той пользой, которую онъ принесетъ государству въ качествѣ депутата. Онъ просилъ сумму въ 3—4 тысячи ливровъ. Эти домогательства не имѣли успѣха. Монморенъ смотрѣлъ на Мирабо, какъ на обыкновеннаго авантюриста, запутавшагося въ долгахъ. Но средній классъ Прованса отнесся въ высшей степени сочувственно къ желанію Мирабо стать его представителемъ. Къ тому же Мирабо уже прежде своими процессами пріобрѣлъ популярность въ населеніи, и про него знали кромѣ того, какъ про человѣка, много потерпѣвшаго отъ господствовавшаго произвола, и какъ про человѣка, всегда готоваго помогать бѣднымъ людямъ добиваться справедливости. Эта популярность ярко сказалась въ тѣхъ овацiяхъ, предметомъ которыхъ онъ дѣлался всюду. Когда онъ прибылъ 5 марта 1789 года въ Ламбескъ, то все населеніе этого городка вышло къ нему на встрѣчу и едва не выпрягло лошадей изъ его коляски, чтобы везти его на себѣ. При приближеніи его къ Эксу, ремесленники этого города вышли къ нему на встрѣчу съ цвѣтами. Въ самомъ городѣ, передъ домомъ адвоката Жобера, гдѣ онъ обѣдалъ, овацiи не прекращались со стороны огромной толпы народа. На другой день туда явилась депутацiя изъ Марсели. Большая толпа крестьянъ повела ее къ женѣ Мирабо и высказала ей на своемъ провансальскомъ нарѣчіи совѣтъ: „Это очень хорошая порода, жалко будетъ если она прекратится“. Въ Марсели, куда онъ прибылъ 18 марта, энтузіазмъ достигъ высшей точки. Живое, легко возбуждающееся населеніе не знало предѣловъ своему восторгу. Домъ, гдѣ остановился Мирабо, убрали весь корабельными флагами, а вечеромъ тысячи народа сопровождали его въ театръ, а тамъ на голову его возложили вѣнокъ. Онъ сидѣлъ въ ложѣ между двумя дамами, одна изъ которыхъ была теткой впослѣдствіи знаменитаго Тьера. Давали мольеровскаго Буржуа-Жантильома. Когда Мирабо обратился къ мадамъ Тьеръ съ вопросомъ, нравится ли ей представленіе Буржуа-Жантильома, находчивая дама отвѣтила ему: „Что намъ особенно нравится, это то, что мы сидимъ рядомъ съ жантильомомъ-буржуа“. На другой день, когда онъ оставлялъ Марсель, сотни экипажей и вер-

ховыхъ провожали его до городской черты. На прощаніи съ нимъ произнесены были рѣчи, въ которыхъ говорилось о вѣчной ненависти противъ враговъ „гражданина-героя“, о „Другѣ человѣчества“, который будетъ продолжать жить въ своемъ сынѣ. До самаго Экса провожала марсельская молодежь Мирабо, и такъ какъ она не хотѣла разстаться съ своимъ идоломъ, то вышедшіе на встрѣчу изъ Экса соединились съ ними и вмѣстѣ при свѣтѣ факеловъ проводили его въ городъ. Жители Экса считали себя по преимуществу защитниками „провансальской націи“. Десять тысячъ народу вышло ему на встрѣчу; носилки, въ которыхъ несли его, быстро были покрыты вѣнками, молодежь верхами и пѣшкомъ провожала его звуками бубновъ и свистелокъ. Цѣлую ночь, при участіи военной музыки, давали серенады въ честь Мирабо, а на другой день ему устроено было братское пиршество.

Въ это время въ Провансѣ, какъ и въ остальной Франціи, чувствовалась сильная дороговизна хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Такія обстоятельства и прежде сопровождались часто волненіями. Въ настоящій моментъ, среди всеобщаго возбужденія, волненія стали значительнѣе. Они вспыхнули въ сорока или въ пятидесяти мѣстахъ. Болѣе значительны были безпорядки въ Марсели и въ Эксѣ. Въ Марсели возставшіе осадили думу, разбили въ ней окна и не выпускали оттуда городскихъ властей, требуя отъ нихъ отмѣны налоговъ на хлѣбъ и мясо и пониженія цѣны съѣстныхъ припасовъ. Съ согласія начальника войскъ Мирабо вмѣшался въ это дѣло и явился среди бушующей толпы и обратился къ ней съ увѣщаніями. Этого было достаточно, толпа успокоилась. Въ Эксѣ ему посчастливилось еще больше. Тамъ тоже произошли крупные безпорядки. Толпа побила окна въ домахъ властей и начала грабить хлѣбные склады. Командующій войсками, разсчитывая на популярность Мирабо, поручилъ ему охраненіе порядка и передалъ въ его распоряженіе полицію. Пускать въ дѣло послѣднюю не понадобилось. Одного появленія Мирабо на лошади верхомъ, на улицахъ Экса, было достаточно. Южная толпа, подвижная, легко переходящая отъ одного настроенія къ другому, живо перешла отъ страха къ надеждѣ. Слова Мирабо, въ которыхъ онъ уговаривалъ ее [illegible]

коться, возложить всѣ свои надежды на доброту короля и н
дѣлать безпорядка, подѣйствовали. Тѣ же люди, которые недав
но неистовствовали на улицѣ, теперь бросались въ ноги предт
Мирабо, привѣтствовали его какъ спасителя своего и цѣловали
его одежду. Въ этихъ случаяхъ сказалась та черта, которую не
разъ намъ придется встрѣтить въ жизни Мирабо: безконечная
смѣлость въ нападеніи на злоупотребленія отживающаго строя
и твердая храбрость въ отстаиваніи общественнаго порядка.

Въ наступившихъ затѣмъ выборахъ депутатовъ въ собраніе
государственныхъ чиновъ Мирабо былъ избранъ сразу въ двухъ
городахъ представителемъ третьяго класса, въ Марсели и въ Эксѣ.
Онъ предпочелъ послѣдній. Когда онъ затѣмъ отправлялся въ
Парижъ, то кавалькада изъ 400 молодыхъ людей, далеко кон
воировала его экипажъ, который граждане города украсили ду
бовыми и лавровыми гирляндами. Что же это за человѣкъ, ко-
торый выступаетъ на политическое поприще среди такой гро-
мадной популярности въ своей провинціи?

Представленіе о Мирабо, какъ о политическомъ дѣятелѣ
мѣнялось вмѣстѣ съ развитіемъ историческаго изслѣдованія,
которое отражало на себѣ, какъ это часто бываетъ, обществен
ное настроеніе. Прежде на Мирабо смотрѣли, какъ на человѣка,
направлявшаго всѣ усилія на ниспроверженіе монархіи, на-
несшаго ей наиболѣе чувствительные удары. Историки и учеб-
ники повторяли его фразу: „ступайте, скажите вашему госпо-
дину“... и для многихъ Мирабо и извѣстенъ былъ по этой фра-
зѣ, никогда имъ не произнесенной въ томъ видѣ, въ какомъ ее
повторяли. Потомъ, согласно этому представленію, онъ измѣнилъ
дѣлу революціи и сталъ на сторону монархіи, такъ какъ былъ
купленъ дворомъ. Измѣнилось время, измѣнилось воззрѣніе, что
будто революція была направлена противъ монархіи, и что по-
слѣдняя и старый феодальный порядокъ и произволъ тожде-
ственны, усилилось историческое изслѣдованіе, а вмѣстѣ съ
тѣмъ измѣнился и взглядъ на Мирабо. Доказано, что онъ былъ
монархистомъ при самомъ вступленіи на политическое поприще
и таковымъ остался до конца. Онъ былъ однако ярымъ против-
никомъ феодальнаго порядка и деспотизма, который, по словамъ

академика Русса, „былъ только грубой поддѣлкой монархіи“. Онъ не раздѣлялъ воззрѣнія тѣхъ, которые мечтали о возможности введенія республики во Франціи. Во время выборовъ въ государственные чины, онъ писалъ своему отцу, уговаривая его стать депутатомъ: „вы будете въ собраніи центромъ единенія для всѣхъ добрыхъ гражданъ, которые слишкомъ хорошо знаютъ свою страну и эту націю, чтобы желать ей республиканской конституціи“. Теперь содержаніе идей Мирабо и его стремленій представлено историками въ полной картинѣ и, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что произошло, съ тѣмъ, что ставилось временемъ, какъ задача политика, и съ тѣмъ, что дѣлали другіе, они приходятъ къ тому заключенію, что Мирабо былъ единственнымъ человѣкомъ, понимавшимъ правильно политическое положеніе, предчувствовавшимъ и даже предвидѣвшимъ, куда приведутъ тѣ или другія событія, имѣвшимъ, наконецъ, настоящую правительственную программу.

Но въ изслѣдованіи Ломени, въ очеркахъ академиковъ Сореля и Русса, а также въ изслѣдованіи профессора Штерна съ наглядною ясностью выступаетъ тотъ фактъ, что въ Мирабо мы имѣемъ не только сына, унаслѣдовавшаго черты своего отца, но и внука, въ натурѣ котораго воскресли желѣзная структура дѣда и его алмазной твердости воля. Отецъ Мирабо былъ извѣстный физіократъ, другъ многихъ передовыхъ людей того времени, прозванный „Другомъ человѣчества“. Онъ былъ кутилой и буяномъ въ молодости, дѣлалъ долги на-право и на-лѣво, а въ старости сталъ суровымъ и даже жестокимъ человѣкомъ деспотическаго права. Въ его сочиненіяхъ было такое сочетаніе феодальныхъ понятій и демократическихъ идей, что Токвилль характеризовалъ этотъ складъ міросозерцанія, какъ „вторженіе демократическихъ идей въ феодальный умъ“. Въ немъ была странная амальгама важнаго барина и революціонера. Послѣ бурной молодости, онъ женился на дѣвицѣ Вассанъ, которая сдѣлалась мученіемъ его жизни. Братъ маркиза Мирабо писалъ ему про нее: „Ты женился на самкѣ, которая не имѣетъ ни одной изъ красотъ своего пола, обладаетъ всѣми его пороками съ прибавкой еще и нашихъ“. Самъ маркизъ говорилъ про свою жену: „Это чудовище страсти, распущенной во всѣхъ смыслахъ“. Они

прожили однако вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ и имѣли одиннадцат
дѣтей, а потомъ разошлись. Не смотря на свой гнѣвный харак
теръ и свою деспотичность, маркизъ старался сдерживать себя
и сохранить приличія, пока не стало силъ терпѣть дальше. Онъ
писалъ своему брату: „Я все переносилъ до тѣхъ поръ, пока не
изучилъ этой навозной кучи, которую честный человѣкъ ни
когда не долженъ покрывать своимъ плащемъ“. Она была расто
чительна и страстнымъ игрокомъ. Безпорядочность своей жизни
она не старалась даже скрасить изяществомъ. Къ тому же она
была жадна, сутяга и вспыльчива до послѣдней степени. Мира
бо-сынъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ мать разъ выстрѣлила
въ него изъ пистолета, разсердившись за слово примиренія съ
отцомъ, которое онъ осмѣлился сказать ей. Сверхъ всего—еще
цинизмъ. Она не довольствовалась тѣмъ, что брала любовниковъ
и брала ихъ очень низко, но еще стояла на томъ, чтобы имъ
давать письменное свидѣтельство своего расположенія. Когда она
вела процессы противъ своего мужа, она не стѣснялась никаки
ми скандалами и пускала въ ходъ всѣ аргументы, даже самые
унизительные для нея самой. Стараясь привлечь на свою сто
рону дѣтей противъ отца, она прибѣгала къ снисходительности
къ ихъ порокамъ. Этотъ характеръ матери и отца и ихъ взаим
ныя отношенія должны быть приняты во вниманіе для уясненія
вліяній, подъ которыми прошло дѣтство Мирабо, складывался его
характеръ и создалась натура.

Онъ родился въ 1749 году и съ самаго появленія своего
на свѣтъ не встрѣтилъ любви. Онъ былъ некрасивъ. Отецъ
писалъ своему брату: „Твой племянникъ безобразенъ, какъ чер
товъ племянникъ“. Не чувствомъ любви сопровождалось воспи
таніе мальчика, а только строгостью, стремившеюся подавить въ
немъ тѣ черты характера, которыя не нравились отцу. Отецъ
называлъ его „маленькимъ чудовищемъ, которое онъ долженъ
воспитать“. Особенно его злило то, что въ немъ онъ замѣчалъ
нѣкоторыя черты матери. Мальчикъ былъ бурнаго нрава, что
ему заслужило прозвище „Monsieur l'Ouragan“ со стороны отца и
„le comte de la Bourasque“ со стороны дяди. Но всѣ признава
вали въ немъ большую живость ума и находчивость. Разсказы
вали, какъ онъ отвѣтилъ матери, которая упрекала его за его

безобразіе. „Le dessous prendra le dessus“, отвѣтилъ онъ на ея вопросъ, за что его могутъ любить? Вспоминали также отвѣтъ, который онъ далъ, будучи тоже ребенкомъ, герцогу Конти. Послѣдній спросилъ его:

— Que ferais-tu, si je te donnais un souflet?

„Un souflet! Monseigneur n'oserait pas“.

— Eh, bien, que ferais-tu, si le Roi t'en donnait un?

„Cette question eut été embarrassante avant l'invention des pistolets à deux coups“ *).

Излишняя суровость воспитанія, которая подчасъ граничила съ жестокостью, съ полнымъ отсутствіемъ любви, этого могучаго рычага воспитанія, безъ котораго послѣднее едва ли мыслимо, стала по всей вѣроятности причиной лживости, которая отличала мальчика и не покидала его и въ зрѣломъ возрастѣ. „Чортъ возьми! Онъ особенно склоненъ ко лжи... О чемъ я думаю, это о томъ, чтобы при первой лжи, такъ заклеймить его каленымъ желѣзомъ, чтобы рубецъ остался на всю жизнь“. Такъ писалъ „Другъ человѣчества“ своему брату, не подозрѣвая того, что такія педагогическія воздѣйствія способны только заклеймить, но не искоренить лживости. Нерасположеніе къ своему сыну и вѣра въ то, что только суровыми мѣрами можно что-нибудь сдѣлать съ „этимъ упрямцемъ, дикимъ и страннымъ, склоннымъ ко злу раньше, чѣмъ онъ позналъ его и можетъ имъ воспользоваться“, сдѣлали то, что онъ не довѣрялъ и воспитателямъ, когда они, узнавая ближе ребенка, находили въ немъ хорошія качества и получали къ нему расположеніе. Онъ мѣнялъ ихъ, находя, что они балуютъ его сына, и наконецъ отдалъ его въ пансіонъ аббата Шокара въ Парижѣ, который приготовлялъ молодыхъ людей къ военной службѣ. Довольно странное занятіе для аббата. Здѣсь молодой человѣкъ почувствовалъ себя нѣсколько легче вдали отъ недружелюбнаго преслѣдованія отца, а воспитатели по прежнему были имъ довольны, такъ какъ въ его характерѣ были черты симпатичныя, которыя и теперь и позже располагали къ нему. Онъ былъ добръ къ людямъ, способенъ на искреннюю дружбу, откровененъ и щедръ. Его огром-

*) L'Esprit de Mirabeau. p. 12.

ныя умственныя способности подкупали въ его пользу еще болѣе его учителей. Отношеніе же къ нему отца, полное не только строгости, но и антипатіи, смѣшанной съ ненавистью, было бы непонятно, если бы мы не приняли во вниманіе домашнія отношенія. Отецъ боялся своего сына въ виду домашнихъ отношеній. Такой одаренный юноша не могъ не замѣтить, что въ домѣ не все такъ идетъ, какъ слѣдуетъ. Когда мать оставила домъ, то онъ могъ оказаться на ея сторонѣ, такъ какъ она баловала его деньгами, тогда какъ отецъ былъ строгъ съ нимъ и въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ мальчикъ и дома и въ школѣ усвоилъ привычку тогдашняго дворянина къ расточительности, подобающей настоящему барину. Когда онъ окончилъ свое обученіе и поступилъ въ военную службу, отецъ отдалъ его въ берійскій кавалерійскій полкъ, выбравъ его по той причинѣ, что полковой командиръ тамъ былъ очень строгъ. Бездѣлье гарнизонной жизни не было хорошей школой для такой живой натуры. Картежъ, любовныя похожденія, долги—вотъ содержаніе этой жизни. Надѣлавъ долговъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ, а вслѣдъ затѣмъ отецъ выхлопоталъ lettre de cachet и посадилъ его подъ замóкъ на о. Рэ. Но тамъ Мирабо встрѣтилъ очень добродушнаго коменданта, котораго онъ совершенно обворожилъ и который не стѣснялъ его свободы и никакъ не могъ съ нимъ справиться и, наконецъ, самъ постарался избавиться отъ своего арестанта и выхлопоталъ ему назначеніе въ лоррэнскій полкъ, посланный въ походъ на Корсику. Походная жизнь была по сердцу Мирабо, она соотвѣтствовала потребности его натуры въ дѣятельности. Ему показалось даже, что военная дѣятельность была именно его призваніемъ. Командиръ его полка тоже находилъ, что у него большія военныя способности, и что онъ „не встрѣчалъ человѣка, болѣе способнаго къ военному дѣлу, чѣмъ графъ Мирабо“. Этотъ походъ на Корсику, сдѣлалъ и самого Мирабо какъ-то болѣе серьезнымъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Возвратившись оттуда, онъ отправляется къ дядѣ. Послѣдній его встрѣтилъ съ естественнымъ предубѣжденіемъ; но вскорѣ послѣднее превратилось въ очарованіе племянникомъ. Онъ поражаетъ честнаго моряка богатствомъ своихъ свѣдѣній, легкостью, съ которой онъ разсуждаетъ о самыхъ трудныхъ вопросахъ.

Идетъ ли рѣчь о военномъ дѣлѣ, онъ говоритъ такъ, какъ будто онъ посѣдѣлъ на боевомъ конѣ; идетъ ли рѣчь объ исторіи, онъ приводитъ въ восторгъ своего дядю началомъ сочиненія по исторіи Корсики, которую онъ принялся писать у него. Любознательность его не знаетъ предѣловъ, и онъ читаетъ все, что только находитъ въ его библіотекѣ. Онъ внимательно слушаетъ рѣчи дяди и, слушая, учится у него. Такъ было всегда въ его жизни: онъ учился не изъ книгъ только, но еще болѣе, наблюдая жизнь, обладая талантомъ читать эту громадную книгу и слушая разговоры людей, знающихъ тотъ или другой предметъ. Въ свое время также учился и Наполеонъ.

Очарованный племянникомъ, дядя сначала самъ не могъ разобраться въ томъ, что онъ изъ себя представляетъ. Онъ пишетъ своему брату: „Или онъ будетъ хуже, чѣмъ Неронъ, или же онъ будетъ лучше Марка Аврелія; у него чувствительное сердце, а ума у него больше, чѣмъ у чорта. Моя бѣдная голова совершенно поглощена имъ... Или это самый ловкій и искусный зубоскалъ міра, или же это будетъ величайшій человѣкъ въ Европѣ, чтобы быть папой, министромъ, генераломъ, адмираломъ, канцлеромъ и, можетъ быть, земледѣльцемъ. Ты былъ коечѣмъ въ двадцать два года, но только половину его стоилъ".

Отецъ отнесся очень подозрительно къ этимъ восторгамъ своего брата, но и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы его сынъ оставался въ военной службѣ. Онъ говорилъ, что во Франціи, никто не хочетъ работать; вмѣсто того, всѣ охотятся за чинами и за орденами. Кто хочетъ называть землю своей, тотъ долженъ привыкнуть къ тому, чтобы признавать жителей своихъ помѣстій своими братьями, а не смотрѣть на нихъ, какъ на „губку, которую выжимаютъ, чтобы имѣть мѣсто въ оперѣ и ѣздить въ золоченой каретѣ по мостовымъ Парижа". Онъ требовалъ поэтому, чтобы сынъ его изучилъ физіократическія сочиненія и приготовился къ своей роли помѣщика. Съ этой точки зрѣнія совѣтъ отца понравился Мирабо. Интересъ къ меньшей братіи носился тогда въ воздухѣ. Несмотря на то, что ему показались довольно скучными физіократическія сочиненія, за которыя его засадилъ дядя, но работа пошла споро. Онъ работалъ, какъ каторжникъ, не только надъ чтеніемъ, но и надъ

вычисленіями, соображеніями и проектами устройства защитъ противъ наводненій Дюрансы, дѣлалъ выписки изъ сочиненій и въ недѣлю истратилъ весь запасъ бумаги, который дядюшка приготовилъ на восемь мѣсяцевъ. Послѣдній былъ пораженъ его работоспособностью. Онъ называетъ его то мельницей мыслей, то раскаленой печкой и пришелъ къ убѣжденію, что если въ немъ и много самомнѣнія, то все же съ кротостью и разсудкомъ съ нимъ легко можно справляться.

Наконецъ и отецъ рѣшился простить сына и допустить его къ себѣ на глаза. И на отца онъ произвелъ то же впечатлѣніе огромной рабочей силы. И въ полѣ, и за письменнымъ столомъ онъ былъ одинаково плодовитъ и находчивъ. Тогда былъ въ Лимузенѣ голодъ. Съ замѣчательнымъ искусствомъ и усердіемъ онъ заботился о помощи крестьянамъ. „Онъ можетъ самого черта въ отчаяніе привести“, писалъ отецъ своему брату, „это демонъ невозможнаго“; но „что дѣлать“, спрашивалъ онъ далѣе, „съ этимъ избыткомъ физической и духовной силы? Я знаю только царицу Екатерину, которая была бы ему подходящей партіей“.

Скоро ему пришлось удовольствоваться гораздо менѣе достойной невѣсткой. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Провансъ по дѣламъ отца, Мирабо познакомился съ дочерью богатаго маркиза Мариньянъ, отъ котораго разсчитывалъ получить въ наслѣдство болѣе 500.000 ливровъ, и устроилъ такъ, что родные не могли отказать ему въ рукѣ ихъ дочери. Этотъ бракъ, который долженъ былъ, казалось, стать началомъ его солидной жизни, имѣлъ совершенно обратныя послѣдствія и повлекъ за собой цѣлый рядъ злоключеній.

Два первыхъ года супруги провели хорошо и воспользовались своимъ положеніемъ богатыхъ наслѣдниковъ, которымъ открывается широкій кредитъ разными ростовщиками. Они жили широко и въ теченіе 15 мѣсяцевъ сдѣлали до 220.000 ливровъ долгу. Съ кредиторами въ то время дворянамъ не приходилось особенно церемониться: болѣе назойливыхъ изъ нихъ Мирабо выгонялъ вонъ, пуская въ дѣло иногда и палку; но безъ конца и дворянину нельзя платить свои долги ругательствами и палочными ударами, а потому пришлось подумать о

болѣе дѣйствительныхъ средствахъ. Отецъ его и тесть рѣшились прибѣгнуть къ тѣмъ, которыя тогда нерѣдко пускались въ дѣло, чтобы защитить дворянъ отъ послѣдствій ихъ расточительности. Они выхлопотали, чтобы Мирабо объявили находящимся „подъ рукою короля“ (sous la main du Roi), что обозначало, что противъ него нельзя было начать взысканія въ обычномъ судебномъ порядкѣ. Вслѣдъ затѣмъ было выхлопотано учрежденіе надъ нимъ опеки съ водвореніемъ его на жительство въ замкѣ Маноскѣ (Manosque) 1774 г.; причемъ въ распоряженіе супруговъ, предоставлено было изъ доходовъ 3.000 ливровъ въ годъ, а остальные доходы должны были быть употребляемы опекой на уплату долговъ. Это запрещеніе оставалось на Мирабо въ теченіе всей его жизни, и онъ никогда не хлопоталъ о его снятіи: оно его освобождало отъ взысканій со стороны кредиторовъ, которые въ сущности не имѣли права давать денегъ взаймы человѣку, находящемуся подъ запрещеніемъ. Все это было въ обычаяхъ того времени.

Съ женой у него скоро начались нелады, онъ искалъ авантюръ въ окрестностяхъ, она устроила таковую у себя дома съ какимъ-то мушкетеромъ. Когда Мирабо, къ удивленію своему, узналъ объ этомъ, онъ разыгралъ театральную сцену. Въ напыщенныхъ выраженіяхъ онъ „даровалъ“ женѣ презрительное прощеніе, а любовнику ея написалъ торжественное письмо, въ которомъ въ заключеніе говорилъ: „Не показывайтесь никогда мнѣ на глаза, ибо пусть молнія меня убьетъ, если я не уничтожу васъ“. Уничтожать его онъ и не думалъ, а даже для своего спокойствія сталъ хлопотать о его женитьбѣ. Оставивъ съ этой цѣлью свое невольное мѣстожительство, онъ заѣхалъ по пути въ городокъ Грассъ (Grasse), гдѣ жила его сестра, замужемъ за Кабри. Это была женщина красивая, веселая и остроумная, а потому имѣла не мало ухаживателей. Она не стояла за семейныя добродѣтели; этого, можетъ быть, ей и не поставили бы въ большую вину, но она отличалась способностью зло смѣяться надъ мѣстными барынями и не прятать своихъ авантюръ, а потому съ мѣстнымъ обществомъ она была не въ ладахъ. Когда пріѣхалъ къ ней братъ, она пріобщила его къ своей веселой жизни, что не составляло большого труда, а мѣстное общество

включило его въ свои сплетни. Однажды на стѣнахъ города появились афиши, въ которыхъ нѣкоторыя мѣстныя дамы были оскорблены. Тотчасъ подумали на г-жу Кабри и на ея брата и стали по этому поводу распускать про нихъ разные оскорбительные слухи. Болѣе другихъ отличился въ этомъ отношеніи баронъ Вильневъ. Это стало причиной скандала между нимъ и Мирабо. Однажды онъ съ сестрой устроили пикникъ за городомъ. Когда они весело проводили время, невдалекѣ отъ нихъ расположился баронъ Вильневъ. Подойти къ нему, вырвать у него зонтикъ и начать бить его имъ было для Мирабо дѣломъ одной минуты. Противники вцѣпились другъ въ друга, валялись въ пескѣ и тузили другъ друга, какъ извощики. Мадамъ Кабри и ея пріятели не допустили прибѣжавшихъ на шумъ женщинъ разнять дерущихся, а сами хохотали до упаду, смотря на эту сцену. Въ происшедшемъ, по нравамъ того времени, не было ничего изъ ряда вонъ выходящаго; но мѣстное общество и принадлежавшія къ нему мѣстныя власти дали этому дѣлу серьезный оборотъ. Прокуроръ сенешальства (lieutenant criminel de la sénéchaussée) возбудилъ преслѣдованіе противъ Мирабо не за драку, а по обвиненію въ покушеніи на убійство и издалъ указъ объ его арестѣ. Теперь надо было оградить его отъ прокурора, какъ прежде защищали его отъ кредиторовъ. На это тоже было средство въ обиходѣ тогдашняго времени. Отецъ его выхлопоталъ такъ называемое lettre de cachet, то-есть приказъ объ административномъ арестѣ, и его посадили въ фортъ Ифъ, недалеко отъ Марсели, съ наказомъ коменданту, какъ можно строже къ нему относиться. Но съ послѣднимъ случилось то же, что и съ комендантомъ Рэ: онъ былъ очарованъ своимъ арестантомъ и скоро предоставилъ ему такую свободу, что тотъ сталъ жить въ свое удовольствіе и завелъ скандальную интригу съ маркитанткой. Тогда отецъ похлопоталъ о переводѣ его въ другое мѣсто. Его перевели въ фортъ Жу (Joux), около Понтарлье. Коменданту написали, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ послабленій юному Мирабо, а кромѣ того отецъ написалъ ему и разрисовалъ въ подходящихъ краскахъ характеръ своего ужаснаго сына. Сначала положеніе Мирабо было очень тяжело, и его живая натура особенно страдала отъ бездѣлья и отъ отсутствія движенія.

Но скоро и здѣсь произошло то же самое, что и въ другихъ мѣстахъ. Комендантъ подпалъ подъ его вліяніе. Мало-по-малу [illegible] расширялъ его свободу, позволялъ ему ѣздить въ Понтарлье и, наконецъ, дѣло дошло до того, что Мирабо нанялъ себѣ квартиру въ городѣ и только на бумагѣ числился обитателемъ Жу. Въ Понтарлье онъ познакомился съ женой члена мѣстнаго парламента (судебная палата), Софіей Монье. Это была молодая женщина. Родные ея выдали ее замужъ, за стараго человѣка изъ корыстныхъ разсчетовъ, а послѣдній женился на молодой дѣвушкѣ для того, чтобы отомстить своей дочери, которую [illegible] разсчитывалъ, получивъ другого ребенка, лишить [illegible] Удивительно ли, что Софи Монье скоро полюбила Мирабо, который, съ своей стороны, тоже сильно полюбилъ ее. [illegible] взглядъ кажется страннымъ, что такой человѣкъ, [illegible] могшій похвастаться красотой, но скорѣе отличавшійся [illegible] ствіемъ таковой, могъ внушить такое сильное чувство [illegible] (24 года), красивой женщинѣ, которою такъ многіе [illegible] Да и ей ли одной внушалъ Мирабо такое же [illegible] Но на этомъ некрасивомъ лицѣ были черты, которыя [illegible] ло назвать красивыми. Это глаза и ротъ. Глаза [illegible] выражавшіе всѣ оттѣнки чувства, ласкавшіе [illegible] и наводившіе страхъ выраженіемъ гнѣва. Ротъ [illegible] ный, очаровывавшій своей улыбкой, слагавшейся [illegible] ніемъ симпатіи. Но, конечно, эти черты лица [illegible] кой роли, если бы не было той внутренней [illegible] верхъ надъ его лицомъ и одухотворяла и [illegible] или по крайней мѣрѣ, заставляла не видѣть [illegible] Какъ онъ когда-то сказалъ матери, „le des[illegible] и это такъ и вышло. Эта сила и блескъ [illegible] отвратимое чувство, эта сила желанія, [illegible] стремиться, все это преображало лицо, [illegible] чиналъ говорить; эти душевныя силы [illegible] побѣждали ему тѣхъ, кто приходилъ съ [illegible] ніе, не только женщинъ, но и мужчинъ, [illegible] учителя любили его, его дядя увлекся [illegible] рымъ поручали стеречь его какъ [illegible] предупреждали на счетъ его характера [illegible]

ніе. Одинъ современникъ Мирабо говоритъ, что однажды его *другъ спросилъ* Софи Монье, „*какимъ это образомъ* Мирабо *властвуетъ надъ нею, когда онъ замѣчателенъ только своей крайней некрасивостью?*“ Она *отвѣтила*: „*Отчего вы сами слушаете его съ религіознымъ почтеніемъ, какъ только онъ начинаетъ говорить?... Почему вы, мужчины, такіе сильные и такіе тщеславные, тогда оказываетесь у его ногъ? А я, слабая женщина, могу ли я противостать ему, когда онъ у моихъ ногъ развиваетъ краснорѣчіе, гораздо болѣе непреодолимое?*“ *).

Взаимныя чувства Мирабо и Софи стали извѣстны среди ихъ общихъ знакомыхъ и среди многихъ встрѣчали сочувствіе. Между ними относился къ нему съ особенной симпатіей Мишо (Michaud), старый прокуроръ парламента. Онъ не только покровительствовалъ Мирабо, когда онъ послѣ тщетныхъ попытокъ добиться освобожденія отъ тяготѣвшаго надъ нимъ ареста, рѣшился бѣжать изъ Понтарлье, но онъ скрылъ его у себя въ домѣ въ то время, когда комендантъ подъ вліяніемъ настоянія высшихъ властей, а отчасти и изъ ревности, сталъ разыскивать Мирабо, чтобы возвратить его въ крѣпость. Мирабо бѣжалъ изъ Понтарлье сначала въ Дижонъ, а потомъ въ Швейцарію. Софи Монье отдѣльно послѣдовала туда за нимъ, захвативъ съ собою порядочную сумму денегъ и драгоцѣнностей своего мужа 25.000 ливровъ.

Такъ какъ передъ тѣмъ начались сношенія Мирабо съ матерью, то отецъ испугался отъ этого возможныхъ послѣдствій для его процесса съ женой, а потому, хотя и скрѣпя сердце, рѣшился на расходъ для поимки бѣглеца. Но поиски остались безъ результата; нѣсколько разъ полицейскіе сыщики почти настигали его, но ему удавалось избѣгнуть опасности. Изъ Швейцаріи Мирабо и Софи Монье, перебрались въ Голландію, гдѣ поселились въ Амстердамѣ подъ именемъ супруговъ Сенъ Матье. Средства, которыя захватила съ собой госпожа Монье, далеко не были достаточны даже для людей и болѣе экономныхъ, чѣмъ Мирабо, а потому надо было подумать о заработкѣ, и вотъ Мирабо впервые принимается за литературную работу ради денегъ.

*) Esprit de Mirabeau, p. 41.

Для дворянина тогдашнего [illegible]
тельное. Еще раньше, во [illegible]
написалъ „Разсужденіе о [illegible]
теперь онъ продалъ рукопись [illegible]
телю за 1.500 ливровъ. Въ [illegible]
выступаетъ съ политическимъ [illegible]
деспотизмъ одного, деспотизмъ [illegible]
тизмъ многихъ (въ республикѣ [illegible]
перваго рода и слѣдитъ за [illegible]
чертами характеризуетъ онъ [illegible]
ханной дотолѣ смѣлостью разбирать [illegible]
слѣдуетъ хвалить“ въ „Essai sur [illegible]
„это быстрый ходъ мысли, живое [illegible]
ихъ; искренній патріотизмъ, довольно [illegible]
рый даетъ нѣкоторымъ страницамъ [illegible]
разнообразіе и обширность познаній [illegible]
ся у этого молодого человѣка [illegible]
хотя и не видать, откуда они у него [illegible]
имѣло успѣхъ и создало ему литературное [illegible]
появилось безъ его имени. Кромѣ [illegible]
дамѣ по многимъ вопросамъ литературы [illegible]
прочимъ о музыкѣ, которую онъ [illegible]
ли и которою они услаждали свое [illegible]
того времени надѣлала еще много [illegible]
вѣтъ Гессенцамъ“ (Avis aux Hessois [illegible]
бытія дня. Въ это время герцогъ [illegible]
англичанамъ извѣстное число своих [illegible]
ихъ въ Америку на войну противъ [illegible]
На Рейнѣ, куда ихъ доставили, [illegible]
шелъ бунтъ, который однако не помѣ [illegible]
сту посадки на корабли. Вотъ по [illegible]
бо написалъ свою брошюру. Въ ней [illegible]
раженіяхъ укорялъ гессенцевъ за [illegible]
бы пойти на помощь тѣмъ, кто [illegible]
зволяютъ продавать себя тѣмъ, [illegible]
виду литературныхъ достоинствъ [illegible]

канскихъ колонистовъ съ Англіей, эффектъ, произведенный имъ, былъ очень силенъ. Появилось возраженіе противъ мыслей Мирабо, которое вызвало съ его стороны сильную реплику, въ которой будущій вожакъ учредительнаго собранія еще рѣзче выставляетъ на видъ обязанность сопротивленія произволу и суверенное право народа. Какъ говоритъ проф. Штернъ, „онъ тутъ не обращается, какъ поэтъ „Коварства и любви", къ чувству, но его смѣлыя политическія аксіомы были такими же сильными показателями негодованія, какъ и потрясающія слова, которыми сѣдовласый камердинеръ поразилъ сердце леди Мильфордъ". Не этими только, вызывавшими общее сочувствіе, произведеніями прославилъ Мирабо свое имя во время пребыванія въ Амстердамѣ, но и другими, имѣвшими характеръ скандала и притомъ грубаго. Ставъ на сторону матери противъ отца, на котораго онъ могъ негодовать за многое въ отношеніяхъ его къ себѣ, онъ написалъ рядъ статей въ „Рейнскомъ Курьерѣ", которыя соединилъ въ видѣ мемуара „для несчастной, достойной женщины", въ которомъ онъ грубо очернилъ отца и зятя дю-Сальанъ, а также—и это было особенно чувствительно отцу,— госпожу де-Пайи (de Pailly), съ которой жилъ маркизъ Мирабо послѣ того, какъ онъ разошелся съ своей женой, и въ которой онъ нашелъ дѣйствительнаго друга жизни. Этотъ мемуаръ Мирабо послалъ своей матери въ количествѣ 600 экземпляровъ для распространенія въ публикѣ. Опубликованіе такого произведенія сдѣлало большой скандалъ и обострило ненависть отца къ сыну. Если прежде онъ опасался содѣйствія, которое можетъ оказать молодой человѣкъ матери въ процессѣ ея съ нимъ, то теперь ему представилось необходимымъ достать его и запереть покрѣпче. Съ этой цѣлью онъ сталъ хлопотать предъ правительствомъ, чтобы оно потребовало выдачи Мирабо. Съ другой стороны, о томъ же самомъ хлопоталъ и Монье по отношенію къ своей женѣ. Послѣдній предлагалъ ей, что онъ предоставитъ ей полное прощеніе и дастъ денегъ на томъ только условіи, чтобы она разсталась съ своимъ любовникомъ. Она отказалась отъ этого предложенія. Мирабо былъ предупрежденъ о томъ, что предстоитъ выдача его французскому правительству; но или потому, что онъ не имѣлъ средствъ оставить Амстердамъ, или же онъ

не хотѣлъ разстаться съ Софи Монье, но только онъ ничего не предпринялъ для того, чтобы избавиться отъ ареста, и оба они 14 мая 1777 года были выданы французскому посланнику и привезены въ Парижъ. Мирабо разлучили съ его подругой и посадили въ Венсенскій замокъ на основаніи lettre de cachet, вновь выхлопотаннаго его отцомъ. Послѣдній писалъ по этому поводу своему брату: „Я хочу, чтобы, кромѣ меня и властей, никто не зналъ о мѣстѣ нахожденія этого злодѣя, и чтобы послѣ моей смерти мой наслѣдникъ узналъ о немъ только изъ моего запечатаннаго письма“. Такимъ образомъ, Мирабо долженъ былъ по мысли отца находиться въ пожизненномъ заключеніи, вродѣ желѣзной маски. Въ первое время послѣ ареста онъ былъ лишенъ всякихъ средствъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, и ему не давали никакихъ письменныхъ принадлежностей.

За четыре дня до его ареста въ Амстердамѣ состоялся въ Понтарлье приговоръ по дѣлу его и Софи Монье. По этому приговору онъ былъ признанъ виновнымъ въ соблазнѣ и похищеніи чужой жены и приговоренъ къ отрубленію головы и уплатѣ 40.000 ливровъ. Что касается ея, то она была приговорена къ лишенію правъ, вытекающихъ изъ ея брака съ Монье, къ обрѣзанію волосъ и къ строгому заключенію въ монастырѣ. Дальнѣйшая судьба ея представляетъ печальный эпилогъ непродолжительнаго счастья. Сначала она была лишена возможности получать извѣстія отъ Мирабо, потомъ послѣднему, какъ и прежде, удалось склонить въ свою пользу свое начальство и получить возможность переписываться съ нею. Сначала онъ писалъ каждый день. Потомъ эта переписка стала рѣже и рѣже и, наконецъ, письма Софи стали оставляться безъ отвѣта. Горе ея было безконечно сильно; по словамъ доктора, она выплакала свои глаза. Когда умеръ ея мужъ, ее освободили. Она увлеклась однимъ жандармскимъ поручикомъ, который однако скоро разочаровалъ ее своей грубостью. Потомъ у нея явилось новое чувство къ одному молодому дворянину; но наканунѣ самаго брака онъ умеръ. Этого удара она не выдержала и покончила съ собою самоубійствомъ. Извѣстіе объ этомъ получено было Мирабо въ то время, когда онъ былъ въ засѣданіи Національнаго Собранія, и, повидимому, не произвело на него особеннаго впечатлѣнія:

прошедшее подернулось дымкой забвенія, другія стремленія и другія чувства владѣли имъ въ то время.

Почти одновременно съ процессомъ въ Понтарлье, разбиралось дѣло Мирабо съ Вильневомъ въ Грассѣ. Тоже заочно онъ былъ приговоренъ тамъ къ порицанію (blame), что заключало въ себѣ лишеніе гражданскихъ правъ, и къ уплатѣ Вильневу 6.000 ливровъ. Оба эти приговора не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ въ силу lettre de cachet Мирабо находился „подъ рукою короля", значитъ, внѣ дѣйствія суда; но первый изъ нихъ могъ имѣть для него впослѣдствіи серьезное значеніе, если бы онъ не добился его отмѣны, а второй такъ и остался неотмѣненнымъ, но, что называется, пришелъ въ забвеніе.

Почти въ то же время пришелъ къ концу и процессъ Мирабо-отца съ его женой. Хотя большинство парижскаго парламента и не благоволило къ „Другу человѣчества", какъ представителю физіократіи, однако парламентъ отвергъ ея жалобу на него. Тогда она явилась къ нему въ домъ и объявила, что она не выйдетъ изъ него. Никакими силами ее нельзя было выдворить оттуда. Тогда маркизъ обратился къ помощи правительства и получилъ lettre de cachet, въ силу котораго мадамъ Мирабо была посажена въ заключеніе въ монастырь св. Михаила въ Парижѣ, и игуменья этого монастыря должна была ее не выпускать оттуда, при условіи полученія отъ маркиза Мирабо опредѣленной ежегодной платы за ея содержаніе. Это опредѣленіе, повидимому, состоялось въ министерскомъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Людовика XVI. Маркизъ былъ очень доволенъ достигнутыми результатами: сына заперъ подъ замокъ, жену тоже, оставалась еще на свободѣ дочь мадамъ Кабри, которая, по его словамъ, принадлежала къ этому „тройственному союзу разбойниковъ"; но онъ надѣялся и ее тоже припрятать и тѣмъ достигнуть полнаго спокойствія.

Съ того момента, какъ захлопнулись за Мирабо тяжелыя двери Венсенскаго замка, начался въ жизни его тотъ періодъ жизни, который имѣлъ большое значеніе. Прежнія мѣста заключенія были шутками сравнительно съ этимъ. Здѣсь не только заключенныхъ не выпускали никуда, но имъ запрещалось даже общеніе другъ съ другомъ, и они вполнѣ отчуждались отъ внѣш-

няго міра. Сначала Мирабо не выпускали рѣшительно никуда, даже во дворъ замка, ему не позволяли ни съ кѣмъ видѣться и не позволяли ни съ кѣмъ переписываться. Его вырвали изъ объятій любимой женщины и даже не позволяли переписываться съ нею. Для бурной натуры Мирабо такое лишеніе движенія, свободы и занятій было втройнѣ тяжело при такихъ условіяхъ. Онъ старался найти въ пѣснѣ выходъ своей потребности дѣятельности и ходынемъ ходившему чувству. Онъ пѣлъ хорошо пѣсни и собиралъ передъ своимъ окномъ слушателей изъ обитателей замка. Потомъ ему удалось нѣсколько смягчить свое заключеніе. Ему позволили читать и писать и допустили переписку съ Софи. Онъ долженъ былъ писать очень экономно, такъ какъ бумага выдавалась счетомъ, но именно за эти три съ половиной года, которые онъ провелъ въ тюрьмѣ, онъ сдѣлалъ громадную работу. Онъ перечиталъ скоро всѣ книги, которыми располагала библіотека замка, но такъ какъ онъ получилъ позволеніе покупать книги, то въ этомъ отношеніи онъ не терпѣлъ недостатка. Но что было написано имъ за это время, представляется невѣроятнымъ. Если въ Голландіи онъ писалъ много ради денегъ, то здѣсь онъ писалъ ради потребности въ активной умственной работѣ, ради спасенія себя отъ гибели, подъ тяжестью одиночества. Колоссальность этой работы смущаетъ обыкновеннаго смертнаго и вызываетъ удивленіе. Каталогъ написаннаго имъ въ эту пору очень разнообразенъ. Тутъ и переводы съ разныхъ языковъ, и разсужденія на разныя темы, замѣтки, докладныя записки министрамъ по своему дѣлу и письма, письма безъ конца. Онъ переводитъ Тибулла, разсказы Боккаччіо, пишетъ жизнь Агриколы, мемуары о министерствѣ герцога Эгильона, разсужденіе о вѣротерпимости, мемуары объ оспопрививаніи, объ употребленіи регулярныхъ войскъ, исторію Филиппа II, двѣ героическихъ трагедіи и одну буржуазную комедію и знаменитый мемуаръ о „Приказахъ объ арестѣ и о государственныхъ тюрьмахъ“ (Les lettres de cachet et les prisons d'Etat) и ведетъ огромную переписку съ Софи.

Нечего и говорить, что среди всей этой массы написаннаго есть много дребедени, которою несчастный заключенникъ убивалъ время; но въ ней надо имѣть въ виду двѣ категоріи про-

изведеній, въ которыхъ выясняется авторъ, какъ человѣкъ, какъ писатель и какъ ораторъ. Первая охватываетъ собою письма и мемуары, адресованные къ начальнику полиціи, къ Мальзебру, къ маркизу Мирабо и къ другимъ лицамъ. Къ ней же слѣдуетъ отнести и упомянутый мемуаръ о lettres de cachet. Ко второй относится его корреспонденція съ Софи Монье.

Что касается первой группы и въ особенности мемуаровъ, то многіе изъ нихъ представляютъ собой шедевры ума, страсти и краснорѣчія. Руссъ говоритъ по поводу ихъ: „Я слышалъ на своемъ вѣку много адвокатскихъ рѣчей, но мало знаю такихъ, которыя бы въ чтеніи оставались такими сильными, такими искусными, такими язвительными и въ особенности такими патетическими, несмотря на напыщенность, которая портитъ почти всѣ произведенія того времени. Это произведеніе неподражаемаго адвоката, который защищаетъ дѣло, отъ котораго зависитъ вся его жизнь; это крикъ плоти, которая страдаетъ, ума, который задыхается, души, которая, почувствовавъ свое униженіе и униженіе, выпрямляется подъ рукой тюремщика и поднимается къ свободѣ".

Что касается писемъ къ Софи, то кромѣ личнаго интереса, они имѣютъ значеніе матеріала, по которому можно знакомиться съ воззрѣніями Мирабо въ это время. Эти письма были изданы впослѣдствіи, хотя и безъ вѣдома Мирабо, но они не предназначались для печати, а потому ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ вещь интимную, гдѣ, что называется, душа на распашку. Эта переписка сначала велась очень энергично. Софи Монье писала Мирабо по этому поводу въ 1780 году: „Вотъ ровно годъ, какъ мы пишемъ другъ другу; я сдѣлала подсчетъ писемъ. Мы написали, ты мнѣ и я тебѣ, триста шестьдесятъ". Писали, очевидно, чуть не ежедневно. Нечего и говорить, что ихъ личное чувство стоитъ тутъ на первомъ планѣ; но тутъ говорится обо всемъ—о религіи, о морали, о загробной жизни, о политикѣ и т. д. Когда Мирабо говоритъ о религіи, то мы видимъ спокойнаго атеиста, который не относится къ религіи враждебно, но для котораго она представляетъ предметъ совершенно безразличный. О загробной жизни онъ говоритъ совершенно опредѣленно, что, по его мнѣнію, со смертью все кончается и что дальше ничего нѣтъ. Онъ

много разсуждаетъ о морали, но эти разсужденія отличаются сбивчивостью и, видимо, его нравственная философія не имѣетъ подъ собой твердой почвы. Но при отсутствіи ясной философской системы, мы видимъ, что у этого человѣка чудный здравый смыслъ, который освѣщаетъ „потемки этой безпорядочной души“. По этой перепискѣ можно видѣть, какъ постепенно онъ проникается интересомъ къ политическимъ вопросамъ и какъ онъ смотритъ на себя самого. „Что касается меня, говоритъ онъ, я родился со всѣми талантами военнаго человѣка, съ нѣкоторымъ количествомъ ума, съ большой смѣлостью и съ душой, очень энергичной. Съ такими качествами можно найти себѣ мѣсто. Мнѣ говорили очень недавно, что я созданъ, чтобы играть видную роль (pour jouer un rôle). Да, я былъ созданъ для этого; я знаю это лучше тѣхъ, которые знаютъ обо мнѣ только то, что у меня лицо рябое, да что я молодой человѣкъ бурный уже давно, а теперь ставшій на дыбы подъ вліяніемъ несчастія“. Но они не хотѣли меня, когда я шелъ къ нимъ. Ну, чтожь, пускай идутъ къ чертямъ. Я имъ всѣмъ говорю, что они не знаютъ, какое сердце они рвутъ, не знаютъ, какого человѣка они презираютъ, и что они никогда не узнаютъ его цѣну. Политика, которую я изучалъ, мнѣ противна (me degoûtte). Мнѣ невыносимо, что люди приносятъ столько жертвъ и дѣлаютъ столько преступленій ради интересовъ, которые мнѣ кажутся такими маленькими“.

Это отношеніе къ политикѣ странно слышать въ устахъ человѣка, который составилъ себѣ славу именно въ ея области. Но это отношеніе къ ней у него самого тогда же измѣняется. По мѣрѣ того, какъ продолжается его невыносимая неволя, съ каждымъ новымъ страданіемъ политика привлекаетъ его все больше и больше. Съ высоты своей башни онъ говоритъ о власти королей, о правахъ подданныхъ, о союзахъ, которые нужны для Франціи, и вообще о международномъ и государственномъ правѣ и высказываетъ такіе взгляды, которые насъ повергаютъ въ смущеніе своей пророческой смѣлостью. Спрашиваешь себя, какимъ образомъ при абсолютномъ правительствѣ политическій арестантъ осмѣливался писать такія страницы? Какимъ образомъ чиновникъ, бодрствующій и всемогущій, читая эти страницы ежедневно, пропускалъ ихъ безпрепятственно?“.

Эти взгляды обнаруживаютъ передъ нами зрѣющій не по днямъ а по часамъ политическій умъ, направляющійся противъ стараго порядка, и однимъ изъ могущественныхъ условій этого быстраго роста было именно заключеніе. Будучи на свободѣ, Мирабо оставался бы, по всей вѣроятности, въ области тѣхъ авантюръ, среди которыхъ мы его видѣли и которыя не могли бы дать его уму того досуга, который былъ нуженъ для того, чтобы онъ созналъ себя и сосредоточился. Будучи оторванъ отъ жизни и ея радостей и увлеченій, онъ отдался размышленіямъ и сильной умственной работѣ, оплодотворяемой чтеніемъ и изложеніемъ продуманнаго. Подъ вліяніемъ его личныхъ обстоятельствъ его мысль направляется естественно противъ того порядка, который его такъ давитъ, къ изученію государственнаго порядка вообще, къ разбору того, какимъ онъ долженъ быть для того, чтобы въ государствѣ жилось легче, и такимъ путемъ создается политикъ, противникъ стараго порядка. Эта сторона его мысли съ особенной силой высказалась въ его мемуарѣ о lettres de cachet. Человѣкъ, который прошелъ черезъ форты Ифъ, Жу и теперь сидѣлъ въ Венсенѣ не за опредѣленное преступленіе, а по волѣ отца, поддержанной административнымъ произволомъ, тогда какъ этотъ непокорный сынъ былъ уже 30 лѣтъ отъ роду и потому могъ бы претендовать быть свободнымъ отъ отеческой власти, такой человѣкъ былъ живымъ образчикомъ того, что можетъ проистекать отъ преувеличенія власти, переходящей въ произволъ. На себѣ самомъ онъ испыталъ его и въ своей собственной жизни онъ могъ черпать аргументы противъ него. Поэтому-то это сочиненіе его, служащее продолженіемъ его-же „Essai sur le despotisme“ и дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же мыслей, отличается такой силой впечатлѣнія. Никогда не была доказана съ такой силой и жаромъ незаконность произвольнаго ареста съ точки зрѣнія тогдашняго права. Въ этомъ сочиненіи мы видимъ уже будущаго борца противъ стараго порядка. Въ немъ же теперь мы видимъ человѣка, который не согнулся подъ тяжестью несчастья, а напротивъ противопоставляетъ ему еще болѣе сильную энергію души. Съ нимъ было въ данномъ случаѣ то, что происходитъ съ натурами сильными, и въ чемъ и выражается ихъ мощь. Если принять во вниманіе, чѣмъ явля-

лось заключеніе въ Венсенѣ съ лишеніемъ свободы движенія для этой атлетической натуры, съ отсутствіемъ дѣятельности для этого ума, находящагося въ постоянномъ движеніи, то нельзя не придти къ заключенію, что натура менѣе сильная сломилась бы подъ этой тяжестью и потеряла бы свою первоначальную упругость. Но натура Мирабо закаляется еще болѣе въ этихъ условіяхъ и его нравственная сила оказывается по окончаніи заключенія еще большею, чѣмъ была прежде. Въ томъ и заключается значеніе пребыванія въ Венсенѣ въ его жизни, что въ это время его характеръ закончилъ свое развитіе. Предъ нами человѣкъ готовый. Онъ сталъ какъ-то устойчивѣе, онъ пересталъ метаться въ безпорядочныхъ порывахъ страсти, умъ его образовался путемъ широкаго наблюденія надъ своей и чужой жизнью, надъ бывшимъ прежде, и путемъ глубокаго размышленія надъ этими наблюденіями и массы чтенія теперь.

Всѣ мемуары, адресованные Мирабо начальнику полиціи Ленуару, Мальзербу, а также и отцу, есть вопль объ освобожденіи. Какъ случалось и раньше въ его общеніи съ людьми, не исключая и комендантовъ крѣпостей, въ которыхъ ему доводилось сидѣть, такъ случилось и теперь. Онъ подчинилъ своему обаянію коменданта Венсенскаго замка. Послѣдній выступаетъ ходатаемъ за него предъ начальствомъ. Онъ представляетъ, что здоровье Мирабо подвергается разстройству отъ отсутствія воздуха и движенія, и самъ начинаетъ понемногу расширять кругъ его заключенія. Онъ позволилъ ему устроить предъ окномъ свой садикъ, въ которомъ можно было заняться физической работой, онъ доставилъ ему возможность переписываться съ Софи и читать, писать и покупать книги. Затѣмъ онъ сталъ позволять ему прогуливаться по замку и, наконецъ, ѣздить верхомъ въ его окрестностяхъ. Но не только комендантъ,—самъ министръ полиціи поддался вліянію слова Мирабо. Ленуаръ сталъ ходатайствовать передъ его отцомъ объ его освобожденіи. Послѣдній сначала упорно сопротивлялся, но потомъ сдался и согласился на его освобожденіе послѣ трехъ съ половиной лѣтъ заключенія. Но онъ согласился не безусловно, а поставилъ своему сыну очень тяжелыя требованія: чтобы онъ оставилъ Софи Монье и вернулся къ женѣ, чтобы онъ добился отмѣны приговора въ Понтарлье

и чтобы онъ выступилъ адвокатомъ отца въ его процессѣ противъ матери. Это послѣднее условіе было самымъ унизительнымъ и тяжелымъ; но суровый отецъ стоялъ на своемъ. Когда Мирабо согласился на всѣ эти условія, тогда, въ 1780 году онъ былъ освобожденъ, и этимъ освобожденіемъ кончаются его аресты.

Хотя маркизъ Мирабо и заперъ свою жену въ монастырь, но онъ не былъ защищенъ отъ ея претензій, особенно по поводу имущества, которое ей принадлежало и котораго онъ не хотѣлъ возвращать. Она требовала отдѣльнаго жительства и возвращенія приданаго. Общественное мнѣніе Парижа было на ея сторонѣ. Мирабо возбудилъ его противъ себя своей ненасытностью въ полученіи lettres de cachet. Положеніе Мирабо, какъ защитника своего отца, было очень трудно, не говоря уже о томъ, что онъ теперь долженъ былъ дѣйствовать противъ той, которую онъ прежде защищалъ, и защищать того, кого онъ такъ порочилъ въ своихъ заграничныхъ мемуарахъ, извѣстныхъ однако въ Парижѣ. Когда насталъ день засѣданія парламента, то зала была переполнена публикой, явно враждебной „Другу человѣчества". Оффиціальный адвокатъ и Мирабо сдѣлали все, что были въ силахъ сдѣлать, и все-таки проиграли процессъ. Парламентъ призналъ за г-жею Мирабо право получить все свое приданое. Но Мирабо-сынъ выказалъ очень много искусства и знанія, чтобы его можно было винить въ результатѣ, и отецъ поэтому позволилъ ему явиться къ себѣ просить прощенія. Послѣ десяти лѣтъ они свидѣлись снова, и маркизъ нашелъ въ сынѣ большую перемѣну. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни послѣдняго съ нимъ въ Биньонѣ, онъ нашелъ, что „порокъ имѣетъ въ немъ менѣе глубокіе корни, чѣмъ добро, и что худшее, въ чемъ его можно упрекать, должно быть приписано его бурной натурѣ".

Вскорѣ затѣмъ начатъ былъ процессъ въ Понтарлье. Мирабо отправился туда и, въ качествѣ приговореннаго къ смерти, явился въ полицію съ требованіемъ о своемъ арестѣ. Положеніе его противниковъ было довольно трудно, ибо если заочно было возможно его обвинить въ увозѣ чужой жены и въ ея соблазнѣ, то въ присутствіи обвиняемаго сдѣлать это было очень трудно. Мирабо имѣлъ къ тому же такого друга, какъ прокуроръ Мишо, который и теперь оказывалъ ему свою помощь. Онъ повелъ дѣ-

ло очень смѣло и энергично и печатными записками старался воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Его противники старались выиграть время и взять его, такъ сказать, измором, такъ какъ ему отказали освободить его на поруки, а потому ему приходилось сидѣть въ отвратительной тюрьмѣ маленькаго городка тогдашняго времени. Но онъ былъ твердъ и такъ энергично велъ свое дѣло, съ такой смѣлостью нападалъ на своихъ противниковъ, что дѣло было имъ выиграно, сначала въ Понтарлье, а потомъ въ Безансонѣ. Когда дѣло перешло сюда по аппеляціи, то противники Мирабо могли надѣяться на то, что очень много членовъ парламента были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Монье; но Мирабо былъ увѣренъ въ своихъ силахъ. Онъ писалъ своему другу: „Я хочу показать, что можетъ сдѣлать человѣкъ, отважный въ этотъ вѣкъ безволія". Какъ въ Понтарлье, такъ и въ Безансонѣ онъ не только защищался въ своихъ мемуарахъ, но онъ нападалъ на судебныя злоупотребленія того времени, и, привлекая тѣмъ на свою сторону общественное мнѣніе, онъ смущалъ своимъ искусствомъ и смѣлостью своихъ судей. Теперь повторилось то же самое, что происходило незадолго передъ тѣмъ въ процессѣ Бомарше, надѣлавшемъ такъ много шума. Только тогда дѣйствовалъ „одинъ Фигаро (буржуа), а въ лицѣ Мирабо соединились Фигаро и Альмавива вмѣстѣ". Маркизъ Мирабо былъ недоволенъ тѣмъ шумомъ, который производилъ его сынъ въ своемъ процессѣ. Онъ къ тому же противъ воли согласился на то, чтобы послѣдній присоединилъ къ своему процессу и интересы Софи Монье; да, наконецъ, всѣ эти мемуары и затяжка процесса стоила денегъ. Поэтому онъ прислалъ въ Безансонъ своего зятя дю-Сальанъ, который вошелъ въ соглашеніе съ противниками графа Мирабо. Послѣдніе были рады этому исходу, но самъ Мирабо былъ очень недоволенъ и приписывалъ этотъ шагъ вліянію мадамъ дю-Пайи, вернувшейся тѣмъ временемъ къ его отцу въ Биньонъ. Благодаря боязни Монье и родныхъ Софи проиграть дѣло, они согласились на то, чтобы послѣдняя осталась разведенной съ мужемъ, но получала бы пенсію въ 1.200 ливровъ и была обязана оставаться въ монастырѣ до смерти мужа и еще годъ послѣ нея. Мирабо долженъ былъ быть признанъ невиновнымъ въ возведенныхъ на него преступленіяхъ, и приговоръ, тя-

готѣвшій надъ нимъ, долженъ былъ быть отмѣненъ. Кромѣ того всѣ судебныя издержки были возложены на Монье.

Теперь осталось еще третье дѣло, это—возстановленіе совмѣстной жизни съ женой. Отецъ Мирабо думалъ, что она охотно согласится снова жить съ его сыномъ, тѣмъ болѣе, что она была столько же виновата передъ нимъ, сколько и онъ передъ нею. Но она вовсе не желала возврата мужа, съ которымъ такъ давно порвались всѣ сношенія и судьба котораго была такъ громко скандальна. Но послѣдній не хотѣлъ отказаться отъ мысли возстановить свое положеніе „порядочнаго" человѣка, живущаго своей семьей, а также и отъ того имущества, которое было за женой. Поэтому онъ рѣшился на процессъ, несмотря на то, что при связяхъ Мариньановъ въ Провансѣ добиться своего было мало шансовъ. Такимъ образомъ, начался процессъ въ Эксѣ, сдѣлавшій Мирабо знаменитымъ и популярнымъ въ Провансѣ.

Сначала онъ обратился къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ уговаривалъ ее принять его и жить съ нимъ. Его письма возвращались ему безъ отвѣта. Тогда онъ предъявилъ формальное требованіе о возвращеніи жены. Въ отвѣтъ на него она начала процессъ объ отдѣльномъ жительствѣ. Отецъ Мирабо не хотѣлъ этого процесса, какъ стоящаго денегъ, такъ и потому, что онъ зналъ, что онъ въ своихъ письмахъ къ Мариньанамъ далъ хорошее оружіе противъ своего сына. Но дядя уговорилъ его дать свое согласіе на этотъ процессъ, а самъ далъ на него средства. Мирабо не скрывалъ отъ себя трудности дѣла. Широкое родство Мариньановъ среди судебнаго міра и большія дружественныя отношенія давали имъ преимущество предъ человѣкомъ, у котораго ничего не было, кромѣ скандальнаго прошлаго и двухъ позорныхъ приговоровъ за спиной. Къ тому же онъ зналъ, что письма отца къ его женѣ будутъ выставлены противъ него, какъ аргументъ для законнаго отлученія жены отъ мужа, — котораго самъ отецъ называлъ негодяемъ, котораго „одинаково можно назвать обезьяной, лисицей или волкомъ", и про котораго отецъ говорилъ, что если жена его захочетъ жить съ нимъ, то можно сказать про нее, что она готова для поступленія въ сумасшедшій домъ. Но Мирабо былъ слишкомъ смѣлъ для того, чтобы отступить передъ опасностью проигрыша, и сама опасность борь-

бы увлекала его. Онъ рѣшился лично вести процессъ свой. Это рѣшеніе не только было необычно, но даже могло считаться неприличнымъ. Дворянство военное такъ рѣзко отдѣлялось отъ „штатскаго“ и считалось стоящимъ выше послѣдняго, что для военнаго дворянина нельзя было стать адвокатомъ, не унизивъ своего достоинства. Насколько въ то время эти сословныя различія были сильны, видно изъ того, что извѣстныя должности влекли за собой потерю дворянскаго достоинства, если бы ихъ занялъ дворянинъ. Такова была, напримѣръ, должность нотаріуса. Эти случаи помнятся еще и теперь. Академикъ Гастонъ Парисъ говорилъ мнѣ, что его дѣдъ или прадѣдъ, не помню, потерялъ дворянское достоинство именно потому, что занялъ должность нотаріуса. Мирабо выступилъ нарушителемъ этихъ воззрѣній стараго порядка. Его отецъ, котораго нельзя причислить къ сторонникамъ послѣдняго, не могъ однако отдѣлаться отъ стараго предразсудка, который сидѣлъ крѣпко въ его „феодальныхъ“ мозгахъ. Онъ писалъ своему брату по поводу рѣшенія своего сына: „Хотя мнѣ и трудновато было примириться съ мыслью, что внукъ нашего отца, предъ которымъ всѣ снимали шляпы, когда онъ проходилъ по королевскому дворцу, будетъ фигурировать у рѣшетки суда, оспаривая практику у „брехунцовъ ябеды“ (aboyeurs de la chicane), я себѣ сказалъ однако, что Людовикъ XIV еще болѣе былъ бы удивленъ, когда бы онъ увидалъ жену своего правнука въ платьѣ и въ передникѣ крестьянки бѣгающею безъ свиты, безъ пажей и совершенно одной по дворцу и по террасамъ и обращающеюся къ первому повѣсѣ во фракѣ (polisson en frac“), чтобы онъ далъ ей руку, которую этотъ послѣдній предоставляетъ ей только до конца лѣстницы. Другія времена, другіе нравы“ *).

Начался процессъ въ судѣ сенешальства. Противникомъ Мирабо выступилъ опытный адвокатъ Портализъ, котораго имя впослѣдствіи стало знаменитымъ по участію, которое онъ принималъ при Наполеонѣ въ выработкѣ гражданскаго кодекса. Странный случай свелъ теперь и поставилъ другъ противъ друга этихъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одному выпало на долю стоять во главѣ разрушителей стараго порядка, а другому въ

*) Mezières. p. 86.

первыхъ рядахъ созидателей новаго. 20 марта 1783 года, когда Мирабо говорилъ свою первую рѣчь въ процессѣ въ Эксѣ, признается историками однимъ изъ большихъ дней французскаго краснорѣчія. Онъ очень искусно построилъ свою рѣчь. Онъ говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ женѣ, о своемъ чувствѣ къ ней и обращался къ ней заочно въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ; затѣмъ онъ говорилъ въ торжественномъ тонѣ объ ихъ умершемъ маленькомъ сынѣ и его тѣнью заклиналъ жену возвратиться къ совмѣстной семейной жизни. Его рѣчь была настолько сильна, что произвела сильное впечатлѣніе даже на его противниковъ. Его тесть, маркизъ Мариньанъ, присутствовалъ при этомъ дебютѣ. Онъ слушалъ сначала эту рѣчь и эти изліянія чувства съ презрительной улыбкой, но мало-по-малу его настроеніе стало измѣняться, и его, наконецъ, охватило такое сильное волненіе, что онъ вышелъ изъ залы, задыхаясь отъ душившихъ его слезъ. Что же говорить о впечатлѣніи людей постороннихъ? Примемъ при этомъ въ разсчетъ особенный характеръ этой южной публики, легко воспламеняющейся и обладающей живымъ воображеніемъ, предъ которой говорилъ ихъ же землякъ, способный также отдаться чувству, вызываемому образами его фантазіи, какъ бы эти образы существовали въ дѣйствительности. Онъ сродни Тартарену изъ Тараскона. Успѣхъ Мирабо былъ громаденъ и не для дебюта, въ которомъ онъ сразу, безъ подготовки явился выдающимся ораторомъ. Процессъ не кончился въ этой инстанціи, но юридическій успѣхъ его былъ въ томъ, что судъ постановилъ, что жена его должна впредь до окончанія процесса возвратиться къ нему.

Дѣло перешло въ парламентъ Экса. Мирабо продолжалъ съ успѣхомъ вести свое дѣло, публика окружала его своей симпатіей, она сопровождала его рѣчи апплодисментами и съ энтузіазмомъ встрѣчала его на улицѣ. Выдающимся моментомъ процесса былъ день 23 мая 1783 года. На совѣщаніи адвокатовъ жены Мирабо одинъ изъ нихъ Паскалисъ посовѣтовалъ вывести Мирабо изъ себя. „Ему надо дать шпоры, сказалъ онъ, тогда онъ поднимется, какъ бѣшеный жеребецъ, и тогда ужъ онъ будетъ у насъ въ рукахъ“. Исполненіе этой задачи взялъ на себя Паскалисъ. Результатъ былъ достигнутъ, но онъ превзошелъ всякія

ожиданія. Мирабо отвѣчалъ Портализу въ рѣчи, которая длилась съ восьми часовъ утра и до часу дня безъ перерыва. Сначала онъ защищался противъ нападковъ и обвиненій, а потомъ самъ перешелъ въ нападеніе. Онъ атакуетъ своихъ противниковъ съ такой силой, что мало-по-малу овладѣваетъ всей залой. Его рѣчь льется бурнымъ потокомъ, его слова, жесты и мимика электризуютъ присутствующихъ; проявившаяся сила физическая, позволяющая человѣку говорить подрядъ пять часовъ безъ передышки, сила чувства и ума, вырвавшаяся, подобно вулкану, громаднымъ потокомъ огня и камней,—все это подчинило ему всѣхъ присутствующихъ, не исключая и противниковъ и тѣхъ, кто хотѣлъ вызвать этотъ вулканъ. Его слова бьютъ, какъ молотомъ, тѣхъ, противъ кого они направлены, его гнѣвъ и негодованіе поражаютъ тѣхъ, кто вызвалъ его. Впечатлѣніе рѣчи было такъ сильно, что самъ Портализъ не выдержалъ его. Онъ лишился чувствъ и его вынесли изъ залы въ обморокѣ. Отецъ Мирабо говоритъ: „Это невѣроятно, какъ этотъ палачъ овладѣлъ народомъ“. Стеченіе народа было громадно. Толпа разломала двери и окна, чтобы его слышать; чтобы его видѣть, люди взбирались на крыши сосѣднихъ домовъ, знатные путешественники, какъ эрцгерцогъ Фердинандъ Австрійскій, старались попасть въ судъ, чтобы его слышать. Словомъ, еще не было такого торжества оратора надъ всѣми, какое видѣли въ Эксѣ въ 1783 году. Хотя судъ и вынесъ 5 іюля приговоръ въ пользу жены Мирабо, и отчасти онъ самъ своими нападками на нее въ судѣ былъ причиной своей неудачи, но въ общественномъ мнѣніи онъ вышелъ побѣдителемъ, и торжество его было такъ велико и популярность такъ широка, что когда онъ шесть лѣтъ спустя явился въ Прованс на выборы, то пріобрѣтенныя симпатіи оказались живыми. Эта популярность и этотъ тріумфъ, соединенные съ сознаніемъ проявленной силы, совершенно уничтожили впечатлѣніе понесенной неудачи въ процессѣ. „Ему только этого и нужно было, пишетъ маркизъ Мирабо брату. Въ этомъ странномъ родѣ (расе) нѣтъ ни одного, который бы въ силу физической склонности не посмотрѣлъ бы какъ на день тріумфа на тотъ день, когда его повѣсятъ, только потому, что объ немъ будутъ говорить“ *).

*) *Mezières, p. 91.*

Впослѣдствіи жена Мирабо измѣнила свое отношеніе къ мужу. Когда онъ сталъ знаменитымъ политическимъ дѣятелемъ, когда его имя гремѣло по всей Франціи и стало извѣстно всей Европѣ, она сдѣлала попытку вернуться къ нему, но онъ отказался отъ этого. Потомъ, послѣ его смерти, она вышла замужъ и овдовѣла въ 1800 году. Тогда произошелъ странный поворотъ. Она воспылала ретроспективнымъ чувствомъ къ своему первому мужу и стала благоговѣйно чтить его память. Она пріѣхала въ Парижъ, поселилась въ той самой комнатѣ, въ которой онъ умеръ, и сама умерла на той самой постели.

Ораторская слава, пріобрѣтенная Мирабо въ Эксѣ, не дала ему ни общественнаго положенія, ни средствъ къ жизни. Отецъ не давалъ ему таковыхъ. Съ цѣлью снискать себѣ положеніе и занятіе онъ отправляется въ Англію, гдѣ у него были школьные товарищи по училищу аббата Шокара. Онъ поѣхалъ по приглашенію одного изъ нихъ; но ничего не удалось устроить, и онъ вернулся обратно. Англія произвела на него сильное впечатлѣніе, какъ прежде на Вольтера и на Монтескье. Англичане не понравились Мирабо; но государственный строй ихъ плѣнилъ его, и онъ склоненъ былъ приписывать англійской конституціи и ея вліянію на общество то, что англичане такъ сильны и имѣютъ превосходство надъ другими.

Возвратившись во Францію, онъ принимается для снисканія средствъ къ жизни за писаніе всевозможныхъ брошюръ и памфлетовъ по разнымъ вопросамъ и скоро пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность въ Парижѣ. Во многихъ случаяхъ въ составленіи этихъ произведеній у него были сотрудники, которые составляли для него матеріалъ и даже редактировали отдѣльныя части, а онъ только собиралъ это все вмѣстѣ и, какъ онъ говорилъ, шлифовалъ и полировалъ; но все же безъ его литературнаго таланта едва ли что либо вышло изъ даннаго матеріала, какъ безъ архитектора изъ кирпича не выйдетъ домъ. Его услугами сталъ пользоваться и министръ де-Калоннъ, когда онъ выступилъ противъ ажіотажа, начавшагося тогда на биржѣ, съ нѣкоторыми акціями. Мирабо съ жаромъ бросился въ эту борьбу съ ажіотажемъ и съ обычной своей самоувѣренностью говорилъ о своихъ финансовыхъ познаніяхъ: „Когда знаешь хорошо четыре прави-

ла ариѳметики, умѣешь хорошо спрягать глаголъ „имѣть“ и если ты трудолюбивъ, то можно быть орломъ въ финансахъ“, писалъ онъ своему другу Шамфору. Центромъ ажіотажа были акціи Водопроводнаго Общества. Когда Калоннъ потомъ перешелъ на сторону этого общества и когда ему надо было защищать его, то онъ отказался отъ услугъ Мирабо и натравилъ на него Бомарше. Мирабо, съ своей стороны, напалъ на министра и въ сильно написанномъ письмѣ вѣрно охарактеризовалъ этого легковѣснаго государственнаго человѣка. „Слишкомъ легко вѣрятъ, пишетъ онъ, что вы знаете то, что вы понимаете, что вы понимаете то, что вы слушаете съ тонкимъ и умнымъ выраженіемъ, и что васъ легко склонить къ тому, что вамъ выяснили. Все это ошибочно. Будучи исключительно заняты тѣмъ, чтобы вывернуться изъ затрудненія даннаго момента, найти средство остаться министромъ завтра, не зная о томъ, останетесь ли вы имъ черезъ недѣлю, вы ищете не совѣтовъ, а уловокъ, не друзей, а панегиристовъ, не истины, а похвалъ. По вашему... если ваши сторонники кадятъ вамъ, если ваши прилипалы (obsesseurs) не бранятъ васъ, если ваша невыразимая вѣтренность находитъ достаточно развлеченій, и ничто не отвлекаетъ васъ отъ удовольствій, — значитъ дѣла идутъ“. Этого письма Каллонъ не получилъ, такъ какъ оно было опубликовано въ Германіи, но онъ все-таки находилъ неудобнымъ оставлять въ Парижѣ такого талантливаго памфлетиста, который могъ писать и противъ него и потому постарался удалить его оттуда. Онъ попросилъ Вержена, министра иностранныхъ дѣлъ, дать ему порученіе въ Берлинъ. Чѣмъ былъ Мирабо въ полемикѣ противъ ажіотажа, былъ ли онъ писакой, „запятнаннымъ продажностью“, какъ говорилъ про него отецъ, продавалъ ли онъ вмѣстѣ съ перомъ и свою совѣсть? Этотъ вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ какъ Штерномъ, такъ и Руссомъ. „Его совѣсть была въ данномъ случаѣ въ согласіи съ его выгодой. За плату онъ поддерживалъ дѣло, которое считалъ правымъ. Но даже и для политическаго дѣятеля плохая репутація бываетъ иногда неудобнымъ багажемъ, и въ этомъ то и заключается несчастье Мирабо, что при каждомъ его дѣйствіи или писаніи, при каждой его рѣчи приходится спрашивать себя, не служитъ ли этотъ краснорѣчи-

вый наемникъ противъ совѣсти тому дѣлу, которое онъ защищаетъ, и тому кліенту, который имъ пользуется *)". Что касается отъѣзда въ Берлинъ, то, повидимому Мирабо, самъ желалъ этого и, можетъ быть, имѣлъ какіе-нибудь виды устроиться такимъ путемъ. Ему дана была рекомендація къ французскому послу, а такъ какъ Фридрихъ Великій имѣлъ обыкновеніе просматривать списокъ пріѣзжихъ и такъ какъ онъ слѣдилъ за французскими дѣлами, то имя Мирабо было ему извѣстно, и онъ обратилъ на него вниманіе въ спискѣ и пригласилъ къ себѣ. Мирабо два раза былъ принятъ королемъ, и во второй разъ ихъ бесѣда была довольно продолжительна. Отъ прусскаго короля онъ былъ въ восторгѣ, и послѣ его смерти онъ выразилъ это свое отношеніе къ нему въ блестящей формѣ въ своемъ сочиненіи. Онъ является его безусловнымъ поклонникомъ и часто оправдываетъ его даже тамъ, гдѣ, казалось бы, трудно было найти оправданіе. Интересно въ этомъ отношеніи сходство, которое существуетъ между Мирабо и Наполеономъ. Послѣдній, какъ извѣстно, также былъ безусловнымъ поклонникомъ Фридриха Великаго и нерѣдко, соображая какую-нибудь военную комбинацію, онъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ бы на нее посмотрѣлъ великій прусскій стратегъ?

Когда наступила кончина Фридриха Великаго, то Мирабо было дано изъ Парижа порученіе сообщать все то, что говорится объ этомъ событіи и о преемникѣ прусскаго короля. Съ обычной энергіей онъ принялся за писаніе сообщеній и мемуаровъ, въ которыхъ сообщалъ все, что ему казалось достойнымъ вниманія. Это была секретная корреспонденція, до которой Людовикъ XVI, какъ его дѣдушка, былъ большой охотникъ. Но Мирабо писалъ не такъ, какъ это было принято въ дипломатическихъ сферахъ, а потому его донесенія передаваемы были сначала аббату Перигорскому Талейрану. Какъ Мирабо родился ораторомъ, такъ Талейранъ родился дипломатомъ. Онъ давалъ шлифовку донесеніямъ Мирабо. Нѣсколько времени спустя Мирабо не постѣснился опубликовать эту корреспонденцію въ ея первоначальномъ видѣ, чѣмъ вызвалъ сильнѣйшее негодованіе

*) Rousse, p. 102.
**) Stern, p p. 184—191.

Талейрана. Послѣдній до самой смерти оставался съ нимъ въ отношеніяхъ болѣе, чѣмъ холодныхъ. И въ своихъ мемуарахъ о революціи онъ едва упоминаетъ раза два его имя: ему неудобно заслонять такой крупной фигурой свою собственную персону.

Въ донесеніяхъ Мирабо, говоритъ Руссъ, „среди газетныхъ и уличныхъ сплетенъ, рядомъ съ скандальными анекдотами, какъ будто вытащенными изъ грязи газетнаго болота, почти на каждой страницѣ встрѣчаются политическіе взгляды поразительной важности, пророческую проницательность которыхъ мы къ своему горю теперь узнали. Наконецъ мѣстами этотъ словоохотливый хроникеръ вдругъ является первоклассным писателемъ и историкомъ глубокимъ и точнымъ. Смерть Фридриха Великаго въ разсказѣ Мирабо классическое и захватывающее произведеніе. Интересно окончаніе этой странички. „Двѣ трети Берлина изощряются теперь въ томъ, чтобы доказать, что Фридрихъ II былъ заурядным человѣкомъ, даже ниже многихъ. О, еслибъ эти великіе взоры, которые по волѣ этой героической души вызывали ужасъ или очарованіе, открылись на одно мгновеніе! Нашли ли бы въ себѣ тогда мужество умереть эти глупые льстецы?“. Но наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ поѣздки Мирабо въ Пруссію осталось его произведеніе: „Прусская Монархія“ (La Monarchie Prussienne“), четырехтомное сочиненіе, появившееся въ печати въ 1788 году. Оно было задумано въ Брауншвейгѣ. Тамъ Мирабо встрѣтился съ маіоромъ Мовильономъ (Mauvillon). Послѣдній собралъ богатый матеріалъ о состояніи современной Пруссіи и предоставилъ его въ распоряженіе Мирабо. Можно сказать, что они вмѣстѣ работали надъ этимъ сочиненіемъ. По крайней мѣрѣ Мирабо, пиша ему о предстоящемъ выходѣ его въ свѣтъ, говоритъ: „Я думаю, вамъ доставитъ удовольствіе увидѣть вновь *нашу работу*, разъ вы хотите, чтобы я такъ называлъ ее, нѣсколько передѣланной и причесанной *)“. Можно сказать, что фактическая часть принадлежитъ Мовильону, а разсужденіе надъ фактами, освѣщеніе ихъ и выводы, такъ же, какъ и введеніе, принадлежатъ Мирабо. Онъ выпустилъ его, какъ это нерѣдко съ нимъ случалось, только подъ своимъ именемъ. Но именно эти стороны сочиненія, которыя при-

*) Mezières, p. 119.

надлежать Мирабо—оцѣнка фактовъ, вѣрность ихъ освѣщенія и смѣлая точность сужденія—и поразили современниковъ. Несмотря на свое преклоненіе предъ Фридрихомъ Вторымъ, онъ замѣтилъ слабыя стороны его режима. Трактуя о значеніи его абсолютизма, онъ говоритъ, что эта форма государства можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать только тогда, когда король—великій государь (prince). Когда пружины монархіи ослабѣваютъ, не оказывается никого, кто бы могъ замѣстить отсутствующую власть. Подданные, коихъ личная инціатива была всегда парализована, не могутъ найти въ себѣ самихъ никакой индивидуальной силы, которая могла бы замѣнить отсутствующую. Онъ находитъ при всей внѣшней крѣпости прусской монархіи не мало условій разложенія, что потомъ и обнаружилось особенно въ эпоху Іены и Ауэрштедта.

Мирабо о своемъ трудѣ писалъ своему другу г-жѣ Нера: „Когда этотъ трудъ явится въ свѣтъ, мнѣ будетъ только 38 лѣтъ. Я осмѣливаюсь предсказать, что онъ сдѣлаетъ мнѣ имя и, можетъ быть, онъ заставитъ мою родину пожалѣть немного о томъ, что она оставляетъ безъ дѣла такого наблюдательнаго человѣка и такъ плохо вознаграждаетъ такую работу“ *).

Если Мирабо разсчитывалъ или надѣялся на то, что его миссія въ Берлинъ и его таланты, обнаруженные въ этой книгѣ, откроютъ ему дорогу къ дипломатической карьерѣ, то въ этой надеждѣ онъ ошибся, но предвидѣніе того, что „Прусская Монархія“ сдѣлаетъ ему имя, оправдалось. Это сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе въ политическихъ сферахъ Парижа многосторонностью знаній автора, силой сужденія и вѣрностью, такъ и проницательностью взгляда. Политическіе клубы „Общество друзей Черныхъ (Société des amis des Noirs)“ и „Конституціонный клубъ (Club Constitutionnel)“ открыли ему свои двери. По возвращеніи Мирабо изъ Германіи мы имѣемъ въ немъ человѣка, вполнѣ сложившагося и готоваго вступить на общественное поприще и играть въ немъ замѣтную роль. Личныя качества много тому благопріятствовали. Мы знаемъ, что про него нельзя сказать, чтобы онъ былъ хорошъ собой. То, что про него отецъ говорилъ въ дѣтствѣ, что онъ похожъ на чорта, то приблизи-

*) Mezières, p. 123

тельно ио сталось. Но мы знаемъ, что его наружность производила впечатлѣніе и привлекала къ нему людей. Причиной тому были прекрасные глаза, блестѣвшіе умомъ и энергіей, выдававшіе всѣ движенія чувства, и тонко очерченный и красивый ротъ, особенно когда онъ складывался въ чарующую улыбку. Къ этому присоединялся гибкій, сильный, способный къ выраженію всѣхъ изгибовъ чувства голосъ. Оказывала вліяніе на окружающихъ и его смѣлость, никогда ему не измѣнявшая. Онъ былъ физически и нравственно человѣкомъ мужественнымъ, а это много значитъ въ сношеніяхъ съ людьми,—въ общественной дѣятельности еще больше, чѣмъ въ частной жизни.

Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ отличался добротой, составлявшей замѣтную черту его сердца. Еще въ дѣтствѣ близкіе люди замѣчали ее. Отецъ ставилъ ему въ упрекъ склонность якшаться съ простыми людьми и входить въ ихъ нужды. Въ зрѣломъ возрастѣ та же отзывчивость побуждала его вступаться за угольщиковъ и водоносовъ въ ихъ нуждахъ. Но рядомъ съ ней мы видимъ въ немъ такую бурную натуру, въ которой, особенно въ молодости, страсти клокотали, какъ въ вулканѣ. Прибавимъ къ этому отсутствіе нравственныхъ сдержекъ, какъ продуктъ воспитанія и расы, и мы поймемъ многія уклоненія и тѣ безпорядочные эксцессы, которые встрѣчались въ его жизни и опять таки въ особенности, въ молодости. Онъ самъ не разъ впослѣдствіи жалѣлъ объ этомъ своемъ прошломъ, которое стояло камнемъ преткновенія въ началѣ его общественной дѣятельности. Но, оцѣнивая этотъ характеръ и это прошлое, возмущающее наше нравственное чувство и совѣсть, мы не должны забывать то время, въ которое Мирабо жилъ, и помнить, что то, что онъ надѣлалъ и что составило ему дурную славу, было удѣломъ большинства дворянъ, его современниковъ. Знатокъ того времени Сорель сравниваетъ его съ Водрейлемъ и приходитъ къ выводу, что грѣхъ Мирабо заключался не въ эксцессахъ его молодости, а въ томъ, что онъ въ то время, будучи графомъ, усвоилъ себѣ демократическія убѣжденія. „Если бы Мирабо, говоритъ онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать долгъ въ 200 тысячъ перескочилъ бы за милліонъ; если бы вмѣсто того, чтобы афишировать себя въ Понтарлье съ провинціальной президентшей

онъ дерзко вступилъ въ отношенія къ герцогинѣ, любимицѣ королевы; если бы вмѣсто того, чтобы принять 25.000 ливровъ, вытащенныхъ Софіей изъ шкатулки Монье, онъ получалъ бы черезъ мадамъ Полиньякъ пенсію въ 35.000 изъ казны,—онъ сошелъ бы, какъ Водрей (Vaudreuil), за блестящаго и вполнѣ приличнаго дворянина, и самые грѣхи его, если бы даже его въ нихъ упрекали, были бы прощены ему обществомъ, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы заявлять себя демократомъ, исповѣдывалъ бы, какъ тотъ же Водрей, здравое правовѣріе: Водрей признавалъ, что вся бѣда правительства происходитъ отъ неспособности бѣлаго духовенства просвѣщать народъ; онъ требовалъ возвращенія іезуитовъ съ предоставленіемъ монополіи школьнаго обученія этимъ монахамъ. Это мнѣніе купно съ цифрой его долговъ, съ величиной его пенсіи и рангомъ его метрессы вѣнчало его превосходство. Онъ былъ хорошаго тона. Мирабо, напротивъ, былъ дурнаго тона. Онъ связался со сволочью, онъ разыгрывалъ мятежника, онъ совершилъ, однимъ словомъ, непростительный грѣхъ противъ придворнаго духа и противъ сущности стараго порядка“ *).

Недостатки его моральной личности стояли рядомъ съ колоссальной работоспособностью. Сдѣлать такое количество работы, какое могъ сдѣлать Мирабо въ данную единицу времени, могутъ только очень немногіе люди; работать столько времени и съ такой энергіей, какую онъ былъ способенъ развить, могутъ только исключительныя натуры. Самъ отецъ, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи въ пользу его, поражался этой силой. Его умственная сила была такъ велика, что онъ усваивалъ все, можно сказать, на лету, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ близко къ Наполеону. Часто онъ работалъ при содѣйствіи другихъ, доставлявшихъ ему матеріалъ; впослѣдствіи у него былъ цѣлый штабъ такихъ работниковъ; но онъ поразительно быстро ассимилировалъ ихъ работу, давалъ ей свой духъ и форму, сливая въ одно цѣлое дѣло нѣсколькихъ лицъ. Отчасти отсюда его широкое образованіе, почерпнутое не только изъ книгъ, но еще въ большей степени изъ бесѣды съ спеціалистами, какъ это было и у Наполеона. Но, кромѣ того, и сама жизнь съ ея превратно-

*) Sorel, Essais, p. 143.

стями многому научила его, главное, дала ему знаніе людей. Ему пришлось имѣть дѣло съ людьми разныхъ классовъ, разныхъ положеній, разнообразныхъ характеровъ. Матеріалъ для наблюденія былъ болѣе широкъ, чѣмъ онъ былъ обыкновенно у людей его соціальнаго положенія. Отсюда то знаніе человѣческаго сердца, которое его отличало. Тѣ же перипетіи личной жизни привели его къ знакомству съ различными формами общественной жизни. Въ Англіи онъ познакомился съ тамошней политической жизнью, какъ и многіе изъ его современниковъ; но какъ немногіе изъ нихъ, онъ изучилъ Пруссію и Германію, и его сочиненіе „Прусская Монархія“ отражаетъ проницательность взгляда и быстроту пониманія чужой жизни. Эта быстрота понимать или, можно сказать, угадывать текущія событія, умѣніе быстро оріентироваться въ нихъ составляетъ черту, присущую выдающемуся государственному человѣку. Выработанныя имъ изъ массы наблюденій воззрѣнія на современныя задачи отличались твердостью и послѣдовательностью. Они укладывались у него въ опредѣленный политическій планъ. Сущность послѣдняго сводится къ слѣдующему. Отмѣна феодальныхъ правъ, періодичность парламента, которому должна принадлежать вполнѣ финансовая юрисдикція, гражданская свобода. Вотъ три главныхъ пункта, говорилъ онъ, остальное придетъ скоро. Предвидя трудность перехода отъ стараго порядка къ новому, — въ этомъ онъ отличался отъ огромнаго большинства своихъ современниковъ,— онъ требовалъ сильной королевской власти, какъ необходимаго условія, чтобы предупредить анархію, возможность которой онъ предвидѣлъ. Республику онъ отрицалъ, ибо, говорилъ онъ, что бы это была за республика со всѣми аристократіями, которыя насъ подтачиваютъ? Очагъ самой сильной тиранніи“. Вотъ почему, прибавлялъ онъ, мы должны остаться и почему я лично останусь монархистомъ. Если мы присоединимъ ко всему сказанному выдающійся ораторскій талантъ съ замѣчательной способностью ясно и послѣдовательно развивать самые сложные аргументы, то мы получимъ представленіе объ условіяхъ силы этого государственнаго человѣка и поймемъ причины его быстраго возвышенія.

II.

5 мая 1789 года происходило въ Версали торжественное открытіе собранія „Государственныхъ Чиновъ". Послѣ торжественнаго молебствія большая процессія съ участіемъ короля, королевы, всего двора и депутатовъ трехъ сословій направилась во дворецъ. Громадная толпа лицъ, пріѣхавшихъ изъ Парижа и сосѣднихъ мѣстъ, сопровождала выраженіемъ своихъ чувствъ участниковъ процессіи. Король былъ сопутствуемъ живымъ одобреніемъ; напротивъ, королева была встрѣчена молчаніемъ. Пышно одѣтые депутаты дворянства и духовенства были встрѣчены холодно, тогда какъ скромно одѣтые по традиціи XVII вѣка депутаты средняго сословія были сопровождаемы бурными восторгами, не оставлявшими никакого сомнѣнія въ томъ, на чьей сторонѣ находятся симпатіи публики.

Но устроители церемоніала открытія „Государственныхъ Чиновъ" сдѣлали съ своей стороны все возможное для того, чтобы депутаты третьяго сословія не выходили изъ рамокъ того положенія, въ которомъ они находились двѣсти лѣтъ тому назадъ. Они должны были явиться въ коротких̀ъ и простыхъ черныхъ плащахъ въ противоположность пышнымъ шелковымъ цвѣтнымъ костюмамъ депутатовъ высшихъ сословій. Въ то время, какъ послѣдніе входили въ залъ въ главныя двери, открытыя настежъ, депутаты третьяго сословія, должны были входить въ нее въ боковыя двери, открытыя только на одну половинку. Имъ какъ бы хотѣли сказать: „Помните, что вы мужики и мѣщане, и не смѣйте равняться съ барами". Между тѣмъ несомнѣнно было, что именно депутаты третьяго сословія были въ то время господами положенія.

Съ открытіемъ Государственныхъ Чиновъ самъ собою связывался вопросъ о программѣ его занятій. Рѣшеніе этого вопроса теперь же было капитально важно. Если правительство дастъ собранію свою программу, соотвѣтствующую требованіямъ времени и общественнаго мнѣнія, то оно останется господиномъ положенія и будетъ вести собраніе по разъ намѣченному пути. Если же, напротивъ, оно не намѣтитъ этой программы, то оно само будетъ идти на буксирѣ собранія, помимо того, что и это

послѣднее, не обладая должнымъ опытомъ въ дѣлахъ и богатое только отвлеченными теоріями и добрыми желаніями, не пойдетъ по твердой и прямой дорогѣ. Нѣсколько дней спустя, въ разговорѣ съ Малуе Мирабо высказалъ опасеніе относительно послѣдняго. „Я вижу въ нашемъ собраніи такъ много дурныхъ головъ, такъ много неопытности и склонности къ преувеличенію, съ другой стороны—въ дворянствѣ и въ духовенствѣ такъ много неразумнаго раздраженія, что я такъ же, какъ и вы, предвижу очень страшныя потрясенія, если своевременно не будутъ приняты мѣры". Но правительство, въ лицѣ своего руководителя Неккера, не имѣло программы, оно даже не рѣшило капитальнаго вопроса, съ котораго слѣдовало начать: какъ будутъ Государственные Чины рѣшать дѣла—вмѣстѣ или же посословно? Въ уста короля была вложена рѣчь безъ всякаго содержанія, потомъ Неккеръ мучилъ собраніе трехчасовымъ чтеніемъ финансовой рѣчи, которая всѣхъ утомила, а на людей свѣдущихъ произвела непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что онъ въ ней старался скрыть размѣры дефицита, которые всѣмъ свѣдущимъ людямъ были извѣстны. Такимъ образомъ собраніе Государственныхъ Чиновъ было предоставлено себѣ и само должно было рѣшить вопросъ и о томъ, какъ будутъ рѣшаться дѣла. Рѣшить этотъ вопросъ въ пользу того, чтобы собраніе раздѣлилось на три сословныя собранія и подавало голоса по сословіямъ, значило отказаться отъ всякихъ реформъ, противныхъ феодальнымъ привилегіямъ, и въ то же время сдѣлать безсмысленнымъ удвоеніе числа представителей третьяго сословія. Мирабо имѣлъ на этотъ счетъ съ самаго начала опредѣленный взглядъ. Между его бумагами найденъ былъ проектъ предложенія, которое онъ долженъ былъ сдѣлать собранію въ формѣ обращенія къ королю. Это предложеніе, которое онъ опубликовалъ въ своемъ журналѣ тогда же, хотя и въ измѣненной формѣ, выражено было такъ. „Подъ предсѣдательствомъ Вашего Величества, мы, и притомъ только мы одни, имѣемъ право рѣшить вопросъ о способѣ нашихъ совѣщаній. Но Вы, Государь, несомнѣнно имѣете право воспрепятствовать тому, чтобы этотъ важный вопросъ,—должны ли сословія раздѣлиться или оставаться вмѣстѣ,—не былъ рѣшенъ раньше, чѣмъ онъ былъ обсужденъ. Онъ былъ бы уже предрѣшенъ, Государь, если бы

Вы допустили, чтобы мы начали съ того, чтобы раздѣлиться. Естественное состояніе всякаго собранія то, чтобы его члены были всѣ вмѣстѣ; по существу дѣла они составляютъ единое цѣлое, пока они сами не раздѣлились. Чтобы рѣшить вопросъ, должны ли они раздѣлиться, очевидно, нужно предварительное соединеніе ихъ; но совершенно ясно, что было бы противно здравому смыслу разъединять ихъ для того, чтобы узнать, хотятъ ли они быть соединенными".*) Къ Неккеру онъ относился со всѣмъ не такъ, какъ къ нему относилась тогдашняя публика, для которой онъ былъ идоломъ и оракуломъ. Мирабо не находилъ въ немъ ни широты взгляда, ни большого мужества государственнаго человѣка, который умѣетъ распознать то, что неизбѣжно, и открыть этому неизбѣжному дорогу, вмѣсто того, чтобы быть имъ опрокинутымъ, который предпочитаетъ вести бурный потокъ, а не безвольно нестись по немъ. Онъ говорилъ про него, что онъ „силенъ своей громадной популярностью", но что „онъ увидитъ въ концѣ концевъ, что время интриги и шарлатанства миновало".**) Между нимъ и Неккеромъ началась борьба съ самаго дня открытія Государственныхъ Чиновъ. Онъ сталъ нападать на Неккера въ печати. Чтобы имѣть возможность свободно высказывать свои взгляды и имѣть опору въ общественномъ мнѣніи, Мирабо сталъ издавать „Журналъ Государственныхъ Чиновъ", причемъ рѣшилъ обойтись безъ разрѣшенія цензуры. Правительство попыталось запретить выходъ этого изданія, но это постановленіе министерскаго совѣта встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны избирателей Парижа, которые издали протестъ противъ него, въ которомъ выразили мысль, что избиратели должны знать то, что дѣлается въ собраніи Государственныхъ Чиновъ, и отнеслись одобрительно къ изданію Мирабо. Къ этому протесту присоединились и дворянскіе депутаты, хотя по существу они относились несочувственно къ журналу. Мирабо не остановился въ изданіи, а вслѣдъ затѣмъ подъ своимъ собственнымъ именемъ сталъ издавать новый журналъ подъ заглавіемъ: „Письма къ моимъ избирателямъ". Въ немъ онъ заклеймилъ „такъ называемаго народнаго министра, который дерзко осмѣливается желать запе-

*) *Passy*, Frochot, prefet de la Seine. *Stern*, II. p. 3.
**) Stern. II. p. 3.

чатать мысли". Эта была послѣдняя попытка правительства сохранить цензуру. Вслѣдъ затѣмъ вышло объявленіе отъ генералъ-директора книжной торговли о томъ, что король находитъ хорошимъ, чтобы всѣ періодическія изданія помѣщали извѣстія о происходящемъ въ Государственныхъ Чинахъ. Хотя къ этому и прибавлялось, что они должны сообщать только факты безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны, но на эту оговорку никто не обратилъ вниманія, такъ какъ всѣ понимали, что она сдѣлана лишь для того, чтобы позолотить мостикъ отступленія. Неккеръ съ своей стороны не остался въ долгу предъ Мирабо. Внушаемые имъ писатели противопоставляли въ брошюрахъ „добродѣтельнаго" и „патріотическаго" министра „новому Герострату", „опозоренному писакѣ" и „депутату ада". Какой „честный человѣкъ", говорилось въ этихъ брошюрахъ, „захочетъ сѣсть рядомъ съ какимъ-нибудь Мирабо?" „Это ядовитое пресмыкающееся хочетъ только захватить деньги подписчиковъ. Принциповъ у него нѣтъ, онъ всегда говоритъ къ народу со словъ тѣхъ, кто его кормитъ: сегодня—Калонна, завтра—противниковъ Калонна. Постояненъ онъ только въ одномъ: въ порокѣ" *).

Нѣкоторые друзья общественнаго блага попытались свести Мирабо съ Неккеромъ и убѣдить послѣдняго въ той пользѣ, которую можно извлечь изъ способностей этого талантливаго человѣка. Назначена была аудіенція у министра. Но Неккеръ принялъ Мирабо, какъ принимаетъ банкиръ плохого маклера, являющагося къ нему съ сомнительнымъ дѣломъ. „Какое предложеніе хотите вы мнѣ сдѣлать?" спросилъ онъ. „Пожелать вамъ добраго дня", отвѣтилъ Мирабо и вышелъ отъ него внѣ себя. Тѣмъ эта попытка и кончилась.

Между тѣмъ, благодаря тому, что основной вопросъ о способѣ рѣшенія дѣлъ въ собраніи Государственныхъ Чиновъ не былъ рѣшенъ въ теченіе болѣе, чѣмъ мѣсяца, депутаты переговаривались между собой относительно того, какъ быть, и не приступали къ дѣлу. Терялось такимъ образомъ золотое время. Наконецъ, третье сословіе взяло на себя его рѣшеніе. Оно въ засѣданіи 17 іюня объявило, что оно, составляя представительство огромнаго большинства націи, можетъ составить представи-

*) Stern. II. p. 5.

тельное собраніе и назвало себя по предложенію аббата Сіэса „Національнымъ Собраніемъ“ и пригласило другія сословія присоединиться къ нему. Многіе изъ послѣднихъ послѣдовали этому приглашенію, и такимъ образомъ дѣло повернуло къ тому, что отдѣльность сословій, при которомъ только и былъ шансъ сохранить феодальныя привилегіи, изчезнетъ. Поэтому такой поворотъ при дворѣ произвелъ переполохъ и тамъ рѣшились уговорить короля на то, чтобы онъ произвелъ государственный переворотъ (coup d'état). 20-го мая депутаты нашли залъ своихъ засѣданій закрытымъ и охраняемымъ часовыми. Такъ какъ повѣстки объ отмѣнѣ засѣданія они не получили, то противъ этого акта насилія они протестовали тѣмъ, что собрались въ залѣ для игры въ мячъ, въ которой они, обсудивъ положеніе, принесли клятву не расходиться до тѣхъ поръ, пока не утвердятъ государственнаго порядка на твердыхъ основаніяхъ. Мирабо и его сторонники были изъ первыхъ, которые подписали эту клятву. Когда затѣмъ и эта зала была закрыта для собраній депутатовъ, то они собрались черезъ день въ церкви св. Людовика, въ той самой, въ которой служилось торжественное молебствіе въ день открытія Государственныхъ Чиновъ. Здѣсь присоединились къ третьему сословію многіе духовные и нѣкоторые дворяне, которые были встрѣчены съ восторгомъ. Наконецъ, 23 мая назначено было королевское засѣданіе Государственныхъ Чиновъ. Когда представители третьяго сословія явились на него, то по приказу церемоніймейстера ихъ продержали нѣкоторое время на дворѣ подъ дождемъ, пока пустили въ залу. Отсутствіе Неккера среди министровъ, явившихся съ королемъ, не предвѣщало ничего хорошаго. Мирабо зналъ о причинѣ его отсутствія. Въ королевскомъ совѣтѣ Неккеръ теперь проводилъ ту мысль, которую Мирабо высказалъ въ своемъ журналѣ еще при самомъ открытіи Государственныхъ Чиновъ. Онъ предлагалъ, чтобы король въ засѣданіи приказалъ депутатамъ дворянства и духовенства присоединиться къ третьему сословію и составить единое собраніе. Онъ надѣялся поднять престижъ короля удовлетвореніемъ всеобщаго желанія и въ глазахъ общественнаго мнѣнія поставить короля сторонникомъ реформъ и отдѣлить его отъ стремленій придворной партіи. Но въ засѣданіи королевскаго совѣта взяли верхъ герцогъ

Артуа, королева и другіе сторонники сохраненія неприкосновенности стараго порядка и рѣшено было просто приказать депутатамъ раздѣлиться на три коллегіи и рѣшать дѣла посословно. Соотвѣтственная рѣчь составлена была въ энергичныхъ выраженіяхъ, подобающихъ абсолютному королю, но совершенно не подходившихъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ дѣла. Людовикъ XVI читалъ эту рѣчь въ такомъ смущеніи, что оно было ясно для всѣхъ. Въ заключеніе рѣчи онъ прочиталъ вложенное ему въ уста приказаніе: „Я повелѣваю вамъ теперь разойтись и завтра утромъ собраться и вести ваши засѣданія въ отдѣльныхъ залахъ, приготовленныхъ для каждаго сословія. Я приказываю оберцеремоніймейстеру приготовить залы".

Когда послѣ того король вышелъ, за нимъ послѣдовали депутаты дворянства и духовенства, но депутаты средняго сословія остались. Желаніе ихъ было теперь то же, что и во время клятвы 20 іюня; но настроеніе было теперь подавленное. Эти люди, которыхъ судьба оторвала отъ ихъ обычныхъ занятій, которыхъ потокъ событій принесъ сюда изъ ихъ городковъ и деревень, изъ ихъ скромныхъ сельскихъ церквей, теперь очутились въ особенномъ положеніи: они должны были или подчиниться приказанію короля и съ тѣмъ вмѣстѣ отказаться отъ надежды на реформу существующаго порядка, или же оказать непослушаніе, и кому? Не дворянству и высшему духовенству, которое было вмѣстѣ съ послѣднимъ, а самому королю! Съ одной стороны тутъ на дворѣ было слышно бряцаніе оружія собраннаго войска, а съ другой стороны тамъ, въ Парижѣ волновалась масса народа, нетерпѣливо ждущая облегченія своего положенія. Многіе изъ нихъ понимали, что дѣло идетъ, можетъ быть, не только о ихъ свободѣ, но и о самой жизни. Самъ предсѣдатель собранія Бальи находился въ томъ же угнетенномъ состояніи духа, и когда церемоніймейстеръ де-Брезе со шляпой на головѣ приблизился къ нему и напомнилъ о приказаніи короля, то онъ не нашелся, какъ и что ему сказать, хотя и не рѣшался повиноваться. Наступилъ моментъ, составляющій эпоху, въ который рѣшается судьба не только государства, но и наступающаго историческаго періода. Онъ оказался рѣшительнымъ и для Мирабо. Среди всеобщаго смущенія и нерѣшительности онъ всталъ и обратился къ цере

монпѣмейстеру не съ той театральной фразой: „пойдите, скажите вашему господину" и т. д., которая усвоена исторической легендой, но съ болѣе почтительными, политичными, хотя и не менѣе твердыми и смѣлыми словами: „Да, милостивый государь, мы слышали намѣренія, внушенныя королю, а вы, который не можете быть его органомъ предъ Государственными Чинами, не имѣя здѣсь ни мѣста, ни голоса, ни права говорить, — вы не созданы для того, чтобы напоминать намъ его рѣчи. Однако, для избѣжанія всякаго недоразумѣнія и всякихъ околичностей, я объявляю вамъ, что если насъ уполномочили заставить васъ уйти отсюда, вы должны потребовать приказаній, чтобы употребить силу, ибо мы оставимъ наши мѣста лишь подъ штыками"*).

То, что чувствовалось всѣми, но чего никто не смѣлъ сказать, было сказано. Всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ закричали: „Да, это воля собранія!" Де-Брезе былъ такъ смущенъ рѣшительностью слова и силой выраженія Мирабо и тѣмъ, что съ нимъ были, очевидно, всѣ присутствующіе, что отвѣтилъ поклономъ на полученный отвѣтъ и сталъ отступать съ поклонами же къ двери, какъ будто передъ нимъ былъ самъ король. Когда королю доложено было о случившемся, онъ не далъ того приказанія, на которое ссылался Мирабо, а сказалъ, что если депутаты не хотятъ расходиться, то пусть остаются. Этому нерѣшительному поступку короля придавали слишкомъ большое значеніе. Можно сказать, что если бы и было дано приказаніе пустить въ дѣло силу, то едва ли оно было бы исполнено. Обнаружившееся черезъ нѣсколько дней послѣ того настроеніе войскъ гарнизона даетъ основаніе для такой догадки.

Попытка вернуть событія назадъ не удалась. Мирабо сталъ сразу въ первые ряды Національнаго Собранія. До сихъ поръ онъ былъ знаменитостью Прованса. 23-го іюня онъ сталъ извѣстенъ всей Франціи и Европѣ. Тотчасъ же по удаленіи де-Брезе онъ внесъ предложеніе,—которое и было принято,—что депутаты лично неприкосновенны въ теченіе всего періода ихъ полномочій, и тѣмъ поставилъ преграду для тѣхъ, которые разсчитывали на арестъ наиболѣе энергичныхъ депутатовъ третьяго сословія.

*) Въ этомъ видѣ эти слова напечатаны въ 13-мъ „Письмѣ къ избирателямъ". Stern. II. p. 27.

Вслѣдъ затѣмъ многіе дворяне присоединились къ третьему сословію, а также и нѣкоторые изъ высшихъ духовныхъ лицъ, а потомъ король приказалъ и остальнымъ присоединиться, мотивируя свою волю тѣмъ, что, будучи въ Собраніи, они станутъ тамъ оплотомъ монархіи.

Планъ, который былъ связываемъ съ coup d'état придворными сферами съ королевой и герцогомъ Артуа во главѣ, пока не удался. Планъ заключался въ томъ, чтобы удалить Неккера, распустить Государственные Чины, если бы они настаивали на своемъ поведеніи, а такъ какъ они созваны были для улучшенія финансовъ, а таковое оказывалось невозможнымъ, то устроить банкротство. Когда Мирабо узналъ о подробностяхъ этого плана, то онъ такъ отозвался о немъ: „Это тотъ путь, которымъ королей ведутъ на эшафотъ". Это въ первый разъ онъ высказался объ опасности того пути, которому потомъ слѣдовала реакція при дворѣ, и выразилъ страхъ за судьбу королевскаго дома.

Но этой опасности не видѣли, какъ равно не видѣли и начавшагося разложенія государственнаго порядка, а потому рѣшились на возобновленіе той попытки, которая не удалась, по мнѣнію руководителей ея, только потому, что войска оказались ненадежны. Поэтому въ началѣ іюля мѣсяца были стянуты къ Парижу иностранные полки, которыхъ тогда было много во Франціи и которые, казалось, не могли колебаться въ борьбѣ съ народомъ. Подъ вліяніемъ очевидной опасности для собранія отъ сосредоточенія войскъ и гибельности возможной гражданской войны, Мирабо 8-го іюля сдѣлалъ предложеніе Національному Собранію, чтобы оно обратилось къ королю съ адресомъ объ удаленіи войскъ отъ Парижа и объ учрежденіи гражданской стражи. Первое изъ этихъ предложеній было принято, второе же показалось слишкомъ смѣлымъ. Адресъ былъ поднесенъ королю особой депутаціей, въ которой былъ и Мирабо. Отвѣтъ короля на адресъ Національнаго Собранія полученъ былъ только 11 іюля. Онъ былъ неудовлетворителенъ. Король говорилъ въ своемъ посланіи, что войска собраны не въ угрозу Собранію, а для его безопасности и для поддержанія порядка, но что если Собраніе находитъ близость войскъ для себя опаснымъ, то оно можетъ удалиться въ

Нойонъ или въ Суассонъ. Иными словами, ему предлагалось уд
литься подальше отъ столицы, гдѣ оно могло найти себѣ поддерж
и защиту, и отдаться на волю иностранныхъ полковъ и придв
ной реакціи. По поводу этого отвѣта Мирабо сказалъ въ собран
„Мы желали удаленія войскъ, но мы вовсе не желали бѣгств
передъ войсками. О возможномъ удаленіи ихъ отъ столицы мы
просили не ради насъ самихъ. Вѣдь извѣстно, что не стра
руководитъ нами, но соображеніе объ общей пользѣ". Въ тот
же день вечеромъ Неккеръ получилъ отъ короля повелѣніе оста
вить должность и немедленно выѣхать изъ предѣловъ Франціи.
Отставку получили и его товарищи по министерству, и на мѣст
ихъ назначены были лица, реакціонное настроеніе которыхъ ни
для кого не было тайной.

Это извѣстіе, и въ особенности отставка Неккера, поразило
какъ громомъ парижское населеніе, которое не было посвящено
въ подробности того, что до тѣхъ поръ происходило въ Версал
Настроеніе населенія было мрачно уже и до того времени. Не-
урожай предыдущаго года сопровождался повышеніемъ цѣнъ на
хлѣбъ въ столицѣ; безпорядки, начавшіеся въ провинціи, затруд-
няли его подвозъ, а къ этому присоединилось затишье въ дѣ-
лахъ и безработица, какъ послѣдствіе неопредѣленности полити-
ческаго положенія. Все это вмѣстѣ создавало развитіе нужды
среди городского населенія. Сосредоточеніе войскъ вокругъ сто-
лицы и патрули, доходившіе до Тюльерійскаго сада, только уве-
личивали естественное безпокойство. Являлось опасеніе, что сол-
даты своимъ потребленіемъ хлѣба еще болѣе поднимутъ цѣну
его. Поэтому въ городѣ было безпокойно. Къ волненіямъ народа
присоединялись волненія солдатъ, заражавшихся общимъ дви-
женіемъ. Незадолго до того гвардейцы братались съ народомъ.
Въ саду Палерояля обыкновенно собирались сходки, на которыхъ
обсуждалось положеніе дѣлъ и говорились зажигательныя рѣчи
противъ аристократовъ и министровъ, томящихъ голодомъ сто-
лицу. Извѣстіе объ отставкѣ Неккера было той искрой, которая
нашла много горючаго матеріала. Началось возстаніе, ораторомъ
котораго въ Палероялѣ явился Камиллъ Демуленъ. Въ Елисей-
скихъ поляхъ дошло до столкновенія народа съ драгунами пол-
ка Ламбеска (Lambesc), причемъ французскіе гвардейцы стрѣля-

ли въ драгунъ. Разростаясь, движеніе нашло себѣ объектъ въ крѣпости Бастиліи, которая своими пушками угрожала всему С. Антуанскому предмѣстью, населенному рабочимъ людомъ. Подробностей событій, закончившихся 14 іюля взятіемъ приступомъ Бастиліи, мы касаться не будемъ. Для предупрежденія анархіи городскіе избиратели собрались и выбрали думу, а для охраны порядка организовали гражданскую стражу. Городскимъ головой избранъ былъ Бальи, предсѣдатель Національн. Собранія, а начальникомъ гражданской стражи Лафайетъ. Въ то время, какъ во дворцѣ въ Версали уже готовились въ ночь на 15 число привести въ исполненіе государственный переворотъ, т. е. распустить собраніе и арестовать его членовъ, когда королева, герцогъ Артуа, Полиньякъ, Конде и другіе раздавали солдатамъ вино и деньги, готовясь къ рѣшительному удару, когда заготовлены были уже сорокъ тысячъ королевской прокламаціи о переворотѣ, туда пришло извѣстіе о взятіи Бастиліи. Впечатлѣніе этого событія было тѣмъ громаднѣе, чѣмъ менѣе оно было ожидано. Оно вызвало страхъ и рѣшеніе отступить пока было еще возможно. Королева настаивала на томъ, чтобы король удалился изъ Версали и началъ гражданскую войну; но большинство склонилось къ миру съ Національнымъ Собраніемъ и съ столицей. Рѣшеніе это было продиктовано не только сильнымъ впечатлѣніемъ происшедшихъ событій, но и опасеніемъ относительно исхода борьбы. Извѣстно стало, что драгуны Ламбеска отступили изъ Елисейскихъ полей, швейцарскій полкъ отказался рѣшительно стрѣлять въ народъ. Являлось сомнѣніе въ возможности положиться на войска. Поэтому на другой день, когда собраніе снова хотѣло уже послать депутацію къ королю и просить возвращенія Неккера и удаленія новыхъ министровъ, ему стало извѣстно, что король самъ идетъ въ собраніе. Онъ явился туда въ сопровожденіи братьевъ и объявилъ объ удаленіи войскъ и о возвращеніи министровъ вмѣстѣ съ Неккеромъ. Онъ заявилъ, что онъ хочетъ быть съ націей за одно. Это заявленіе вызвало энтузіазмъ въ собраніи, одушевленномъ монархическими чувствами и бывшемъ еще подъ обаяніемъ престижа монархической традиціи. Оно въ полномъ составѣ проводило короля во дворецъ и послало отъ себя депутацію въ столицу оповѣстить о предсто-

ящемъ посѣщеніи ея королемъ. На другой день Людовикъ XVI совершилъ эту поѣздку. Громадныя толпы стояли по пути королевскаго кортежа, но гробовое молчаніе сопровождало его. Насколько страшнымъ казалось это путешествіе, видно изъ того, что передъ поѣздкой въ Парижъ король исповѣдывался и причастился. Когда онъ достигъ думы, у подножія лѣстницы онъ былъ встрѣченъ Бальи и Лафайетомъ, а офицеры гражданской гвардіи, стоявшіе по ступенямъ лѣстницы, образовали изъ сабель сводъ, подъ которымъ король прошелъ въ думу. Тамъ онъ утвердилъ учрежденіе новаго городского управленія и гражданской стражи и изъ рукъ Лафайета принялъ новую трехцвѣтную кокарду. Когда народъ увидѣлъ его съ нею на балконѣ въ сопровожденіи Бальи и Лафайета, то молчаніе смѣнилось ликованіемъ и теперь уже бурные клики восторга провожали короля по пути его обратнаго слѣдованія изъ Парижа. Но это путешествіе короля въ Парижъ, а равно и посѣщеніе имъ собранія не были примиреніемъ его съ новымъ порядкомъ вещей, а были только побѣдой народа. Когда онъ вернулся домой, то онъ бросился со слезами въ объятія королевы со словами: „Какое униженіе, какое униженіе“. Еще менѣе того склонны были примириться съ новымъ порядкомъ вещей тѣ, которые были зачинщиками задуманнаго переворота. Видя свое пораженіе, братъ короля, герцогъ Артуа, и съ нимъ Конде, Конти, Бролль, Полиньякъ и другіе выдающіеся аристократы выѣхали за границу и тѣмъ положили начало дворянской эмиграціи.

Паденіе Бастиліи, уничтоженіе стараго управленія въ Парижѣ не осталось единичнымъ фактомъ. Во многихъ городахъ произошли возстанія, и почти всюду произошло паденіе стараго управленія, оно исчезало какъ бы само собою подъ тяжестью своей собственной дряхлости и подъ давленіемъ общественной антипатіи и недовѣрія. Такимъ образомъ, 14-е іюля явилось историческимъ моментомъ, означающимъ паденіе абсолютизма во Франціи а черезъ посредство ея европейскаго вліянія получило и міровое историческое значеніе.

Въ дни 13 и 14 іюля мы не видимъ имени Мирабо въ протоколахъ Національнаго Собранія. У него было свое семейное дѣло, смерть отца, который скончался въ Аржантейѣ около Парижа.

Оно отвлекло его отъ общественныхъ дѣлъ. Но отношеніе его къ этому крупному послѣдствіями событію тѣмъ не менѣе интересно. Когда въ Національномъ Собраніи нѣкоторыми депутатами сдѣлана была попытка въ прокламаціи отъ собранія заклеймить возстаніе безъ всякихъ объясненій, онъ возсталъ противъ этой попытки, энергично доказывая естественную необходимость возстанія и законность въ смыслѣ сопротивленія насилію. Но затѣмъ, объясняя въ своемъ журналѣ „Письма къ избирателямъ“ нѣкоторыя крайности возстанія, онъ писалъ: „Общество скоро распалось бы, если бы толпа привыкла къ крови и къ безпорядку, поставила бы себя выше судей и стала бы бравировать силу законовъ. Вмѣсто свободы народъ кинется тогда къ рабству, ибо часто опасность соединяетъ всѣхъ около абсолютизма, и среди анархіи самъ деспотъ представляется спасителемъ“. (19 письмо) *). Это указаніе оправдалось 19 брюмера.

III.

Съ паденіемъ Бастиліи миновала опасность для существованія Національнаго Собранія, но опасность для благополучныхъ родовъ новаго порядка усилилась. Съ паденіемъ стараго административнаго строя и при отсутствіи новыхъ установленныхъ порядковъ явилась опасность анархіи. Съ этого момента мы видимъ Мирабо въ постоянной заботѣ о скорѣйшей организаціи исполнительной власти, вмѣсто разрушенной, и на стражѣ противъ проявленій анархіи. Когда вскорѣ послѣ паденія Бастиліи Лалли Толандаль предложилъ Національному Собранію издать прокламацію, предостерегающую противъ нарушеній закона и объявляющую плохими гражданами тѣхъ, кто будетъ нарушать законы, и при этомъ совѣтовалъ сослаться на отеческую любовь короля, Мирабо возсталъ противъ этого предложенія, какъ противъ непрактичнаго, и кромѣ того онъ находилъ, что послѣ того, какъ еще такъ недавно Собраніе избѣгло опасности, нетактично вводить народъ въ заблужденіе относительно отеческой любви короля. Взамѣнъ такой декларації, которая ни къ чему бы не

*) Stern, II. p. 48.

повела, онъ предлагалъ Собранію скорѣе заняться организаціей власти, а такъ какъ такое дѣло требуетъ времени, то онъ предлагалъ озаботиться сейчасъ же организаціей исполнительной мѣстной власти и гражданской стражи и поручить эту работу мѣстнымъ силамъ, поставивъ имъ только главныя условія: слияніе сословій, свободу выборовъ и срочность службы должностныхъ лицъ. Это предложеніе осталось втунѣ. Собраніе, напротивъ, предпочло заняться формулировкой правъ человѣка и гражданина, дабы изъ этихъ принциповъ вывести конституціонные законы. Мирабо возсталъ противъ такой работы. Онъ находилъ, что „голая декларація правъ, примѣнимая ко всѣмъ широтамъ нравственнымъ и географическимъ земного шара, безъ сомнѣнія была великой идеей, но „мнѣ кажется, говорилъ онъ, что прежде чѣмъ думать такъ великодушно о кодексѣ другихъ націй, лучше бы было, чтобы сначала были положены или по крайней мѣрѣ условлены основанія нашего. Съ каждымъ шагомъ, который вы сдѣлаете въ правахъ *человѣка,* вы будете поражены тѣмъ злоупотребленіемъ, которое можетъ изъ нихъ сдѣлать *гражданинъ*“. По поводу того же дѣла онъ указывалъ собранію на разницу, которая существуетъ между работой философа и работой государственнаго человѣка. „Философъ работаетъ для будущаго и не обращается къ массѣ (народа), государственный человѣкъ дѣйствуетъ на всѣхъ и въ опредѣленный данный моментъ“. Этотъ тезисъ Мирабо сближаетъ его съ Екатериной II, которая тоже писала Дидро: „Вамъ хорошо разсуждать: вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ, а мнѣ приходится работать на человѣческой кожѣ“. Потомъ, во время преній о Деклараціи правъ, онъ предсказывалъ, что она не будетъ имѣть того дѣйствія, котораго отъ нея ожидаютъ, что среди народа, который состарился въ предразсудкахъ, она будетъ звучать не столько объявленіемъ свободы, сколько объявленіемъ войны тиранамъ.

Всѣ эти предостереженія и требованія человѣка практическаго, желавшаго настоящаго дѣла, а не отвлеченныхъ разсужденій, понимавшаго, что время не ждетъ и что надо торопиться съ дѣломъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ въ собраніи, наполненномъ людьми неопытными и къ тому же, въ

силу господствовавшаго тогда классическаго духа и философскаго настроенія, склоннаго къ дедукціи и къ вѣрѣ въ силу отвлеченныхъ принциповъ. Между тѣмъ событія не ждали и опережали Національное Собраніе. Движеніе изъ городовъ перешло въ деревни и направилось противъ помѣщичьихъ правъ. Въ концѣ іюля каждый день приходили въ Собраніе извѣстія о нападеніяхъ крестьянъ на помѣщичьи замки, и каждую ночь пожары послѣднихъ освѣщали горизонтъ. При этомъ главной цѣлью было уничтоженіе феодальныхъ архивовъ, въ которыхъ сохранялись документы, обосновывавшіе феодальныя права. Подъ вліяніемъ этихъ событій произошла знаменитая ночь 4-го августа. Вечеромъ въ этотъ день Національное Собраніе находилось подъ впечатлѣніемъ доставленныхъ грозныхъ извѣстій. Герцогъ Эгильонъ и Виконтъ Ноаль обратились къ нему съ предложеніемъ уничтожить всѣ феодальныя права и за себя отказались отъ послѣднихъ. Тогда произошло зрѣлище, невиданное въ исторіи. Одни за другими всходили на трибуну владѣльцы феодальныхъ правъ и привилегій и объявляли объ отказѣ отъ нихъ. Представители городовъ, отдѣльныхъ корпорацій, священники, представители провинцій, словомъ всѣ отказывались отъ своихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Исключеніе составило только высшее духовенство. Каждое заявленіе встрѣчалось съ восторгомъ, и энтузіазмъ достигъ того предѣла, когда люди поднимаются гораздо выше своего обычнаго моральнаго уровня. Къ утру, когда кончилось засѣданіе, всѣ феодальныя права были отмѣнены.

Мирабо не было въ засѣданіи во время этой достопамятной ночи. Семейныя дѣла по поводу раздѣла наслѣдства отвлекли его. Онъ такъ отозвался объ этомъ событіи. „Таковы наши французы: цѣлый мѣсяцъ спорятъ о словахъ, а въ одну ночь разрушаютъ и сваливаютъ въ кучу все старое зданіе французской монархіи“. По поводу же постановленій ночи 4-го августа онъ писалъ дядѣ, что предпочтительнѣе было бы, вмѣсто огульнаго уничтоженія феодальныхъ правъ, оставляющаго много недоразумѣній, подвергнуть отдѣльному разбору всѣ дѣла, связанныя съ феодальнымъ порядкомъ и съ правомъ собственности, такъ какъ многія изъ феодальныхъ правъ не могли быть уничтожены безъ

выкупа. Такъ оно потомъ и произошло въ дѣйствительности. Т отдѣльныя коммисіи занялись разборомъ этихъ правъ. Но Собра ніе было право, поспѣшивъ съ принципіальнымъ рѣшеніемъ во проса, такъ какъ оно имѣло въ виду предупредить развит крестьянскихъ возстаній, а къ тому же было много привилегій чисто личныхъ, не имѣвшихъ значенія собственности, которы однако отзывались невыгодно на деревенской и городской эко номической жизни или же причиняли униженіе личности не привилегированныхъ людей.

Провозглашеніе принциповъ и теоретическое обсужден основаній свободы не могло прекратить волненій въ Парижѣ и въ другихъ городахъ. Они поддерживались недостаткомъ работы и продовольствія. Въ Парижѣ были организованы общественны работы, чтобы доставить средства къ жизни нуждающемуся на селенію. Но эти работы оплачивались не поурочно, а подене къ тому же онѣ не были организованы въ другихъ мѣстахъ, а потому много людей стекалось въ столицу, и такимъ образомъ зло увеличивалось. Неккеръ принялъ широкія продовольственныя мѣры, стоившія большихъ денегъ, но онѣ не достигали цѣли главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что хлѣбная торговля была парализована. Французское населеніе, какъ мы сказали выше, привыкло относиться враждебно къ хлѣбной торговлѣ, будучи воспитано въ предразсудкѣ, что такой важный предметъ, какъ народное продовольствіе, не можетъ быть отдаваемъ на произволъ жадности купцовъ. Оно вслѣдствіе этого смотрѣло враждебно и на передвиженіе хлѣба. Неккеръ раздѣлялъ взглядъ населенія на хлѣбную торговлю и въ своихъ распоряженіяхъ объявлялъ громко о „жадности купцовъ, достойной наказанія“. Теперь, когда правительственная власть пала, общественному предразсудку противъ хлѣбной торговли открытъ былъ широкій путь, и онъ отозвался, съ одной стороны, на томъ, что отдѣльные города и общины не допускали передвиженія хлѣба, и такимъ образомъ хлѣбная торговля была парализована, а правительственныя продовольственныя мѣры, конечно, не могли возмѣстить этотъ недостатокъ, если бы онѣ и шли совершенно правильно и покойно. Съ другой стороны, населеніе относилось враждебно и подозрительно и къ передвиженію казенныхъ грузовъ. Дѣло дошло до

того, что по Сенѣ должны были крейсировать военные люгеры, чтобы обезпечить доставку въ Парижъ казенныхъ грузовъ.

Населеніе столицы, лишенное работы и чувствующее сильный недостатокъ въ продовольствіи, волновалось и по своему объясняло свое положеніе. Оно привыкло издавна смотрѣть на короля, какъ на источникъ изобилія хлѣба. Въ этой мысли оно было воспитано длиннымъ рядомъ лѣтъ продовольственной политики, въ теченіе котораго монархія считала особенно важнымъ заботиться о дешевизнѣ хлѣба въ столицѣ. Всемогущество короля въ этомъ направленіи не подлежало никакому сомнѣнію. Если, значитъ, онъ теперь не производитъ изобилія хлѣба, то это потому, что аристократы ему мѣшаютъ въ этомъ, стараясь заморить голодомъ столицу, защитницу свободы. Отсюда до мысли объ освобожденіи короля отъ аристократовъ и доставленіи его въ столицу уже недалеко. Въ поддержаніи возбужденія населенія Парижа сильно работали агенты герцога Орлеанскаго. Послѣдній надѣялся, что въ возстаніи можетъ погибнуть королевская семья, и на мѣсто Людовика XVI можетъ стать королемъ Филиппъ Орлеанскій. Наиболѣе могущественнымъ человѣкомъ въ Парижѣ былъ въ это время Лафайетъ, не только потому, что онъ былъ начальникомъ національной гвардіи, переименованной изъ гражданской стражи, но еще и потому, что онъ пользовался большой популярностью въ населеніи. Ради послѣдней онъ не принималъ всѣхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ, происходившихъ ежедневно. Его честолюбіе рисовало ему роль человѣка, насаждающаго свободу во Франціи; но для этого надо было, чтобы Декларація правъ,—это его дѣтище,—была утверждена королемъ, а во-вторыхъ, чтобы дворъ находился подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Лафайетъ былъ очень недоволенъ королемъ за то, что тотъ медлилъ утвердить поднесенный ему актъ Декларації правъ человѣка и гражданина, которому онъ придавалъ такое первостепенное значеніе. Онъ не былъ бы недоволенъ, если бы народное движеніе произвело на короля нѣкоторое давленіе въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, интересы герцога Орлеанскаго и соображенія Лафайета совпадали съ предразсудкомъ народа, подсказывавшимъ ему движеніе въ Версаль.

Какъ извѣстно, поводомъ движенія на Версаль былъ праздникъ прибывшаго туда Фландрскаго полка, которому офицеры давали перваго октября вечеръ. Послѣдній посѣтили король и королева, что вызвало сильный энтузіазмъ офицеровъ. Музыка играла гимнъ „О, Ричардъ, мой король, всѣ тебя покидаютъ“... Возбужденные виномъ офицеры стали срывать съ себя трехцвѣтную кокарду, въ чемъ имъ помогали придворныя дамы и замѣнять ее бѣлой. Такой же вечеръ повторился 3-го октября. Извѣстіе объ этой, въ сущности говоря, не имѣвшей значенія демонстраціи, пришедши въ Парижъ, произвело взрывъ готоваго горючаго матеріала. Произошло движеніе женщинъ, отправившихся въ Версаль освобождать короля отъ аристократовъ и просить у него хлѣба, за которыми отправилась туда же и толпа мужчинъ, захватившихъ съ собой и пушки. Лафайетъ тоже собралъ національную гвардію и двинулся туда же, но онъ собирался очень медленно и явился тогда, когда толпа уже побывала у короля и наполнила залу Національнаго Собранія, и тамъ и тутъ требуя хлѣба. Ему удалось возстановить спокойствіе, народу былъ розданъ хлѣбъ, и ночь прошла спокойно. Внѣшніе караулы дворца были заняты національными гвардейцами. Какъ и по всякой толпѣ, такъ и тутъ были бродяги, готовые поживиться на чужой счетъ. Нѣкоторые изъ нихъ, бродя около рѣшетки дворца, нашли одну калитку незапертой и проникли туда. Внутри они натолкнулись на караулъ, съ которымъ завязалась драка. Она послужила поводомъ къ тому, что началась общая свалка, и возбужденная толпа проникла во дворецъ. Королевская семья едва избѣгла нападенія и опасности, такъ какъ, несомнѣнно, въ толпѣ были клевреты герцога Орлеанскаго, готовые убить короля. Лафайету удалось очистить дворецъ отъ толпы и защитить короля и королеву, но онъ настоялъ на томъ, чтобы король утвердилъ декларацію правъ человѣка и гражданина и переѣхалъ на жительство въ Парижъ. Переѣздъ короля изъ Версаля въ Парижъ похожъ былъ на карнавалъ, а не на путешествіе главы государства. Громадная толпа окружала карету и [illegible] въ которыхъ говорилось, что она везетъ съ собой [illegible] и булочницу. Черезъ нѣсколько дней послѣ [illegible] въ Парижъ и Національное Собраніе.

Значеніе дней 5-го и 6-го октября громадно. Помимо того факта, что королевская власть была атакована толпой и, такъ сказать, взята въ плѣнъ; но обѣ государственныя власти очутились теперь въ Парижѣ подъ господствомъ толпы. Вліянію послѣдней, за отсутствіемъ сильной исполнительной власти, они неизбѣжно должны были подчиниться, и само Національное Собраніе вмѣсто того, чтобы быть выразителемъ воли націи, стало теперь въ необходимость быть выразителемъ воли Парижа. Мало кто въ то время понималъ именно это значеніе событій; напротивъ, думали, что настала эпоха спокойствія и примиренія.

Роль Мирабо въ этихъ событіяхъ была не велика, но она показываетъ, что онъ понималъ ихъ значеніе. Когда въ Версаль пришло извѣстіе о движеніи толпы изъ Парижа, онъ подошелъ къ президенту Національнаго Собранія Мунье и посовѣтовалъ ему отправиться тотчасъ же во дворецъ и уговорить короля немедленно оставить Версаль, чтобы не очутиться въ плѣну у народа. Мунье не послѣдовалъ этому совѣту, такъ какъ онъ отнесся къ нему подозрительно. Онъ считалъ Мирабо купленнымъ сторонникомъ герцога Орлеанскаго. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Мирабо мѣшала его плохая репутація. Потомъ, когда совершилось переселеніе въ Парижъ королевской семьи, онъ увидѣлъ въ этомъ фактѣ наступленіе анархіи и очень мрачно смотрѣлъ на будущее. Онъ говорилъ своему другу графу Ламарку: „Вы увидите, король и королева погибнутъ. Ихъ трупы будутъ волочить по мостовой, и толпа надругается надъ ними“. Едва ли кто-нибудь тогда такъ предвидѣлъ будущее.

Несмотря на мрачный взглядъ на будущее, несмотря на то, что Мирабо сознавалъ, какой тормазъ въ его дѣятельности составляетъ его прошлое, онъ съ энергіей принималъ участіе въ выработкѣ конституціонныхъ положеній. Первымъ изъ крупныхъ вопросовъ былъ вопросъ о королевской санкціи законодательныхъ постановленій собранія. Имѣетъ ли право король не утвердить постановленіе собранія? Вотъ въ чемъ заключается вопросъ о королевскомъ veto. Мирабо, оставаясь послѣдовательнымъ сторонникомъ сильной исполнительной власти и имѣя въ виду примѣръ Англіи, не могъ не настаивать на предоставленіи королю

права отказывать въ утвержденіи рѣшеній парламента. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда зашла рѣчь о королевскомъ veto, онъ отозвался объ этомъ такимъ образомъ: „Я считаю veto короля столь необходимымъ, что если бъ его у него не было, я предпочелъ бы жить скорѣе въ Константинополѣ, чѣмъ во Франціи. Да, я заявляю, я не знаю ничего ужаснѣе аристократіи 600 человѣкъ, которые завтра сдѣлали бы себя несмѣняемыми, послѣзавтра наслѣдственными и кончили бы, какъ всѣ аристократіи міра, тѣмъ что захватили бы все". *) Потомъ, въ августѣ, вновь возвращаясь къ тому же вопросу, онъ настаивалъ на мысли, что безъ сильной исполнительной власти дѣло придетъ къ анархіи. „Ничто не можетъ утѣшить въ бѣдствіяхъ анархіи, развѣ только сознаніе, что она не можетъ тянуться долго, и, конечно, или вы никогда не создадите французской конституціи, или же вы найдете средство дать нѣкоторую силу исполнительной власти и общественному мнѣнію раньше, чѣмъ ваша конституція будетъ формулирована". По этому случаю онъ опять говорилъ о необходимости установленія королевской санкціи законовъ и напередъ обѣщалъ, что къ ней онъ отнесется съ бо̀льшимъ религіознымъ уваженіемъ, чѣмъ кто либо изъ роялистовъ **). По поводу его горячей защиты королевской прерогативы было высказано тогда въ собраніи подозрѣніе относительно безкорыстія его отношенія къ дѣлу. Эти намеки, съ ссылкой на его прошлое, вызвали съ его стороны реплику: „Безъ сомнѣнія, во время моей бурной молодости, по винѣ другихъ и еще болѣе по моей собственной, я сдѣлалъ очень много дурного, и мало найдется людей, которыхъ частная жизнь давала бы больше поводовъ для клеветы и больше пищи для злословія. Но я могу засвидѣтельствовать предъ всѣми вами: ни одинъ писатель, ни одинъ общественный дѣятель не имѣетъ болѣе меня права поставить себѣ за честь смѣлость чувства, безкорыстіе цѣли, гордую независимость и единство принциповъ".

Въ началѣ сентября ему снова пришлось говорить по поводу королевской санкціи законовъ. Возражая тѣмъ, кто не допускалъ этой прерогативы короля, съ одной стороны, ради теоретически послѣдовательнаго раздѣленія государственныхъ властей,

*) Rousse, p. 157. Lomenie, IV. p. 428.
**) Lomenie. IV, p. 394 и 428.

а съ другой—изъ опасенія злоупотребленія этой прерогативой со стороны короля, Мирабо доказывалъ, что двѣ власти: хотѣть и дѣйствовать—должны имѣть одинаковое значеніе; изъ нихъ исполнительная власть, имѣющая постоянное общеніе съ народомъ, можетъ лучше знать, что отвѣчаетъ или не отвѣчаетъ народной волѣ. Если лишить ее права высказывать свое мнѣніе и вліять на законодательную власть, то могутъ получиться два послѣдствія: или общественная сила, находящаяся въ распоряженіи главы исполнительной власти, будетъ направлена, даже помимо его воли, противъ парламента, или парламентъ захватитъ исполнительную власть и превратится въ аристократическую тираннію. Опасенія злоупотребленія правомъ veto, по его мнѣнію, неосновательны, ибо у представителей націи есть въ рукахъ средство противъ этого: отказъ въ деньгахъ, въ войскахъ, ежегодность парламента и отвѣтственность министровъ.

Принципы, которые высказывалъ теперь Мирабо, были тѣ же, которые онъ высказывалъ и въ началѣ года на выборахъ: упраздненіе феодальныхъ привилегій, гражданская свобода и равенство предъ закономъ, сильная исполнительная власть и полная солидарность короля съ новымъ соціально-политическимъ порядкомъ. Послѣднее условіе онъ считалъ главнымъ для безопасности перехода отъ стараго порядка къ новому, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого условія не было, ибо при дворѣ не могли примириться съ паденіемъ феодальнаго строя и съ равенствомъ всѣхъ передъ закономъ. Энергическая защита Мирабо королевской прерогативы достигла только того, что королю предоставлено было отлагательное veto. По этому закону рѣшеніе законодательнаго собранія могло быть не утверждено королемъ, но въ такомъ случаѣ оно не отмѣнялось совершенно, а только откладывалось на двѣ сессіи. Если по прошествіи двухъ сессій парламента оно снова принималось послѣднимъ, то оно вступало въ законную силу и помимо согласія на него короля.

Въ этомъ рѣшеніи Національнаго Собранія сквозило опасеніе злоупотребленія со стороны короля своей прерогативой, и надо сказать, что въ этомъ опасеніи было основаніе. Позднѣйшія событія показали, что исполнительная власть могла подкапываться подъ новый порядокъ вещей; но тѣмъ не менѣе принятіе

отлагательнаго veto нисколько не исправляло дѣла, ибо оно не устраняло возможности злоупотребленія, а между тѣмъ колебало авторитетъ исполнительной власти.

Мирабо полагалъ, что ставить человѣка вождемъ двадцатипятимилліоннаго народа и въ то же время въ извѣстныхъ случаяхъ заставлять его примѣнять законы, на которые онъ не далъ согласія, значитъ—одной рукой разрушать то, что другой созидаютъ. Но разногласіе между нимъ и противниками абсолютнаго veto было глубже, чѣмъ казалось. Оно крылось въ различіи пониманія монархіи. Его противники считали, что они достаточно монархисты, если они утвердятъ на бумагѣ наслѣдственность королевскаго сана и неотвѣтственность короля; по этому наслѣдственному и неотвѣтственному носителю короны они, отчасти сами не сознавая того, предоставляли въ конституціи не больше мѣста, чѣмъ какому-нибудь орнаменту. Мирабо же видѣлъ спасеніе Франціи въ томъ, чтобы королевская власть и нація слили свои интересы; но именно для этого онъ хотѣлъ, чтобы между представителями послѣдней и королемъ не было воздвигаемо рѣзкихъ границъ. Новая французская монархія, носившаяся предъ его взоромъ, была не та, которая существовала передъ созывомъ Государственныхъ Чиновъ; но это была и не та монархія, которая рисовалась въ умѣ тѣхъ, кто изъ плохо понятой теоріи раздѣленія государственной власти сдѣлали догматъ и, чтобы сохранить послѣдній во всей чистотѣ, дѣлали самую практику власти невозможной. То, о чемъ онъ думалъ, выражалось фразой: „Правительство Франціи есть королевская демократія". „Это значитъ, какъ говорилъ органъ Мирабо „Courrier de Provence", что демократія естественнымъ образомъ сливается съ монархіей, что ихъ интересы не противорѣчатъ другъ другу, ибо воля короля должна заключаться въ томъ, чтобы видѣть свой народъ многочисленнымъ, цвѣтущимъ и могущественнымъ, а воля народа—въ томъ, чтобы видѣть своего короля достаточно сильнымъ, чтобы воспротивиться возвращенію аристократіи, которая всегда стремится къ независимости, и могущество которой всегда проявляется на счетъ силы государя и силы народа" *).

*) Stern. II, p. 63.

Но современники Мирабо, сознательно или нѣтъ, стремились къ республикѣ съ монархической вывѣской. Отсюда, а также и вслѣдствіе подозрительнаго отношенія къ королевской власти, вопросъ о veto получилъ преувеличенное значеніе. Въ широкихъ кругахъ народа veto считали живымъ существомъ, какимъ то придворнымъ чиномъ или же средствомъ возвращенія къ рабству, а газетчики изображали его кровавымъ манекеномъ деспотизма. Нѣсколько дней спустя, послѣ своей рѣчи 1 сентября, произнесенной въ Національномъ Собраніи въ защиту veto, Мирабо съ своимъ другомъ Дюмономъ пріѣхалъ въ Парижъ. Около книжнаго магазина Лежэ (Lejay) вокругъ его экипажа собралась толпа парижанъ. Когда онъ вышелъ изъ магазина, люди съ плачемъ бросились ему въ ноги и, какъ „отца народа", умоляли его спасти ихъ отъ „этого ужаснаго veto" и отъ возвращенія рабства *).

На той же почвѣ происходило и рѣшеніе вопроса о томъ, могутъ быть или нѣтъ министры изъ числа членовъ парламента? Сущность этого вопроса заключается въ томъ, что министры, будучи назначаемы изъ числа членовъ парламента, естественно являются представителями и руководителями наиболѣе вліятельной его группы. Мирабо былъ знакомъ съ дѣломъ по практикѣ Англіи, гдѣ еще со второй половины XVIII вѣка утвердился обычай, что министерство составляется королемъ изъ членовъ парламента, пользующихся наибольшимъ вліяніемъ и довѣріемъ этой коллегіи. Но для этого, конечно, необходимо условіе, чтобы законъ не препятствовалъ членамъ парламента совмѣщать должность министра и депутата. Къ этому вопросу Національное Собраніе подошло въ концѣ октября 1789 года, когда зашла рѣчь о правахъ гражданъ быть избирателями и избираемыми на общественныя должности. Одинъ изъ болѣе радикальныхъ депутатовъ Собранія предложилъ теперь же объявить, что министры не могутъ быть избираемыми въ депутаты. Хотя теперь шелъ вопросъ не о министрахъ, а объ общихъ условіяхъ избираемости, но, благодаря этому предложенію, онъ сошелъ на вопросъ о томъ, могутъ ли быть министры изъ числа членовъ парламента? Мирабо выступилъ въ защиту рѣшенія этого вопроса

*) Stern. II, p. 68. Rousse, p. 157.

въ положительномъ смыслѣ въ силу двухъ аргументовъ. Во-первыхъ, потому, что министры, будучи изъ числа членовъ парламента, являются проводниками въ парламентѣ идей исполнительной власти и такимъ образомъ способны усилить въ немъ ея вліяніе. Во-вторыхъ, сама исполнительная власть становится сильнѣе именно тѣмъ, что она пользуется поддержкой большинства парламента и пользуется его довѣріемъ, а черезъ него и общества. Оба эти аргумента находились въ согласіи съ постояннымъ требованіемъ Мирабо объ установленіи сильной исполнительной власти. По его мнѣнію, при назначеніи министровъ изъ числа членовъ парламента устранялась одна изъ лишнихъ перегородокъ между законодательной и исполнительной властью, чрезмѣрное отдѣленіе которыхъ онъ считалъ вреднымъ.

Но такъ же, какъ и въ вопросѣ о королевской санкціи законовъ, Національное Собраніе и въ вопросѣ о назначеніи министровъ стало на сторону проведенія въ чистомъ видѣ теоріи раздѣленія государственныхъ властей, а потому не хотѣло допустить совмѣщенія роли законодателя, т. е. члена парламента, съ ролью министра, т. е. представителя исполнительной власти. Кромѣ этого принципіальнаго основанія, большое вліяніе имѣло и опасеніе, что король, имѣя право назначать министровъ изъ числа членовъ парламента, будетъ имѣть возможность привлекать на свою сторону наиболѣе вліятельныхъ членовъ парламента, а эти послѣдніе, станъ министрами, будутъ идти противъ него и, такимъ образомъ, вредить дѣлу свободы.

Мирабо со всей силой своей энергіи возсталъ противъ этихъ тенденцій. Все, что можно было сказать въ защиту совмѣщенія званій депутата и министра, было имъ сказано, и все краснорѣчіе въ истинномъ смыслѣ слова было употреблено, чтобы подчинить умъ слушателей аргументамъ, выясняющимъ необходимость упомянутаго совмѣщенія, въ наше время ясную для всѣхъ. „Всѣ добрые граждане озабочены возстановленіемъ сильнаго правительства. Какъ можетъ быть достигнута эта цѣль, если исполнительная и законодательная власти разсматриваются какъ враги, если онѣ опасаются совмѣстно обсуждать общественныя дѣла? Почему мы должны бояться присутствія министровъ?.. Нѣтъ, не будемъ давать пустому призраку власти надъ собою.

Присутствіе высшаго агента исполнительной власти въ собраніи необходимо". Далѣе Мирабо доказывалъ, какъ нелогично заподозривать депутата только потому, что онъ сталъ министромъ. „Я не допускаю, сказалъ онъ, чтобы довѣріе, оказанное націей гражданину, должно было быть основаніемъ для лишенія его довѣрія монарха. Я не хочу повѣрить, чтобы министерство хотѣли оскорбить мыслью, что достаточно войти въ составъ его, чтобы стать подозрительнымъ для Собранія" *). На самомъ дѣлѣ это и было такъ.

Многіе понимали, что, отстаивая совмѣстимость званія депутата съ должностью министра, Мирабо въ то же время отстаивалъ для себя возможность стать министромъ. Онъ зналъ, что надо дѣлать, у него была ясно сознанная правительственная программа, и онъ чувствовалъ въ себѣ силу стать у руля государства и управлять имъ лучше, чѣмъ корифеи того времени, Неккеръ и Лафайетъ, которые неслись по теченію безъ компаса безъ руля и безъ вѣтрилъ. Но чѣмъ опаснѣе была для нихъ его конкурренція, чѣмъ яснѣе чувствовалась его сила, тѣмъ сильнѣе хлопотали они въ собраніи, чтобы не допустить для Мирабо возможности пройти въ министры. Неккеръ и другіе министры всѣми силами старались возбудить противъ него недовѣріе. Съ консервативной стороны Собранія возсталъ противъ Мирабо Франсуа Монлозье. Онъ самъ впослѣдствіи вспоминалъ, что его натравилъ канцлеръ Шампіонъ-де-Сисе. Онъ заявилъ Собранію, что въ предложеніи Мирабо скрывается таинственный смыслъ. Со стороны лѣвой выступилъ въ томъ же духѣ Ланжюине, впослѣдствіи извѣстный жирондистъ. Въ данномъ случаѣ онъ тоже былъ глашатаемъ канцлера. „Краснорѣчивый геній теперь увлекаетъ и покоряетъ васъ. Что же будетъ тогда, если онъ станетъ министромъ?" Онъ требовалъ постановленія, чтобы представители націи въ теченіе законодательнаго періода и три года послѣ него не принимали бы ни министерскаго мѣста, ни какого либо знака монаршей милости, никакой пенсіи и никакой должности подъ страхомъ лишенія своихъ полномочій и избирательныхъ правъ на пять лѣтъ. Вопросъ, очевидно, перешелъ на личную почву; но представителю города Нанта, Блену, намеки Ланжюине показались

*) Rousse, p. 158.

недостаточно ясны и онъ внесъ добавку такого рода: „Ни одинъ изъ членовъ Національнаго Собранія въ продолженіе текущей сессіи не можетъ вступить въ министерство“. Въ отвѣтъ на это предложеніе Мирабо снова развивалъ выгоды парламентскаго управленія и закончилъ это изложеніе вопросомъ, что выгоднѣе, чтобы на министерской скамьѣ сидѣли придворные, или же люди, пользующіеся довѣріемъ народа? Перейдя затѣмъ къ личнымъ намекамъ Ланжюине и Блена, онъ поставилъ вопросъ открыто и сказалъ, что надо догадываться, что Бленъ имѣлъ въ виду исключеніе изъ министерства лишь нѣкоторыхъ членовъ Національнаго Собранія. „Кто эти члены? Вы уже угадали ихъ, господа. Это авторъ предложенія и я. Я называю автора предложенія первымъ, потому что онъ въ своей скромности и застѣнчивости боится какихъ либо большихъ знаковъ довѣрія и хочетъ создать себѣ средство отклонить ихъ, установивъ общее исключеніе. Затѣмъ я называю себя, такъ какъ слухи, которые ходятъ обо мнѣ, однимъ людямъ внушаютъ страхъ, а въ другихъ вызываютъ надежду, и такъ какъ авторъ предложенія, по всей вѣроятности, повѣрилъ этимъ слухамъ, то возможно, что онъ думаетъ обо мнѣ такъ же, какъ и я самъ. Я поэтому, не удивлюсь, если онъ меня считаетъ способнымъ выполнить порученіе, которое, какъ я чувствую, по плечу моему мужеству и усердію, но не моему разуму и моему таланту, въ особенности въ томъ случаѣ, если я буду лишенъ указаній и совѣтовъ, которые я всегда нахожу въ этомъ собраніи. Поэтому я вношу предложеніе ограничить требуемое исключеніе только однимъ г. Мирабо, депутатомъ общины сенешальства Экса. Я буду считать себя счастливымъ, если бы такой цѣною я могъ пріобрѣсти надежду, что многіе изъ нашихъ сочленовъ, которые пользуются моимъ уваженіемъ и довѣріемъ, могли бы стать совѣтниками націи и короля, которыхъ я всегда разсматриваю, какъ неотдѣлимыхъ другъ отъ друга“ *).

Но эта иронія была такъ же безрезультатна, какъ и всѣ доводы, которые онъ приводилъ въ доказательство того, что министры должны быть избираемы изъ среды парламента. Эти доводы скользили по поверхности сознанія членовъ Національнаго

*) Stern. II. p. 119.

Собранія, не проникая внутрь его. Давно развившіяся чувства и предразсудки мѣшали ихъ усвоенію. Предразсудокъ, въ силу котораго министръ былъ только слугой короля, но не общаго блага, стоялъ во всей силѣ. Совмѣстить въ лицѣ его представителя націи и королевской власти считалось невозможнымъ, несмотря на живой примѣръ Англіи, предъ которой многіе тогда преклонялись. Къ этому присоединялось преувеличенное представленіе о силѣ короля, созданное предыдущей исторіей королевскаго абсолютизма. Поэтому боялись дать ему въ руки еще новыя средства вліянія. Эта традиціонная привычка видѣть всесиліе короля была такъ велика, что члены Національнаго Собранія не могли отрѣшиться отъ этого представленія, несмотря на всю его неосновательность. Словомъ, они боялись самихъ себя, какъ людей старой Франціи, и потому не въ силахъ были усвоить идей и чувствъ, относившихся къ новому порядку государственной жизни, хотя и хотѣли страстно создать таковой. Провозгласить новые принципы они могли; но осуществить ихъ не были въ силахъ. Вопросъ о совмѣщеніи депутатскаго званія съ должностью министра рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Это было роковое рѣшеніе. Еще одинъ устой монархіи былъ устраненъ. Для Мирабо лично это рѣшеніе тоже имѣло большое значеніе. Одушевляемый сознаніемъ своей силы и побуждаемый своимъ честолюбіемъ, онъ надѣялся устранить Неккера и стать министромъ короля и своей силой восполнить его слабость. Теперь эта возможность для него была закрыта. Въ совѣтники короля можно было идти только съ задняго крыльца. (5-го ноября 1789 г.)

Мы видѣли, что еще раньше этого времени Мирабо дѣлалъ попытки оказывать вліяніе на правительство. Мы знаемъ, что друзья его пытались пристроить его къ Неккеру, и какъ это не удалось. Впослѣдствіи, въ концѣ 1789 и въ началѣ 1790 года, онъ не разъ поддерживалъ Неккера въ его финансовыхъ комбинаціяхъ; но онъ оказывалъ эту поддержку не въ силу личныхъ отношеній къ Неккеру, къ которому онъ чувствовалъ антипатію и котораго способности онъ не высоко цѣнилъ, но потому, что

понималъ необходимость и неизбѣжность тѣхъ финансовыхъ мѣръ, съ которыми выступалъ министръ.

Осенью 1789 года друзьями Мирабо сдѣлана была попытка свести его съ Лафайетомъ, чтобы въ союзѣ этихъ людей найти средство спасенія монархіи. Мирабо очень не высоко цѣнилъ политическій талантъ Лафайета. Онъ его признавалъ скорѣе героемъ романа, чѣмъ политическимъ дѣятелемъ. Онъ называлъ его: „Кромвель-Грандиссонъ“ *), „Жилль-Цезарь“; но популярность Лафайета была такъ велика, что обойтись безъ него въ планахъ составленія министерства было невозможно. Свиданіе между ними произошло въ началѣ октября, вскорѣ послѣ переѣзда въ Парижъ королевской семьи. Но эти натуры слишкомъ были противоположны, чтобы между ними могло произойти сближеніе, если-бы даже они и постарались объ этомъ. Впечатлѣніе, произведенное на Лафайета его собесѣдникомъ, было неблагопріятно. Онъ самъ впослѣдствіи вспоминалъ, что безнравственность Мирабо его шокировала и что, несмотря на удовольствіе, которое ему доставилъ разговоръ съ нимъ, несмотря на восторгъ предъ его высокимъ талантомъ, онъ не могъ скрыть нѣкотораго пренебреженія къ нему, которое задѣло Мирабо. Очень скоро между ними начались взаимныя недоразумѣнія, и хотя Мирабо въ собраніи противъ воли поддерживалъ Лафайета, но сближенія между ними не произошло, и министерство, въ которомъ оба они заняли бы мѣсто, не организовалось. Впослѣдствіи, въ серединѣ 1790 года, когда вліяніе Мирабо стало сильнѣе, Лафайетъ самъ пытался сблизиться съ нимъ, но тогда послѣдній уже не нуждался въ немъ, считалъ его вреднымъ для дѣла политикомъ и помышлялъ о низверженіи этого идола толпы.

Мирабо страстно добивался мѣста у власти. Въ данномъ случаѣ его личные интересы совпадали съ показаніями его убѣжденія. Ему нужны были деньги для жизни, для содержанія того штаба работниковъ, который его окружалъ и готовилъ ему матеріалъ для его работъ въ Собраніи, помогалъ ему въ изданіи газеты; ему нужны были деньги для удовлетворенія кредиторовъ. Послѣдніе давали ему средства въ разсчетѣ получить потомъ

*) Грандиссонъ—герой романа Ричардсона, изданнаго въ 1753 году.

съ лихвой; но пока на ихъ просьбы объ уплатѣ онъ говорилъ имъ: „прійдите потомъ, когда я буду министромъ".

Но въ то же время онъ былъ убѣжденъ, что каждый пропущенный день безъ организаціи сильной власти приближаетъ монархію къ гибели и Францію къ анархіи. Послѣ октябрскихъ дней онъ говорилъ своимъ друзьямъ, что королевская семья, чтобы не погибнуть, должна поскорѣе уѣхать изъ Парижа, иначе она окажется въ рукахъ толпы. „Чего же они дожидаются, говорилъ онъ про дворъ, чтобы взять меня?" Онъ думалъ, что есть еще возможность спасти монархію, и былъ увѣренъ въ своихъ силахъ сдѣлать это. Говорили, что онъ былъ агентомъ герцога Орлеанскаго, что онъ помышлялъ устранить короля, чтобы на его мѣсто сталъ этотъ принцъ. Невѣрность этого предположенія доказана изслѣдованіями Ломени и Штерна. Самъ Мирабо, когда ему послѣ отъѣзда герцога въ Англію говорили объ этихъ слухахъ объ отношеніяхъ его къ нему, отозвался такъ: „И этого человѣка мнѣ прочили въ господа. Да я бы не взялъ его себѣ въ лакеи".

Тѣмъ не менѣе, однако, дѣйствительно въ это время надежды на Людовика XVI, какъ на государя, настолько были слабы, что въ политическихъ кругахъ считали полезнымъ фактически устранить его отъ дѣлъ и организовать регентство и регентомъ поставить брата короля, герцога Прованскаго, впослѣдствіи короля Людовика XVIII. Предполагалось, что онъ организуетъ министерство, которое и возьметъ на себя дѣло спасенія монархіи и организаціи новаго государственнаго порядка. Съ нимъ вошли въ сношенія. Въ половинѣ октября ночью состоялось свиданіе съ нимъ графа Ламарка, человѣка, искренно преданнаго королевской семьѣ, и въ то же время друга Мирабо. Въ данномъ случаѣ онъ былъ органомъ цѣлой группы политическихъ дѣятелей. Между прочимъ, онъ передалъ ему докладъ Мирабо о современномъ положеніи вещей. Въ немъ Мирабо совѣтовалъ удалить королевскую семью изъ Парижа въ Руанъ или другой какой городъ сѣверной Франціи и туда-же перевести Національное Собраніе. Онъ настаивалъ, однако, на томъ, чтобы новое министерство искренно и твердо взялось за осуществленіе новаго порядка вещей на основаніи создаваемой конституціи. Этотъ докладъ

произвелъ впечатлѣніе на герцога Прованскаго, а роль, которая ему предназначалась, льстила ему. Онъ помышлялъ о томъ, чтобы совсѣмъ замѣнить Людовика XVI и стать впослѣдствіи королемъ. Онъ говорилъ о королѣ, какъ о человѣкѣ, совсѣмъ неспособномъ. „Слабость и нерѣшительность короля, говорилъ онъ, превосходятъ все, что можно только сказать. Чтобы составить себѣ представленіе объ его характерѣ, вообразите два шара слоновой кости, смазанныхъ масломъ, которые вы тщетно старались бы удержать вмѣстѣ“. Но и самъ онъ тоже страдалъ недостаткомъ характера и, кромѣ того, онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ къ общественному дѣлу. Смѣлости и рѣшительности у него не было, а потому найти въ немъ опору было дѣломъ безнадежнымъ. Королева относилась къ нему съ антипатіей и съ подозрѣніемъ. Самъ Мирабо скоро замѣтилъ, что на герцога Прованскаго плоха надежда. Онъ писалъ графу Ламарку: „Monsieur чистъ душой какъ ребенокъ, но и слабъ какъ ребенокъ... Королева ласкаетъ его и дурачитъ... Она обращается съ нимъ, какъ съ маленькимъ цыпленкомъ, котораго любятъ ласкать чрезъ рѣшетку клѣтки, но не хотятъ выпустить изъ нея, и онъ позволяетъ обращаться съ собой такимъ образомъ“. Разъ, однако, герцогъ Прованскій какъ будто рѣшился предложить королю поручить ему составить министерство и стать во главѣ его. Онъ выставилъ себя при этомъ, какъ единственнаго принца изъ дома Бурбоновъ, котораго не обвиняютъ въ томъ, что онъ врагъ націи. Выборъ его, по его мнѣнію, не только указанъ самой природой, но и необходимостью положенія вещей. Этотъ ходъ герцога Прованскаго не остался незамѣченнымъ со стороны Неккера и Лафайета. Они соединились между собой, чтобы отвратить грозившую имъ опасность. Они рѣшились побудить короля на такой шагъ, который поднялъ бы его популярность. Въ началѣ февраля 1790 года, по ихъ совѣту, онъ явился лично въ Національное Собраніе безъ всякаго стариннаго блеска и прочелъ рѣчь, исполненную дружественнаго настроенія по отношенію къ конституціи, и тѣмъ вызвалъ энтузіазмъ не только въ Собраніи, но и въ толпѣ, которая наполняла галлереи. Такимъ образомъ, одна часть совѣта Мирабо, который онъ не разъ высказывалъ, что король долженъ открыто заявить о своемъ присоединеніи

къ новому порядку,—была использована; но безъ осуществленія другой его части—объ образованіи сильнаго министерства. О кандидатурѣ герцога Прованскаго въ регенты послѣ того не было больше рѣчи. Зять Неккера, шведскій посолъ, сообщалъ объ этомъ маленькомъ маневрѣ, что „Мосье, затѣявшій вмѣстѣ съ Мирабо маленькую интригу съ цѣлью войти въ королевскій совѣтъ и стать во главѣ популярной партіи, въ настоящее время искуснымъ образомъ устраненъ. Неккеръ и Лафайетъ въ настоящее время соединились и могутъ быть разсматриваемы какъ единственныя опоры правительства“ *).

Между тѣмъ, одно изъ лицъ, близко стоящихъ къ королевѣ, оцѣнивало по достоинству то значеніе, которое имѣлъ Мирабо. Это былъ графъ Мерси, австрійскій посолъ, который давно жилъ во Франціи, зналъ хорошо внутреннія ея отношенія и не разъ выступалъ совѣтникомъ королевы въ ея поведеніи. Нужно, однако, сказать, что лучше бы было, если-бы она его чаще слушалась. Въ данномъ случаѣ онъ вошелъ въ сношенія съ другомъ Мирабо, графомъ Ламаркомъ, и послѣдній въ началѣ марта устроилъ ему тайное свиданіе съ Мирабо. Изъ этого разговора о дѣлахъ обѣ стороны вынесли хорошее впечатлѣніе. Мерси употребилъ свое вліяніе на короля и королеву въ томъ смыслѣ, чтобы они обратились къ услугамъ Мирабо. Благодаря ему, Ламаркъ имѣлъ аудіенцію у королевской четы, на которой ему удалось выяснить, что Мирабо былъ чуждъ октябрскому движенію. Королева рѣшила, что король приметъ къ себѣ на службу Мирабо послѣ того, какъ онъ имъ представитъ мемуаръ, въ которомъ изложитъ свой планъ дѣйствій. Условлено было, что для того, чтобы посѣщенія Ламаркомъ дворца не возбуждали подозрѣнія своей необычностью, посредникомъ между Мирабо и королемъ будетъ архіепископъ тулузскій Фонтанжъ, которому онъ и будетъ передавать свои доклады для передачи ихъ королю.

Однако не сразу сладилось это дѣло. Въ началѣ мая Мирабо доставилъ королю требуемый докладъ, а тѣмъ временемъ въ Національномъ Собраніи онъ произнесъ рѣчи, которыя произвели при дворѣ непріятное впечатлѣніе.

---

*) Stern, II, p. 132.

Во время обсужденія церковнаго вопроса, когда рѣчь шла относительно того, слѣдуетъ-ли, или нѣтъ, объявить католическую религію національной религіей Франціи, и когда сторонники такой декларація сослались на распоряженіе Людовика XIV, Мирабо возразилъ: „Какъ, развѣ нетерпимость не была освящена въ это царствованіе, знаменитое отмѣной Нантскаго эдикта? Если ссылаетесь на исторію, то не забывайте того, что видно отсюда. Съ этой трибуны видно окно, изъ котораго король Франціи, вооруженный противъ своего народа заговорщиками, прикрывавшими свои личные интересы интересами религіи, стрѣлялъ изъ пищали въ народъ и далъ сигналъ Варѳоломеевской ночи". Такое напоминаніе не могло не произвести тягостнаго впечатлѣнія на благочестиваго потомка Карла IX-го. Въ другой разъ, во время обсужденія того же церковнаго вопроса, аббатъ Мори, желая затормозить готовившееся рѣшеніе Собранія, поднялъ вопросъ о срокѣ полномочій депутатовъ, доказывая, что послѣдніе окончились, что депутаты должны разойтись, и спросилъ, между прочимъ: „съ какихъ это поръ мы составляемъ національный конвентъ?" Въ отвѣтъ на эту рѣчь, очень искусно построенную, Мирабо отвѣчалъ одной изъ своихъ сильныхъ импровизацій: „Насъ спрашиваютъ, сказалъ онъ, съ которыхъ поръ депутаты народа сдѣлались національнымъ конвентомъ? Отвѣчаю: съ того дня, когда, найдя входъ въ залу своихъ засѣданій окруженными солдатами, они отправились въ первое мѣсто, представлявшее имъ возможность собраться, и поклялись, что скорѣе погибнутъ сами, чѣмъ измѣнятъ націи и отступятся отъ правъ ея. Наши полномочія, каковы бы они ни были, въ этотъ день измѣнились въ своей сущности; каковы бы ни были полномочія, которыми мы пользовались, наши труды, наши усилія узаконили ихъ, согласіе народа ихъ освятило. Вы всѣ помните слово великаго человѣка древности, пренебрегшаго законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопросъ трибуна, соблюлъ ли онъ законы, онъ отвѣчалъ: клянусь, я спасъ отечество. Господа (обращаясь къ депутатамъ общинъ), клянусь, что вы спасли Францію". Обстоятельства неудавшагося королевскаго засѣданія 3-го мая были еще слишкомъ свѣжи, чтобы къ воспоминанію объ этихъ дняхъ могли отнестись при дворѣ безразлично.

Въ началѣ мая 1790 г. Мирабо представилъ докладъ о политическомъ положеніи и о своемъ взглядѣ на то, что слѣдуетъ дѣлать. Въ немъ онъ заявлялъ о томъ, что онъ самъ монархистъ и глубоко убѣжденъ въ необходимости сильной исполнительной власти для спасенія Франціи отъ анархіи. Для этого онъ считалъ необходимымъ удаленіе короля въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Франціи и перенесеніе туда же и Національнаго Собранія. Но онъ тутъ же настаивалъ на томъ, что король долженъ отказаться отъ всякой мысли о контръ-революціи, которую онъ объявлялъ опасной и преступной. Онъ обѣщалъ королю посвятить всѣ свои силы на то, чтобы возстановить законныя права и силу короны. Для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ воздѣйствіе на общественное мнѣніе путемъ печати. Онъ говорилъ, что его надо возвратить къ разуму. Онъ обѣщалъ королю такую лойяльность, энергію, дѣятельность, усердіе и мужество, о которыхъ, вѣроятно, не имѣютъ и приблизительнаго представленія. „Я обѣщаю, говорилъ онъ, словомъ, все за исключеніемъ вѣрнаго успѣха, который ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ одного человѣка, и за который могла-бы поручиться въ этотъ моментъ страшной болѣзни, которая губитъ государство и грозитъ главѣ его, только безумная и преступная дерзость. Очень страненъ былъ бы человѣкъ, который, видя возможность спасти государство и монархію, остался бы равнодушенъ къ славѣ сдѣлать это. Я не принадлежу къ числу такихъ людей".

Мемуаръ этотъ удовлетворилъ короля и королеву, и Мирабо былъ принятъ на службу короля съ тѣмъ, что онъ будетъ для него составлять доклады по государственнымъ вопросамъ и подавать совѣты по дѣламъ, интереснымъ для короля. За эту работу онъ получаетъ по 6000 ливровъ въ мѣсяцъ и кромѣ того король уплачиваетъ его долги въ суммѣ 250.000 ливровъ по представленному имъ списку кредиторовъ.

Договоръ этотъ далеко не осуществлялъ тѣхъ стремленій, которыя одушевляли Мирабо. Вмѣсто того, чтобы стать первымъ министромъ и руководителемъ политики государства, къ чему онъ стремился онъ сталъ платнымъ совѣтникомъ короля, совѣты котораго однако не имѣли обязательнаго значенія. Правда, онъ ставилъ условіемъ поступленія своего на такую роль, чтобы

король не отступалъ отъ начертанной имъ программы, и требовалъ полнаго къ себѣ довѣрія, но, какъ извѣстно, такого отношенія къ его совѣтамъ не было, и съ самаго начала Марія Антуанетта смотрѣла на этотъ договоръ, какъ на средство воспользоваться способностями талантливаго человѣка, а не какъ на нѣчто связывающее короля въ его политикѣ. Она никогда не относилась къ Мирабо съ тѣмъ довѣріемъ, которое бы давало силу его совѣтамъ и вело къ ихъ осуществленію. Обстоятельства заставили ее прибѣгнуть къ услугамъ Мирабо, но не принять его программу, неизбѣжности которой она не понимала и не чувствовала. Эти-же обстоятельства побудили ее дойти до свиданія съ нимъ.

Конецъ мая и іюнь мѣсяцъ были тѣмъ временемъ, когда въ разныхъ городахъ Франціи праздновались годовщины важныхъ дней предыдущаго года, и когда въ Парижѣ шли приготовленія къ устройству огромнаго праздника Федераціи съ цѣлью укрѣпить готовившуюся конституцію и торжественно почтить взятіе Бастиліи. Можно было опасаться послѣдствій этого праздника, и потому королева хотѣла лично переговорить съ Мирабо объ этомъ дѣлѣ. Свиданіе было назначено въ великой тайнѣ въ паркѣ Сенъ-Клу, куда королевская семья переѣхала на нѣкоторое время. Къ назначенному дню (съ 2-го на 3-е іюля) Мирабо пріѣхалъ въ Пасси, къ своей племянницѣ графинѣ Арагонъ, и вечеромъ отъ нея поѣхалъ въ Сенъ-Клу, причемъ для сохраненія тайны кучеромъ сѣлъ на козлы его племянникъ и подвезъ его къ условленной калиткѣ. При видѣ человѣка, къ которому она относилась съ ужасомъ, королева едва могла сдержать волненіе, овладѣвшее ею; король, какъ и всегда, оставался апатичнымъ. Благихъ послѣдствій этого свиданія не было никакихъ. Мирабо понималъ, что праздникъ Федераціи только укрѣпитъ положеніе Лафайета и усилитъ его и безъ того довольно могущественную диктатуру. Съ цѣлью противодѣйствовать этому онъ рекомендовалъ королю рѣшительно выступить въ этотъ день въ качествѣ сторонника новаго порядка и тѣмъ поднять свой престижъ въ глазахъ представителей всей Франціи на праздникѣ. Онъ рекомендовалъ ему на конѣ верхомъ объѣхать рядъ депутатовъ провинцій и національной гвардіи и такимъ образомъ стать во главѣ торжества

предъ лицомъ всей Франціи. По просьбѣ короля онъ составилъ ему и доставилъ ту рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести во время присяги конституціи; но эта рѣчь такъ и осталась въ карманѣ короля, и на праздникѣ онъ совершенно стушевался предъ Лафайетомъ.

Но это свиданіе оказалось вреднымъ для цѣлей Мирабо въ томъ отношеніи, что оно не осталось тайнымъ. Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, въ силу которыхъ, казалось, никто не могъ знать о немъ, на другой же день анонимный авторъ брошюры сообщалъ о ночномъ свиданіи между королемъ и Мирабо. „Orateur du Peuple“ Фрерона сообщалъ, что королеву видѣли въ паркѣ Сенъ-Клу. Эти слухи возбудили общественную подозрительность.

Какъ ни далеко было то положеніе, въ которомъ теперь очутился Мирабо въ качествѣ платнаго и при томъ тайнаго совѣтника короля, отъ того, къ которому онъ стремился, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что получилъ возможность вліять на направленіе государственныхъ дѣлъ и, конечно, также и тѣмъ, что онъ вышелъ изъ своихъ матерьяльныхъ затрудненій, которыя были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ шире была его политическая дѣятельность, требовавшая содержанія цѣлаго штаба сотрудниковъ для подготовительной работы по тѣмъ или другимъ государственнымъ вопросамъ. Этими матерьяльными соображеніями объясняли потомъ его защиту королевской власти и заключали отсюда что онъ продался королю, измѣнивъ общественному дѣлу. Мы знаемъ, что онъ ничуть не измѣнилъ тѣмъ политическимъ воззрѣніямъ, которыя высказывалъ еще до созыва Государственныхъ Чиновъ, и что онъ защищалъ королевскую прерогативу и въ то время, когда о какихъ либо отношеніяхъ къ двору, хотя бы въ будущемъ, и рѣчи быть не могло. Дознано и доказано, что и послѣ того, какъ онъ поступилъ на службу королю въ качествѣ его совѣтника, онъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій. и, какъ вѣрно отмѣчено въ книгѣ Штерна, онъ не былъ отступникомъ, какъ многіе мелкія души стараго и новаго времени, которыя не устояли предъ блестящимъ искушеніемъ. Его личный интересъ совпадалъ съ его убѣжденіемъ. Какъ прежде онъ защищался противъ упрека, что онъ продалъ Каллону за деньги

свои убѣжденія, такъ и теперь онъ могъ сказать: „меня можно купить, но я себя не продамъ“ *).

Съ этого времени мы замѣчаемъ въ немъ приливъ энергіи, возбуждаемой надеждой на приближеніе къ цѣли. Въ теченіе 11 мѣсяцевъ службы королю онъ усиленно работалъ въ Собраніи и въ то же время онъ написалъ королю до 50 докладовъ, въ которыхъ онъ по тѣмъ или инымъ случаямъ развиваетъ планъ, обнаруживающій ясное пониманіе дѣйствительности и средствъ для достиженія намѣченной цѣли. Какъ мы сказали, планъ этотъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же, который мы видѣли раньше. Детали разнятся въ зависимости отъ измѣнившихся условій политической жизни. Мирабо совѣтовалъ королю выѣхать въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ сѣверной Франціи, но предупреждалъ противъ поѣздки въ Мецъ или въ какой нибудь другой городъ вблизи восточной границы, ибо это могло подать поводъ къ мысли, что король хочетъ вступить въ связь съ эмигрантами, которые уже начинали въ это время интриговать при иностранныхъ дворахъ въ пользу вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи и собираться въ Кобленцѣ. Но онъ требовалъ перенесенія и резиденціи Собранія, дабы и оно освободилось отъ господства парижской толпы, дававшаго уже себя чувствовать. Если бы Собраніе отказалось послѣдовать за королемъ, то его слѣдовало распустить и назначить сейчасъ же новые выборы; произвести пересмотръ конституціи и устранить изъ нея тѣ пункты, которые сводили на нѣтъ королевскую власть. Для осуществленія этого плана онъ считалъ необходимымъ реформировать армію на демократической основѣ. Этотъ пунктъ былъ существенно важенъ, такъ какъ при паденіи феодальнаго порядка въ гражданскихъ отношеніяхъ сохраненіе дворянскихъ привилегій въ арміи служило только условіемъ броженія, сказывавшагося то тутъ, то тамъ солдатскими возстаніями. Въ то же время онъ совѣтовалъ тотчасъ же распустить нѣкоторые полки, которые заражены были революціоннымъ духомъ. Одновременно съ тѣмъ онъ рекомендовалъ планъ воздѣйствія на общественное мнѣніе путемъ организованной оффиціозной прессы, въ особенности въ провинціи. Онъ предлагалъ

*) Stern, II, p. 151.

устроить въ большихъ провинціальныхъ городахъ корреспондентскія бюро, которыя предназначались для воздѣйствія на общественное мнѣніе и для ослабленія вліянія парижской прессы путемъ изданія дешевыхъ газетъ. Когда читаешь этотъ планъ организаціи оффиціозной прессы, то чувствуешь, что авторъ его какъ бы предваряетъ Наполеона III и Бисмарка въ этомъ дѣлѣ. Конечной цѣлью своего плана онъ ставилъ консолидацію результатовъ революціи въ смыслѣ устраненія феодальнаго строя и организаціи конституціоннаго государства съ сильной исполнительной властью. „Слѣдуйте добросовѣстно, писалъ онъ королю, по стезѣ конституціи, или же рѣшитесь возобновить революцію". („Marchez de bonne foi dans le sentier de la constitution ou resolvez vous recommencer la revolution". L'Esprit de Mirabeau. t. I, p. 70). Оставаясь, такимъ образомъ, вѣрнымъ своей основной идеѣ, Мирабо при всякомъ случаѣ защищаетъ и теперь въ Собраніи прерогативы королевской власти. Хорошимъ поводомъ къ тому явились дебаты о томъ, кому должно принадлежать право объявленія войны и заключенія мира.

Эти дебаты происходили въ концѣ мая 1790 года и вызвали въ Собраніи и въ обществѣ еще бо́льшее возбужденіе, чѣмъ споръ о королевскомъ veto. Собраніе опасалось, что король можетъ начать войну несправедливую, направленную къ притѣсненію другого народа, или же что онъ начнетъ войну для того, чтобы, кончивъ ее побѣдоносно и поднявъ свой престижъ, направить затѣмъ войско на подавленіе свободы. Мирабо прочелъ въ засѣданіи 20 мая большой докладъ, въ которомъ онъ разбиралъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и доказывалъ, что парламентъ не можетъ присвоить себѣ право объявленія войны и заключенія мира, такъ какъ война и миръ вытекаютъ изъ дипломатическихъ сношеній государства, а таковыя по существу дѣла не могутъ вестись коллегіей изъ шестисотъ человѣкъ. Допустивъ же, что собраніе не можетъ вести дипломатическихъ сношеній, надо признать, что оно и не можетъ знать тѣхъ условій, въ которыхъ наступаетъ наконецъ моментъ, когда необходимо приготовиться къ оборонѣ и объявить войну, хотя бы таковая и имѣла чисто оборонительный характеръ, и самый актъ объявленія войны есть ни что иное, какъ мѣра предупрежденія опасности, связанной съ

готовящимся нападеніемъ непріятеля. Если бы король для того, чтобы привести войска въ состояніе обороны и двинуть ихъ къ границамъ, долженъ былъ предварительно сообщить дипломатическіе секреты собранію въ шестьсотъ человѣкъ, то очевидно, что безопасность государства была бы скомпрометтирована. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно заключенія союзовъ и заключенія мира. Раскрывать условія своихъ союзныхъ договоровъ значитъ компрометтировать все дѣло. Объявлять непріятелю напередъ, что я хочу заключить миръ, значитъ лишать себя выгодъ послѣдняго. Нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣ аргументы рѣчи Мирабо, которая занимаетъ въ печати цѣлыхъ 36 страницъ. Она представляетъ собой хорошій политическій трактатъ, въ которомъ съ замѣчательной ясностью и полнотой разобранъ вопросъ о внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Обращаясь къ опасеніямъ собранія относительно возможности несправедливыхъ войнъ, опасеній, коренившихся въ преданіяхъ старой французской монархіи и преимущественно эпохи Людовика XIV, и также опасеній диктатуры, онъ указывалъ, что и несправедливыя войны, и военная диктатура возможны не только при монархіи.

„Я васъ спрашиваю, сказалъ онъ, будемъ ли мы гарантированы болѣе въ томъ, что мы будемъ вести войны только справедливыя, если мы предоставимъ исключительно собранію въ семьсотъ человѣкъ право объявлять войну? Предвидите ли вы, до какой степени движеніе страсти, до какой степени экзальтація храбрости и ложнаго достоинства могутъ довести и оправдать неосторожность? Мы слышали же, какъ одинъ изъ нашихъ ораторовъ предлагалъ въ томъ случаѣ, если Англія несправедливо нападетъ на Испанію, тотчасъ же переправиться черезъ море, поднять одну націю на другую и въ самомъ Лондонѣ биться до послѣдняго человѣка съ этими гордыми англичанами, и мы всѣ апплодировали. И я самъ себя поймалъ на томъ, что я апплодирую. Ораторскій эффектъ былъ достаточенъ, чтобы на минуту обмануть вашу мудрость. Думаете ли вы, что подобныя движенія, когда законодательный корпусъ обсуждаетъ дѣло исключительно одинъ, не увлекутъ васъ къ пагубнымъ войнамъ и что вы не смѣшаете совѣтъ храбости съ совѣтомъ опыта? Въ то

время, когда одинъ изъ членовъ предложитъ обсудить дѣло, громкіе крики будутъ требовать войны: вы увидите вокругъ васъ армію гражданъ. Вы не будете обмануты министрами; но не будете ли вы обмануты вами самими?... „Припомните этого римлянина, несшаго войну въ складкахъ своей тоги... онъ угрожалъ, развернувъ ее, вытряхнуть изъ нея всѣ бѣдствія войны. Онъ долженъ былъ чувствовать всю важность своей миссіи. Онъ былъ одинъ; онъ держалъ въ своихъ рукахъ великую судьбу: онъ несъ съ собой страхъ. Но многочисленный сенатъ, его пославшій, — испытывалъ ли онъ тотъ страхъ, который долженъ вызываться сомнительнымъ и ужаснымъ будущимъ войны? Вамъ уже говорили это, милостивые государи: взгляните на свободные народы: вѣдь именно они отличались наиболѣе честолюбивыми и наиболѣе варварскими войнами". Перескочивъ отъ древности къ новому времени, Мирабо цитировалъ начало войны Англіи съ Испаніей въ 1740 году. Взгляните на политическія собранія: они декретировали войну всегда подъ обаяніемъ страсти. Вы всѣ знаете фразу этого матроса, которая рѣшила объявленіе войны въ 1740 году Англіей Испаніи: „Когда испанцы калѣчили меня, угрожали мнѣ смертью, я поручалъ мою душу Богу, а мою месть моему отечеству". Этотъ матросъ былъ очень краснорѣчивъ, но война, которую онъ вызвалъ, не была ни справедливой, ни политичной. Ни король, ни министры ея не желали. Возбужденіе собранія, хотя и менѣе многочисленнаго и болѣе приноровленнаго къ лукавой политикѣ, чѣмъ наше, рѣшило эту войну". Перейдя затѣмъ къ опасенію, чтобы король не началъ войны съ цѣлью поднятія своего престижа, дабы съ помощью преданнаго войска возстановить деспотизмъ, Мирабо обратилъ вниманіе на то, что это возраженіе не можетъ служить аргументомъ противъ предоставленія королю права рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ. „Я васъ спрашиваю, говорилъ онъ, развѣ это возраженіе не общее всѣмъ системамъ, развѣ мы не будемъ имѣть большой вооруженной силы только потому, что законодательное собраніе исключительно одно будетъ имѣть право объявлять войну? Я васъ спрашиваю, развѣ этимъ возраженіемъ вы не переносите на монархію неудобство, присущее республикамъ? Ибо именно въ народныхъ государствахъ слѣдуетъ бояться этихъ (военныхъ)

успѣховъ. Именно среди націй, которыя никогда не имѣли ролей, такіе успѣхи дѣлали ихъ. Для такихъ государствъ, какъ Римъ и Карѳагенъ, такіе люди, какъ Аннибалъ и Цезарь, были опасны".

Когда читаешь эти цитаты, то кажется, что завѣса будущаго открылась предъ ораторомъ, и онъ узрѣлъ въ немъ завоевательныя увлеченія республиканской Франціи и процессъ возвышенія Наполеона. Вся эта рѣчь Мирабо и теперь производитъ впечатлѣніе широтой размаха мысли, силой логики и многосторонностью знанія современнаго положенія Европы, изъ которыхъ онъ черпалъ примѣры для освѣщенія своей темы. Эта рѣчь резюмирована была въ 12 тезисахъ, которые и составляли предложеніе Мирабо, сдѣланное Собранію. Въ этомъ проектѣ онъ предлагалъ объявить, что верховное право объявлять войну и заключать миръ принадлежитъ націи, а затѣмъ полагалъ признать, что осуществленіе этого права должно быть предоставлено сообща исполнительной и законодательной власти, причемъ за первой остается право принимать мѣры для безопасности государства, веденіе дипломатическихъ переговоровъ, предписаніе необходимыхъ вооруженій, распоряженіе военными силами послѣ начала войны и подписаніе мирныхъ союзныхъ и торговыхъ договоровъ. Законодательному собранію предоставлялось противиться воинственной политикѣ путемъ отказа въ средствахъ на веденіе войны, путемъ привлеченія министровъ къ отвѣтственности, путемъ требованія начать мирные переговоры и путемъ созыва національной гвардіи, если король лично отправился на войну *).

Въ этомъ проектѣ одинъ существенный пунктъ не былъ формулированъ ясно, а именно: кому принадлежитъ право произнести рѣшительное слово объявленія войны? Хотя по смыслу первыхъ трехъ статей проекта можно было заключить, что король распоряжается внѣшней политикой и въ рѣшительный моментъ обязанъ довести до свѣдѣнія Національнаго Собранія о предстоящемъ разрывѣ и послѣднему предоставлялось право требовать, чтобы война не начиналась или была прекращена, но нигдѣ не было сказано прямо, кто объявляетъ войну? Эта не-

*) Etienne Mejan. Collection complète des travaux de M. Mirabeau l'aîné. Paris. 1792. t. III, pp. 318—320 и 337—339.

ясность была намѣренной. Когда ходъ дѣлъ внѣшней политики не формулированъ юридическими рамками, то это благопріятствуетъ дѣятельности правительства. Оно держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити дипломатическихъ сношеній. Оно можетъ оцѣнить сильныя и слабыя стороны иностранныхъ государствъ лучше, чѣмъ многоголовый парламентъ. Поэтому направить свой образъ дѣйствій, подготовить военныя дѣйствія и направить событія къ разрыву для него гораздо легче въ томъ случаѣ, когда ему нѣтъ надобности требовать формальнаго вотума парламента относительно объявленія войны или сохраненія мира. Когда Мирабо показалъ свой проектъ, раньше представленія его въ Собраніи, Ламету и его друзьямъ, они замѣтили эту уязвимую его сторону, и Барнавъ указалъ на нее въ клубѣ. Мирабо защищалъ тамъ свой проектъ и сказалъ, что, значитъ, „на этой почвѣ мы будемъ бороться завтра въ Собраніи".

Барнавъ выступилъ противъ него въ засѣданіи послѣдняго и назвалъ эту неясность положенія „конституціонной анархіей". Ему не трудно было доказать, что Мирабо не разрѣшаетъ существеннаго вопроса, а обходитъ его, и что тѣмъ самымъ онъ благопріятствуетъ исполнительной власти. По его словамъ, Мирабо открываетъ ей возможность изъ-за маленькихъ разногласій развязать войну, тогда какъ настоящая цѣль послѣдней будетъ совершенно другая. Для предупрежденія этого онъ требовалъ, чтобы объявленіе войны было національнымъ актомъ, путемъ котораго желаніе начать войну и принять на себя отвѣтственность за ея послѣдствія было бы совершенно ясно выражено. Такой національный актъ онъ видѣлъ только въ томъ, что законодательному собранію исключительно будетъ присвоено право объявлять войну или рѣшать заключеніе мира. Королю по его мнѣнію должно быть предоставлено только право предложенія, которыя онъ найдетъ подходящими. Онъ настаивалъ при этомъ, признается ли внесеніе такихъ предложеній только дозволеннымъ королю, или же оно должно предшествовать обсужденію внѣшнихъ политическихъ вопросовъ въ собраніи. Кромѣ того, онъ устранялъ совершенно королевскую санкцію. Правительству предоставлялась обязанность исполнить всеобщую волю.

становкой вопроса прекращалась „конституціонная анархія", и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и конституціонная монархія. Мирабо тотчасъ же замѣтилъ этотъ слабый пунктъ аргументаціи Барнава. „Теперь онъ у меня въ рукахъ", сказалъ онъ своимъ друзьямъ и быстро набросалъ нѣсколько тезисовъ, которые должны были быть развиты. Когда Барнавъ кончилъ при всеобщемъ одобреніи и многіе депутаты требовали немедленнаго голосованія, Мирабо удалось добиться, чтобы ему предоставлено было на ближайшій день право возраженія, но собраніе оговорило, что въ тотъ день дебаты должны быть окончены.

Впечатлѣніе рѣчи Барнава было очень сильно. Оно шло далеко за предѣлы залы Собранія. Интересъ въ публикѣ къ дебатамъ былъ болѣе силенъ, чѣмъ когда то къ вопросу о veto, но надо сказать, что туманность представленія о сущности вопроса была такъ же велика теперь, какъ и тогда, съ тою однако разницей, что теперь подъемъ революціоннаго настроенія былъ выше и чувство подозрительности было острѣе. Изо всей аргументаціи Мирабо „парижскому народу" было ясно только то, что онъ отстаивалъ прерогативу королевской власти, и этого было достаточно, чтобы произвести его въ измѣнники. Послѣ того, какъ Барнавъ оставилъ Собраніе, онъ былъ привѣтствованъ толпой на улицѣ, какъ спаситель отечества, тогда какъ Мирабо кричали: „на фонарь". Онъ говорилъ, что ему указывали даже дерево, на которомъ онъ долженъ быть повѣшенъ. На другой день послѣ сказанныхъ дебатовъ въ Собраніи, на улицахъ Парижа продавалась брошюра подъ заглавіемъ: „Великая измѣна графа Мирабо открыта" (La grande trahison du comte de Mirabeau découvèrte). Это было форменное отреченіе „истинныхъ друзей свободы и отечества" отъ „народнаго трибуна". „Твои постыдныя дѣла наконецъ открыты, хитрый лицемѣръ,—говорилось въ брошюрѣ.—Твой геній не производитъ болѣе никакого впечатлѣнія. Раньше мы чтили твой талантъ, но ты захотѣлъ золота, вмѣсто почета. Берегись, чтобы народъ не налилъ въ твою змѣиную глотку золота, этого горящаго нектара, чтобы навсегда утолить пожирающую тебя жажду; берегись, чтобы народъ не понесъ твою голову такъ, какъ носилъ голову Фулона съ сѣномъ во рту. Народъ не скоро сердится, но онъ ужасенъ, когда прихо-

дитъ день его мщенія" *). Эта брошюра производила сильное впечатлѣніе на народъ, и волненіе было велико на улицѣ. Трибуны Національнаго Собранія были полны, и онѣ были настроены явно враждебно противъ Мирабо. Когда онъ пришелъ въ Собраніе, одинъ изъ членовъ показалъ ему вышедшій пасквиль и сказалъ ему: „ваше мнѣніе правильно и оно благопріятно для націи, но васъ обвиняютъ и вамъ угрожаютъ. Прочтите вотъ это: вотъ что ходитъ по рукамъ на улицахъ. Поклялись погубить васъ. Будьте тверды". Мирабо прочелъ заглавіе пасквиля и отвѣчалъ: „Съ меня довольно этого. Меня вынесутъ изъ Собранія либо торжествующимъ, либо въ клочкахъ".

Многіе думали, что онъ не придетъ въ засѣданіе, такъ какъ у него была въ распоряженіи только ночь для приготовленія своей реплики, и что, кромѣ того, онъ побоится явиться въ собраніе въ виду возбужденія народа. Поэтому его появленіе на трибунѣ произвело сенсацію. Депутатъ Шапелье внесъ нѣкоторыя поправки къ его проекту, вносившія бо́льшую точность выраженія. Онъ ихъ принялъ безъ возраженій. Затѣмъ онъ началъ свое возраженіе Барнаву. Онъ началъ съ того, что заявилъ о предосторожности безпристрастнаго разбора мнѣній предъ клеветническими инсинуаціями, яростными обвиненіями, ненавистью и борьбѣ, предъ интригой и злобой. „Уже недѣлю распространяется мысль, что часть Національнаго Собранія, которая желаетъ ограстія королевской воли въ осуществленіи права войны и мира, есть отцеубійца общественной свободы. Распространяются слухи объ измѣнѣ, о подкупѣ, призываютъ мщеніе народа, чтобы поддержать тиранію мнѣній. Какъ будто нельзя, не будучи преступникомъ, быть разныхъ мнѣній по одному изъ величайшихъ и трудныхъ вопросовъ общественной организаціи". Депутатъ Вольней крикнулъ ему при появленіи его на трибунѣ: „Вотъ Мирабо, вчера въ Капитоліи, а сегодня у Тарпейской скалы". Онъ воспользовался этимъ окрикомъ во вступленіи: „Нѣсколько дней тому назадъ, меня тоже хотѣли увѣнчать лаврами, а теперь кричатъ на улицахъ: великая измѣна! Мирабо. Мнѣ не нуженъ былъ этотъ урокъ, чтобы знать разстояніе отъ Капитолія до Тарпейской скалы. Но человѣкъ...

*) Stern. II. p. 159. Vermorel. Mirabeau t. V. p. 185.

рется за разумъ, за отечество, не такъ легко сочтетъ себя з
бѣжденнымъ. Тотъ, кто сознаетъ свою заслугу предъ стран
тотъ, кто сознаетъ, что онъ можетъ быть ей еще полезенъ, то
кто не довольствуется пустой популярностью и кто прещре
успѣхъ дня ради дѣйствительной славы, тотъ, кто хочет
говорить правду, кто хочетъ создать общее благо нез
висимо отъ мѣняющагося народнаго настроенія, тотъ носит
въ самомъ себѣ награду за свои заслуги, наслажда
трудомъ своимъ и воздаяніе за опасности. Онъ должен
ждать своей жатвы, судьбы своего имени, — единствен
которая можетъ его интересовать,— только отъ времени, отъ это
неподкупнаго судьи, который всѣмъ оказываетъ справедливость.
Пусть называютъ врагомъ революціи человѣка, который, может
быть, былъ ей небезполезенъ, пусть предаютъ ярости народа
того, кто уже двадцать лѣтъ борется противъ притѣсненій, и
говорилъ французамъ о свободѣ, конституціи, сопротивленіи ещ
тогда, когда его низкіе клеветники сидѣли на школьн
скамьѣ (suçaient le lait des cours) и жили господствующими пр
разсудками. Что мнѣ за дѣло! Эти удары снизу вверхъ не ост
новятъ меня на пути моемъ. Я имъ скажу: отвѣчайте, если м
жете, а потомъ ужъ клевещите, сколько хотите".

„Итакъ я выступаю на арену, вооруженный моими принц
пами и твердостью моей совѣсти. Я постараюсь установить в
свою очередь сущность разногласія со всею ясностью, на кот
рую я способенъ, и я прошу всѣхъ тѣхъ моихъ противниковъ
которые не поймутъ меня, остановить меня, чтобы я выразил
яснѣе, такъ какъ я рѣшился развѣять столько разъ повторяемы
упреки въ уклончивости, хитрости и запутанности; если эт
зависитъ только отъ меня, настоящій день раскроетъ тайну зло
яльности каждаго изъ насъ. Господинъ Барнавъ сдѣлалъ мн
честь, отвѣчая только мнѣ; я отнесусь съ тѣмъ-же уваженіем
къ его таланту и въ свою очередь постараюсь его опровергнуть.
И шагъ за шагомъ онъ въ своей рѣчи, которую мы приводим
въ приложеніи, съ неумолимой логикой и послѣдовательность
опровергаетъ доводы и защищаетъ конституціонность и полез
ность преобладающаго участія короля въ рѣшеніи и въ особен
ности въ подготовкѣ вопросовъ о войнѣ и мирѣ.

„По важности предмета, говоритъ Руссъ, по полнотѣ развитія это, можетъ быть, самый значительный трудъ изъ представленныхъ Мирабо на трибуну Собранія. Въ немъ мы видимъ великолѣпный трактатъ политической философіи, поразительно ясное изложеніе той роли, которую нація должна предоставить государю въ ея сношеніяхъ съ иностранцами, и, наконецъ, энергичное требованіе свободы, права и власти, которыя въ рѣшительныхъ столкновеніяхъ должны принадлежать королю и могутъ принадлежать только ему".

„Тщетно старается Барнавъ съ неподражаемымъ искусствомъ разнять эти разсужденія, сжатыя и крѣпко спаянныя въ непроницаемую ткань, тщетно онъ щупаетъ связки и ищетъ слабыя точки брони. Отвѣтъ Мирабо разрушаетъ это искусство. Это чистый шедевръ. Ни одной дырочки, ни одной щели, ни одной ошибки. Разсужденіе идетъ быстро; оно шагаетъ и двигается впередъ, собираясь и сжимаясь шагъ за шагомъ, и отодвигаетъ передъ собою препятствіе съ точностью машины, которую ничто не можетъ остановить. Отъ времени до времени пауза: „мнѣ не отвѣчаютъ, я продолжаю". „На несчастье себѣ Барнавъ упомянулъ о ловушкѣ, о хитрости. Мирабо поднялъ это слово, выковывалъ его въ своихъ рукахъ, и въ теченіе получаса въ его рѣчи звучитъ одно и то же слово, которое скандируетъ конецъ каждаго періода, какъ припѣвъ въ пѣснѣ, какъ стукъ молота мѣрно бьющаго по наковальнѣ: „Ловушка! Гдѣ ловушка? Гдѣ ловушка? Ловушка гдѣ?" *)

Эту ловушку Барнавъ увидѣлъ въ 5-омъ параграфѣ проекта Мирабо, въ которомъ онъ предлагалъ, что въ томъ случаѣ, если законодательное собраніе откажетъ въ средствахъ на веденіе войны, исполнительная власть должна немедленно принять мѣры къ прекращенію или предупрежденію военныхъ дѣйствій; министры отвѣтственны за всякую проволочку. Барнавъ увидѣлъ ловушку въ томъ, что Мирабо тѣмъ самымъ молча допускаетъ возможность начала военныхъ дѣйствій раньше согласія парламента. Мирабо отвѣтилъ: «Я хотѣлъ говорить о случаѣ возможномъ, котораго вы однако не предвидите въ вашемъ декретѣ. Кромѣ случая враждебнаго дѣйствія, начатаго и отраженнаго,

*) Rousse p. 159.

можетъ быть случай преступнаго нападенія. Нація должна имѣть право преслѣдовать виновника его и наказать его. Тогда вполнѣ достаточно будетъ того, что война будетъ прекращена: надо еще взыскать съ того, кто неосторожнымъ или вѣроломнымъ поступкомъ пытался подвергнуть или подвергъ насъ риску ввязаться въ войну. Я указываю къ этому средство. Развѣ это ловушка? Но, говорите вы, значитъ, я предполагаю, что исполнительная власть можетъ начать военныя дѣйствія, произвести нападеніе? Нѣтъ, я ей не предоставляю этого права, такъ какъ я формально отнимаю его у нея; я не позволяю нападенія, ибо я предлагаю его наказывать. Что же я дѣлаю? Я разсуждаю о возможномъ случаѣ, котораго ни вы, ни я, не можемъ предупредить. Я не могу сдѣлать такъ, чтобы главный распорядитель всѣми національными силами не обладалъ большими средствами дѣйствія и возможностью злоупотребить ими; но это неудобство развѣ не присуще всѣмъ системамъ? Это, если хотите, зло и королевской власти; но развѣ вы можете претендовать, чтобы учрежденіе, созданное людьми и для людей, было чуждо всякихъ недостатковъ? Предполагаете ли вы побудить насъ отказаться отъ выгодъ монархіи по той причинѣ, что съ нею связаны опасности? Такъ скажите это открыто. Тогда ужъ мы рѣшимъ, слѣдуетъ ли намъ отъ того, что огонь жжется, отказаться отъ тепла и свѣта, который мы отъ него получаемъ. Все можно стерпѣть, за исключеніемъ непослѣдовательности: скажите намъ: не надо короля; но не говорите, что намъ нуженъ король безсильный и безполезный".*)

Въ сущности говоря, въ этомъ и заключался весь вопросъ. Предубѣжденіе относительно всемогущества королевской власти было такъ сильно, а недовѣріе къ ней такъ глубоко, что господствующая тенденція противниковъ стараго порядка и заключалась въ томъ, что бы обобрать прерогативы королевской власти и, лишивъ ее силы, оставить ее въ главѣ государства, именуемаго монархіей, но которое даже не могло бы назваться удовлетворительной республикой. Противъ этой тенденціи боролся Мирабо теперь, какъ боролся и прежде, при обсужденіи конституціонныхъ вопросовъ. Отвѣчая, въ заключе-

*) Mejan. III, p. 373.

ніе, на ту часть рѣчи Барнава, въ которой онъ, по входившему уже въ то время въ обычай пріему, распредѣлилъ сторонниковъ и противниковъ проекта Мирабо, поставивъ въ число первыхъ карьеристовъ въ военной и въ дипломатической сферахъ и людей, связанныхъ съ министрами и ихъ агентами, а въ число вторыхъ—мирныхъ гражданъ, добродѣтельныхъ, игнорируемыхъ, нечестолюбивыхъ, которые видятъ свое счастье и свою жизнь въ общемъ счастьѣ и въ общей жизни, Мирабо сказалъ: „я не послѣдую этому примѣру. Я не думаю, чтобы было полезно для политическихъ обычаевъ, а также и для принциповъ нравственности оттачивать кинжалъ, которымъ нельзя ранить своего противника безъ того, чтобы не почувствовать вскорѣ лезвіе этого оружія на своей собственной груди. Я не думаю, чтобы люди, призванные служить общественному дѣлу, какъ истинные братья по оружію, находили прелесть въ томъ, чтобы драться, какъ низкіе гладіаторы, чтобы бороться при помощи обвиненій и интригъ, а не знаній и талантовъ, чтобы искать во взаимномъ униженіи и уничтоженіи преступный успѣхъ и трофеи одного дня, вредные для всѣхъ и даже для славы. Но я скажу вамъ: между тѣми, кто поддерживаетъ мою доктрину, вы увидите людей умѣренныхъ, которые не думаютъ, что мудрость заключается въ крайностяхъ, и что мужество разрушенія никогда не должно уступать мѣста мужеству возсозданія; вы увидите большую часть тѣхъ энергичныхъ людей, которые въ первые дни „Государственныхъ Чиновъ“ повергли во прахъ столько предразсудковъ, противостали столькимъ опасностямъ, справились со столькими препятствіями, чтобы перейти въ среду третьяго сословія (communes), которымъ эта преданность дала ту бодрость и силу, которыя дѣйствительно совершили вашу славную революцію; вы увидите между ними этихъ народныхъ трибуновъ, которыхъ нація еще долго будетъ почитать, несмотря на тявканіе завистливой посредственности, какъ освободителей отечества; вы увидите между ними людей, которыхъ одно имя обезоруживаетъ клевету, которыхъ репутацію, какъ частныхъ лицъ и общественныхъ дѣятелей, не осмѣлились запятнать самые разнузданные пасквилянты, людей, наконецъ, безъ

страха, упрека и корысти, которые поставляютъ себѣ въ честь
своихъ друзей и своихъ враговъ" *).

Эта рѣчь Мирабо, сильная и гибкая, какъ кованная сталь,
произвела колосальное впечатлѣніе. Рукоплескали и кричали
отъ восторга всѣ; даже трибуны, незадолго передъ тѣмъ так
враждебно къ нему настроенныя, пришедшія съ улицы под
господствомъ вѣры, что открыта великая измѣна графа Мирабо.
Собраніе единодушно требовало, чтобы пренія были закрыты и
чтобы приступили къ голосованію проекта. Но Мирабо возста
противъ этого предложенія и потребовалъ, чтобы Барнаву пре
доставлено было слово для возраженія. Его желаніе было испол
нено. Изъ этого однако ничего не вышло. Барнавъ появился на
трибунѣ только для того, чтобы произнести нѣсколько фраз,
обнаружившихъ, что ему нечего возразить. Онъ производилъ
впечатлѣніе человѣка, совершенно растерявшаго, ослабѣвшаго,
котораго выбито изъ рукъ оружіе и который чувствуетъ себя
совершенно беззащитнымъ, неспособнымъ къ сопротивленію. По
слѣ этого проектъ Мирабо былъ принятъ съ тѣми поправками,
на которыя онъ согласился и которыя не измѣняли сути дѣла.

Мирабо не ограничился торжествомъ въ Собраніи. Онъ обра
тился къ общественному мнѣнію всей Франціи. Напечатавъ свою
рѣчь и свое возраженіе на рѣчь Барнава, онъ разослалъ ихъ
при письмѣ всѣмъ администраціямъ департаментовъ. Такимъ
образомъ онъ впервые прибѣгъ къ тому способу воздѣйствія на
общественное мнѣніе, который практикуется теперь, когда по
постановленію парламента особенно важныя рѣчи депутатовъ
печатаются и раскленваются во всѣхъ общинахъ Франціи. В
письмѣ къ администраторамъ онъ говорилъ: „До тѣхъ поръ,
пока клеветали только на мою частную жизнь, я молчалъ, отча
сти потому, что строгое молчаніе есть справедливое искупленіе
личныхъ грѣховъ, какъ бы ни были они простительны, и по
тому, что я желалъ ждать отъ времени и отъ моихъ заслугъ
пріобрѣтенія уваженія хорошихъ людей; отчасти же потому, что
мнѣ всегда казалось, что бичъ публичной цензуры достоинъ
почтенія даже тогда, когда онъ вложенъ въ руки враговъ; нако
нецъ еще и потому, что я всегда считалъ узко эгоистичной

*) Mejan, III, p. 378.

до смѣшного неприличной претензію занимать своихъ сограждан чѣмъ либо инымъ, чѣмъ то, что относится къ ихъ интересамъ.

„Но въ настоящее время, когда нападаютъ на мои принципы общественнаго дѣятеля, когда угрожаютъ всему обществу, нападая на то мнѣніе, которое я защищаю, я не могу оставаться въ сторонѣ, не дезертируя съ того почетнаго поста, не посягая на сокровищницу, которая мнѣ ввѣрена, и я считаю себя обязаннымъ дать особый отчетъ въ моемъ искаженномъ мнѣніи той самой націи, въ измѣнѣ интересамъ которой меня обвинили. Мнѣ недостаточно того, что Національное Собраніе очистило меня отъ этого гнуснаго навѣта, принявъ почти единогласно мою систему: надо еще, чтобы меня судилъ тотъ трибуналъ, органомъ и подчиненнымъ котораго состоитъ самъ законодатель. Этотъ судъ тѣмъ болѣе важенъ, что, будучи считаемъ до сихъ поръ среди полезныхъ трибуновъ народа, я обязанъ ему особенно строгимъ отчетомъ въ моихъ мнѣніяхъ. Это сужденіе тѣмъ болѣе необходимо, что дѣло идетъ о томъ, чтобы высказаться относительно принциповъ, которые отличаютъ истинную теорію свободы отъ ложной, ея настоящихъ апостоловъ отъ лжепророковъ, друзей народа отъ его совратителей. У народа при свободной конституціи тоже есть свои придворные, свои паразиты, свои льстецы, свои куртизаны и свои рабы...

„Теперь я представляю вамъ, милостивые государи, мой проектъ декрета и мои рѣчи. Вы, конечно, будете огорчены, увидя, какъ духъ партій можетъ исказить самый важный вопросъ и разъединить соратниковъ, очень нужныхъ для дѣла свободы. Но неужели я долженъ былъ, ради ничтожнаго успѣха одной минуты, покинуть принципъ, по которому участіе короля въ выраженіи общественной воли положено въ основаніе нашей конституціи? Долженъ ли я былъ воздвигнуть алтарь популярности, подобно тому, какъ древніе воздвигали алтари ужасу, и, повергнувъ на него мои убѣжденія и мои обязанности, насытить ее преступными жертвами?

„Милостивые государи, только тѣ будутъ истинными друзьями народа, которые дадутъ ему понять, что за движеніями, которыя намъ были необходимы для того, чтобы выйти изъ ни-

чтожества, должны слѣдовать концепціи, способныя насъ орга
зовать на будущее, что послѣ того, что мы достаточно уже о
носились съ недовѣріемъ, что послѣ того въ особенности, ка
мы достаточно расчистили разные негодные обломки, нужно с
ревнованіе всѣхъ для возсозданія, что время наконецъ перей
отъ состоянія законной революціи къ прочному миру истинн
общественнаго строя и что свободу не сохраняютъ тѣми самы
средствами, которыми ее пріобрѣли" *).

Это письмо интересно, съ одной стороны, какъ выраже
сознанія Мирабо отношеній избраннаго къ своимъ избирателям
а съ другой — того, какъ онъ вѣрно понималъ значеніе м
мента и господствующую черту общественнаго настроенія, к
торое онъ хотѣлъ бы повернуть въ другую сторону. Но онъ ош
бался, предполагая, что общество въ своихъ движеніяхъ дет
въ предѣлахъ логики; онъ не зналъ, что нажитыя временем
чувства и желанія часто ведутъ его дальше, чѣмъ требуе
политическимъ разсчетомъ. Накопившіеся элементы брожен
будутъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока все не перебродитъ,
они не изсякнутъ.

Его успѣхъ въ Собраніи не подвигалъ дѣла впередъ, та
какъ тѣ люди, для которыхъ онъ работалъ и на содѣйствіе к
торыхъ онъ имѣлъ право разсчитывать, не хотѣли идти по пре
лагаемому имъ пути и даже не признавали тѣхъ цѣлей, к
которымъ онъ стремился. Король относился совершенно рав
душно къ дѣламъ политики, и современныя дѣла Франціи, п
словамъ Монморена, интересовали его столь-же мало, какъ бу
это были дѣла китайскія. Послѣднія тогда не пользовались тѣм
вниманіемъ публики, которымъ они пользуются въ настоящ
время. Королева не относилась равнодушно къ дѣламъ госуда
ства, но она не думала о томъ, чтобы примириться съ сове
шившимся государственнымъ переворотомъ и создать госуда
ство на новыхъ началахъ. Ея идеаломъ было возвращеніе къ ст
рому порядку съ королевскимъ абсолютизмомъ и сословными пр
вилегіями. Она не высказывала этого Мирабо и скрывала тщ
тельно передъ нимъ свои планы, поддерживаемые придворны
кружкомъ, такъ какъ она понимала, что онъ не можетъ не пр

*) Méjan. Collect. compl. t. III, pp. 349—353

тиводѣйствовать этимъ замысламъ; но поэтому самому она относилась къ нему съ недовѣріемъ, какъ къ стороннику порядка вещей, противнаго ея идеалу, а въ его планахъ обращала вниманіе только на то, что могло быть полезно для осуществленія ея плановъ. Она писала графу Мерси: „Онъ можетъ быть полезенъ и безъ того, чтобы я оказывала ему въ чемъ либо малѣйшее довѣріе“ *). Такъ, напримѣръ, Мирабо имѣлъ въ виду возможность и полезность удаленія короля изъ столицы и созыва Національнаго Собранія въ другомъ городѣ. Но онъ предупреждалъ при этомъ, что „король не долженъ возбуждать противъ себя всеобщее недовѣріе. Онъ не долженъ ставить себя въ такое положеніе, чтобы возвращаться въ свое государство силой оружія или же обращаться къ иностранному вмѣшательству“. Въ глазахъ же Маріи Антуанетты и придворныхъ, ея приближенныхъ, идея Мирабо объ удаленіи короля изъ столицы имѣла цѣнность не потому, что она имѣла въ виду укрѣпить власть конституціоннаго короля Франціи, а лишь по стольку, по сколько это удаленіе могло дать возможность войти въ сношеніе съ иностранными дворами и при помощи иностранныхъ войскъ возстановить старый порядокъ и абсолютную королевскую власть во Франціи. Въ этомъ смыслѣ этотъ планъ и разрабатывался при дворѣ, и за спиной Мирабо велись переговоры съ генераломъ Булье, Акселемъ Ферзеномъ и барономъ Бретелемъ о томъ, чтобы королевская семья удалилась на восточную границу, а австрійскія войска помогли королю возвратиться въ столицу побѣдителемъ и реставраторомъ „законнаго порядка“.

Кромѣ противоположности принциповъ, королеву раздражало въ Мирабо несоблюденіе придворнаго этикета и рѣзкость языка его докладовъ. Онъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ и называлъ вещи ихъ собственными именами. Онъ говорилъ объ опасности, которая грозитъ монархіи и королевской семьѣ, и, не обинуясь, показывалъ вдали призракъ эшафота, который не разъ становился предъ его взоромъ. Въ своихъ заявленіяхъ въ Собраніи онъ не стѣснялся высказываться рѣзко и въ угрожающемъ тонѣ противъ происковъ придворной партіи. Все это не могло не шокировать королеву, не могло не вооружать

*) Stern, II, p. 268.

ее противъ человѣка и противъ его плановъ, которыхъ она н
могла понять. Его доклады читались, но имъ и не думали слѣд
вать, а иногда она ихъ именовала „дурацкими отъ начала и
конца". При такихъ условіяхъ дѣло организаціи и укрѣпле
конституціонной королевской власти двигаться впередъ не мог
а между тѣмъ дорогое время уходило. Это повергало Мирабо
мрачное настроеніе. Его другъ Ламаркъ замѣчаетъ въ своемъ дн
никѣ въ мартѣ 1790 г.: „Я нашелъ, что онъ еще болѣе недоволе
еще болѣе палъ духомъ, чѣмъ предъ моимъ отъѣздомъ. О
сказалъ мнѣ, что никогда безъ внутренней борьбы не прист
паетъ теперь къ общественнымъ дѣламъ, и очень рѣдко уже п
является на трибунѣ. Обратите особенное вниманіе на причи
такого упадка духа. То были: зрѣлище текущихъ общественны
дѣлъ, ежедневно возраставшія волненія умовъ, очевидные успѣх
неистовой и безумной неурядицы, ослабленіе всѣхъ внутре
нихъ и внѣшнихъ средствъ власти, вѣчное колебаніе корол
неповоротливость и неловкость его министровъ" *).

Положеніе Мирабо въ государствѣ однако усилилось. Онъ гов
рилъ когда то, что онъ воздвигъ противъ себя цѣлую гору пр
убѣжденій, надо будетъ много времени, чтобы они разсѣялис
Благодаря его таланту и моральной силѣ, они дѣйствитель
разсѣялись, и вліяніе его въ Собраніи стало настолько знач
тельнымъ, что онъ былъ выбранъ его предсѣдателемъ. Одн
современникъ и человѣкъ, близкій къ Мирабо, говоритъ, что, во
вращаясь изъ Англіи, онъ былъ пораженъ тѣмъ, насколько в
его отсутствіе возросло значеніе Мирабо въ странѣ. „Это я з
мѣтилъ, говоритъ онъ, какъ только проѣхалъ отъ Кале до Ам
ена". По пріѣздѣ въ Парижъ онъ видѣлъ, какъ съ ранняго утр
его домъ былъ окруженъ толпой, которая тѣснилась на улиц
чтобы хоть взглянуть на этого человѣка. „На своемъ президен
скомъ креслѣ, пишетъ онъ, онъ выказалъ совершенно новые т
ланты. Онъ внесъ такой порядокъ и правильность въ дебаты,
какомъ до того времени и не помышляли. Онъ устранялъ вс
не идущее къ дѣлу, однимъ замѣчаніемъ освѣщалъ сущност
вопроса, однимъ словомъ успокаивалъ шумъ. Его дѣятельност
его безпристрастіе и его самообладаніе подняли его славу и

*) Гейссеръ. Ист. револ., стр. 161.

томъ мѣстѣ, которое для многихъ изъ его предшественниковъ оказалось подводнымъ камнемъ." *) Протоколы конституанты, говоритъ историкъ Штернъ, подтверждаютъ это показаніе. Они заключаютъ въ себя многочисленные примѣры искусства, съ которымъ Мирабо умѣлъ усмирять разбушевавшіяся волны и заставлять уважать свои требованія это непривыкшее къ спокойствію Собраніе. Когда надо было, онъ былъ строгъ, но чаще ему помогала его находчивость. „Я приказываю вамъ именемъ Собранія сѣсть и молчать", закричалъ онъ однажды въ вечернемъ засѣданіи депутату, который кричалъ и жестикулировалъ, какъ пьяница, „вечеромъ надо быть столь-же разсудительнымъ, какъ и утромъ". Въ другой разъ, когда Собраніе шумѣло во время рѣчи старика Тронше, онъ закричалъ: „Прошу васъ потише, голосъ господина Тронше не такъ силенъ, какъ его умъ".

Раньше того, какъ онъ сталъ президентомъ Собранія, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ якобинскаго клуба. Онъ добивался этого выбора, видя растущую силу этого учрежденія и желая ею воспользоваться въ интересахъ монархіи. За революціонными декламаціями нѣкоторыхъ изъ его членовъ онъ разглядѣлъ честолюбивые стремленія и хотѣлъ использовать ихъ. Интересно то, что онъ даже совѣтовалъ королю въ томъ случаѣ, если законъ, препятствующій депутатамъ быть министрами, будетъ отмѣненъ, призвать въ министерство вожаковъ якобинцевъ и объяснялъ такое странное на первый взглядъ предложеніе такимъ образомъ: „Якобинцы-министры, говорилъ онъ, не будутъ якобинскими министрами. Для всякаго человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, большое возвышеніе есть кризисъ, который излѣчиваетъ его отъ болѣзни, которою онъ одержимъ, и приноситъ такую, какой у него не было. Ставъ у кормила правленія, самый отчаянный демагогъ, увидя вблизи недуги государства, признаетъ недостаточность королевской власти". Далѣе онъ прибавлялъ, что если якобинцы удержатся у власти, „то они по необходимости пойдутъ на уступки, если же не удержатся, то они пропали, а вмѣстѣ съ ними и ихъ партія". Въ клубѣ онъ боролся съ крайними и заставлялъ молчать Робеспьера, „неизмѣримое" честолюбіе котораго онъ оцѣнилъ. Онъ импонировалъ этому демагогу

*) Stern, II, p. 265.

своимъ превосходствомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, ни успѣхи его въ Собраніи, ни превосходство и успѣхъ въ якобинскомъ клубѣ не подвигали его дѣла. Его вліяніе не простиралось до той степени, чтобы увлекавшіеся имъ люди были послушны его призыву и готовы были слѣдовать по тому пути, который онъ себѣ намѣтилъ. Онъ думалъ: революція закончена, но конституція—нѣтъ. Народъ стоитъ за завоеванныя права, онъ стоитъ за принципы конституціи, но онъ не цѣпляется за формы. Права должны быть признаваемы непарушимыми, принципы—несокрушимыми, формы могутъ быть измѣняемы. Упраздненіе феодальнаго порядка, равенство гражданское и политическое, свобода совѣсти, голосованіе налога, безмездность суда, отмѣна монашескихъ орденовъ, продажа церковныхъ имуществъ, новое раздѣленіе государства, отвѣтственность министровъ,—вотъ пріобрѣтенные пункты. Они находятся внѣ спора. Нельзя, не будучи безумнымъ, пытаться напасть на нихъ. Такъ думалъ онъ, а королева и многіе съ нею полагали, что все это можно перемѣнить, и готовились къ попыткамъ, которыя онъ справедливо называлъ безуміемъ. Его коллеги по Національному Собранію, наоборотъ, находились въ томъ настроеніи, что имъ казалось, что революція еще не совершена и что организовать исполнительную власть—значитъ подвергать опасности пріобрѣтенное. По словамъ Сореля, онъ увлекалъ ихъ, когда обращался къ ихъ страстямъ, но онъ былъ безсиленъ ихъ умѣрить, когда обращался къ ихъ разуму... Его мысль проходила надъ ними, не проникая въ нихъ, его рѣчь волновала ихъ, не *убѣждая*" *). Въ этой безплодной работѣ тратились могучія силы, которыя при другихъ условіяхъ могли дать богатые результаты.

Мирабо видѣлъ тяжесть своего положенія, хотя и не во всемъ его объемѣ, и не терялъ надежды на спасеніе монархіи. Слава его сіяла во всей Франціи, имя его гремѣло въ Европѣ. Онъ еще надѣялся стать у кормила власти, такъ какъ имѣлась въ виду отмѣна закона, воспрещавшаго совмѣщеніе званія депутата съ должностью министра. Да и другіе надѣялись на это. Англійскій посолъ писалъ своему правительству въ донесеніи 4 марта 1791 года: „Хотя лично король находится совершенно въ

*) Sorel. L'Europe et la Revolution. t. II, p. 47.

рукахъ Лафайета, но, кажется, что правительство скоро перейдетъ въ руки Мирабо“ *).

Этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Дни Мирабо были сочтены. Его организмъ былъ надорванъ и прежними злоключеніями и теперешнею слишкомъ напряженною жизнью. Почти весь день онъ проводилъ въ Національномъ Собраніи, не пропуская ни утреннихъ, ни вечернихъ засѣданій. Затѣмъ большую часть ночи онъ проводилъ либо за своимъ рабочимъ столомъ, приготовляя свои доклады Собранію, а потомъ и королю, либо въ кутежѣ съ друзьями, который затягивался иногда далеко за полночь. Эти пирушки нерѣдко служили ему частью той работы, которую онъ велъ. На нихъ онъ собиралъ людей, отъ которыхъ надѣялся позаимствоваться знаніями для освѣщенія тѣхъ или другихъ интересовавшихъ его вопросовъ. Нерѣдко бывало, что утро заставало его за работой, и онъ начиналъ день съ тѣми же глазами. Окатившись холодной водой, онъ снова начиналъ свою дѣятельность, откладывая сонъ до слѣдующей ночи. Къ этому присоединялось отсутствіе движенія. Онъ почти не ходилъ. Даже отъ себя въ Собраніе онъ большею частью не шелъ пѣшкомъ, а ѣздилъ въ экипажѣ. Его предупреждали относительно его здоровья, но онъ не обращалъ вниманія на признаки его разстройства. Когда онъ былъ президентомъ Національнаго Собранія, съ нимъ стали случаться приступы удушія. Онъ ставилъ къ шеѣ пьявки и затѣмъ, обернувши ее полотенцемъ, являлся на свое кресло. Въ концѣ марта ему стало видимо нехорошо. 26-го онъ поѣхалъ къ себѣ на дачу, чтобы освѣжиться, но ему стало такъ дурно, что онъ на другой день едва могъ возвратиться въ городъ. Онъ обѣщалъ Ламарку непремѣнно быть въ этотъ день въ засѣданіи Національнаго Собранія при обсужденіи вопроса о правѣ собственности землевладѣльцевъ на нѣдра земли. Этотъ вопросъ интересовалъ самого Мирабо; но онъ интересовалъ его друга и съ практической стороны, какъ владѣльца копей въ Анзенѣ. Тщетно Ламаркъ уговаривалъ его не идти въ засѣданіе, видя опасность его положенія. Онъ ему отвѣтилъ: „Другъ мой, люди васъ погубятъ, если я не пойду туда“. Ему удалось провести свою точку зрѣнія, но это усиліе совсѣмъ подкосило его.

*) Stern, II, p. 288.

Послѣ вечерняго засѣданія, блѣдный какъ полотно, онъ, качаясь, вышелъ на террасу Фельяновъ подъ руку съ докторомъ Лашезомъ. „Вы убиваете себя“, сказалъ онъ ему и, удаливъ отъ него кучу просителей и людей, искавшихъ у него совѣта по своимъ дѣламъ, отвезъ его къ Ламарку. „Ваше дѣло выиграно, но я умираю“, сказалъ онъ своему другу, когда его положили на постель. Это была правда. Когда онъ немного пришелъ въ себя, его перевезли домой, и онъ больше не вставалъ уже. Его лѣчилъ докторъ Кабанисъ, тогда еще начинающій врачъ, къ которому Мирабо относился съ большимъ довѣріемъ. Черезъ день, во вторникъ 29-го, явилась надежда на улучшеніе, но на другой же день она была совершенно потеряна. Самъ Мирабо говорилъ про себя, какъ про умершаго уже. Говоря про отношенія къ Англіи и про Питта, онъ сказалъ: „Я-бы надѣлалъ хлопотъ этому Питту, если-бы былъ живъ“. Во все время, за исключеніемъ послѣдняго дня, когда онъ временами бредилъ, онъ интересовался общественными дѣлами и говорилъ объ нихъ съ полной ясностью разсудка. До послѣдней минуты онъ говорилъ объ интересахъ государства и монархіи. Когда ему сообщили, что толпа разбила клубъ умѣренныхъ монархистовъ, онъ сказалъ: „Я уношу съ собой траурное одѣяніе монархіи; послѣ моей смерти бунтовщики будутъ бороться за ея лохмотья“. Онъ позаботился о томъ, чтобы его бумаги были въ цѣлости. Друзья его, по его просьбѣ, занялись ихъ разборкой и сжигали тутъ же то, что считали нужнымъ уничтожить. Остальныя всѣ связали и отнесли въ домъ Ламарка на сохраненіе. Свой докладъ о правѣ наслѣдства онъ пожелалъ поручить Талейрану для сообщенія Національному Собранію. Онъ давно не имѣлъ сношеній съ нимъ и отзывался объ его нравственныхъ качествахъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ впослѣдствіи объ немъ отзывался Наполеонъ. Но онъ высоко цѣнилъ его дарованія и хотѣлъ, чтобы его работа была доложена этимъ талантливымъ человѣкомъ. Талейранъ, съ своей стороны, понялъ, что ему выгодно освѣтиться частью популярности Мирабо при полученіи такого посмертнаго распоряженія. Онъ явился къ нему, и они часа два бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ. Своимъ епископскимъ саномъ онъ прикрылъ Мирабо отъ настоятеля матери и мѣстнаго приходскаго священника, которые требовали

непремѣнно, чтобы онъ исповѣдывался и причастился. Мирабо не хотѣлъ видѣться съ матерью, съ которой онъ давно уже прервалъ всякія сношенія. Ему не хотѣлось оживлять въ памяти той семейной драмы, свидѣтелемъ и участникомъ которой онъ былъ въ юности. Талейранъ поставилъ дѣло такъ, какъ будто онъ самъ исповѣдывалъ Мирабо. Когда онъ послѣ смерти Мирабо докладывалъ Собранію о своемъ съ нимъ свиданіи и о томъ порученіи, которое онъ ему далъ, онъ такъ выразилъ свое впечатлѣніе: „всюду виталъ образъ смерти за исключеніемъ души того, кому она угрожала“.

И дѣйствительно, среди удрученныхъ горемъ друзей, которые вмѣстѣ съ личной утратой оплакивали и потерю общественную, окруженный плачущими слугами, фанатически ему преданными, онъ похожъ былъ на актера, который остается до конца въ своей роли и не позволяетъ себѣ отвлечься чѣмъ-нибудь постороннимъ.

Опасность его положенія вызвала всеобщее сочувствіе и интересъ. Въ виду ея всѣ почуяли важность грозившей потери и интересовались его судьбой. Улица Chaussée d'Antin, на которой онъ жилъ, была запружена народомъ, съ жадностью ловившимъ вѣсти, шедшія изъ квартиры. Король приказалъ по нѣскольку разъ въ день докладывать ему о положеніи больного. Якобинскій клубъ послалъ депутацію выразить свое сочувствіе больному и свои благопожеланія. Присутствіе во главѣ этой депутаціи Барнава принято было Мирабо съ большимъ удовольствіемъ. Онъ про него говаривалъ: „Это молодое дерево обѣщаетъ быть могучимъ стволомъ“. Положеніе становилось все хуже. 1-го апрѣля онъ чаще и чаще терялъ сознаніе, а въ свѣтлые промежутки просилъ опіума для успокоенія страданій. Когда второго апрѣля утромъ его не стало и извѣстіе объ этомъ разнеслось по городу, то не хотѣли вѣрить въ естественность этой смерти. То обстоятельство, что секретарь его де-Конъ (de Comps) съ отчаянія покусился на самоубійство, только усилило это подозрѣніе. Несмотря на протоколъ врачей, увѣренность въ томъ, что Мирабо былъ отравленъ, осталась у многихъ. Вѣсть объ его смерти произвела громадное впечатлѣніе во всѣхъ сферахъ: при дворѣ, въ Собраніи и въ широкихъ кругахъ народа. Національное Со-

браніе узнало въ утреннемъ засѣданіи о кончинѣ своего знаменитѣйшаго члена и постановило всѣмъ составомъ провожать гробъ его. Сознаніе важности потери было всеобщимъ. У этого гроба умолкли на время всѣ разногласія, прекратились раздоры и все объединено было сожалѣніемъ о понесенной утратѣ. Въ газетахъ тогдашняго времени образовалась цѣлая литература изъ статей, написанныхъ по поводу смерти этого политическаго дѣятеля, въ которомъ видѣли силу, на которую можно было опереться.

Директорія департамента Сены порѣшила устроить ему пышныя похороны. Поэтому случаю постановлено было обратить новую церковь св. Женевьевы въ усыпальницу великихъ людей, изъявъ ее изъ вѣдѣнія духовенства. Такимъ образомъ былъ устроенъ теперешній Пантеонъ. Кромѣ Національнаго Собранія, въ погребальной процессіи приняли участіе департаментскія власти, національная гвардія, линейныя войска, министры и представители короля. Различныя ассоціаціи и корпораціи слѣдовали за гробомъ, провожаемымъ безчисленной толпой, въ которой смѣшались люди всякихъ возрастовъ, состояній и званій. Камиллъ Демуленъ справедливо замѣтилъ въ своемъ журналѣ, что ни одинъ король Франціи не былъ погребаемъ такъ торжественно. Другой журналистъ того времени писалъ по поводу этихъ похоронъ: „Однимъ изъ талантовъ Мирабо былъ даръ дѣлать все во-время. Его кончина служитъ тому доказательствомъ. Можно было-бы думать, что онъ самъ выбралъ моментъ для своей смерти“ *). Два съ половиной года спустя, Конвентъ постановилъ выбросить изъ Пантеона прахъ Мирабо и положить туда останки Мара. Но этимъ не было сказано послѣднее слово. Прошли человѣческія поколѣнія, правительства возникали и исчезали, и приговоръ потомства составился въ окончательной формѣ. Въ наши дни, сто лѣтъ спустя послѣ его кончины, наканунѣ юбилея революціи, въ исторіи которой ни одно имя не блеститъ такъ, какъ имя Мирабо, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, въ присутствіи президента республики воздвигнутъ былъ памятникъ этому много поносимому и много хвалимому трибуну.

*) Revolutions de Paris. – Stern, II, p. 307.

Невольно при созерцаніи такой выдающейся личности и при сознаніи вѣрности его политическаго плана, является вопросъ о томъ, гдѣ кроется причина неудачи его политической дѣятельности? „Чтобы судить его планъ, говоритъ Сорель, нужно принять во вниманіе не политическій идеалъ, не политическую утопію, которые были лелѣяны членами учредительнаго собранія, а тотъ вѣковой импульсъ, которымъ поставлены были предѣлы кризису 1789 года. Гражданскій кодексъ и конституція 1799 года и добавочно хартія 1814 года, – это тотъ предѣлъ, на которомъ хотѣлъ остановить его Мирабо въ 1790 г.“ *). Ничего другого революція 1789 года не достигла. Неудача попытки привести въ исполненіе это желаніе зависѣла отъ нѣсколькихъ причинъ. Нельзя оставить безъ вниманія недовѣрія къ его личнымъ качествамъ, которое было сильно въ началѣ его дѣятельности въ Собраніи и не исчезло совсѣмъ и впослѣдствіи. Но это условіе не рѣшало дѣла, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ достигъ большого вліянія, и мы знаемъ, что не задолго до его смерти въ высшихъ сферахъ ожидали, что онъ скоро станетъ во главѣ правительства.

Гораздо важнѣе былъ другой моментъ, это отсутствіе характера у короля и неспособность королевы отрѣшиться отъ предразсудковъ, личныхъ симпатій и антипатій и пойти по пути конституціонныхъ и демократическихъ реформъ, которыя были неизбѣжны. А такъ какъ королева была дѣйствительно наиболѣе энергичнымъ человѣкомъ при дворѣ, такъ что про нее Мирабо говорилъ, что она тамъ единственный мужчина, —то для него не было опоры въ королевской власти, которую одну онъ считалъ способною провести Францію къ новой жизни, не повергая страну въ анархію.

За отсутствіемъ опоры тутъ, онъ не могъ найти ея и въ обществѣ, ибо, какъ мы сказали выше, оно не было способно къ самостоятельному дѣйствію въ зиждительной работѣ, вслѣдствіе отсутствія автономныхъ навыковъ. Воспитанное въ традиціяхъ абсолютизма, оно къ тому же не понимало сильной исполнительной власти внѣ абсолютизма и потому не могло понять и признать мысли о необходимости скорѣйшей организаціи такой

*) Sorel. La Revolution Franç. II, p. 37.

сильной власти. Воспитанное въ традиціяхъ и привычкахъ абс
лютизма, общество тогда еще неспособно было къ осуществлен
политической свободы. Въ сущности говоря, оно было исполне
деспотическихъ склонностей въ обратную сторону. Уже къ т
время сказывалась та политическая нетерпимость, которая так
ярко раскрылась впослѣдствіи и которая теперь сказывалась в
томъ, что съ противниками по идеямъ стремились расправлять
физическими средствами. Самъ Мирабо бывалъ объектомъ т
кихъ стремленій. Общество съ такими склонностями и привы
ками, конечно, болѣе было способно прійти къ анархіи, чѣм
къ правильно организованному свободному государству.

Наконецъ, возможность опереться на войско была весь
сомнительна. Строй арміи тогдашняго времени былъ проникну
тѣмъ же феодальнымъ духомъ, какъ и строй государства, а п
тому въ ней было то-же основаніе для недовольства, котор
было въ остальномъ французскомъ народѣ. Мирабо понимал
что на армію можно будетъ опереться тогда, когда въ дѣлѣ пр
изводства въ офицеры будетъ устраненъ принципъ сословн
привилегіи и будетъ произведена нѣкоторая переформиров
полковъ; но для производства этой реформы требовалось врем
а его то уже не было тогда, когда Мирабо сталъ совѣтником
короля.

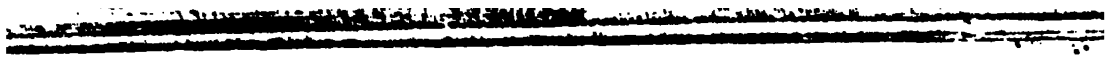
Но наиболѣе важнымъ неблагопріятнымъ условіемъ все-так
было то, что планы Мирабо въ ихъ существѣ противорѣчил
господствовавшему въ то время общественному настроени
Основной пунктъ его программы требовалъ организаціи сильно
исполнительной власти для того, чтобы перейти отъ стараго по
рядка къ новому безъ слишкомъ сильныхъ потрясеній и без
разрушенія общественнаго порядка. Общество же боится сильно
власти, боясь въ сущности своей традиціонной привычки к
подчиненію и своего безсилія. Оно привыкло представлять себ
политическій порядокъ въ видѣ абсолютнаго государства и со
вершенно неспособно было отстаивать свои права, какъ не был
способно уважать и чужія. Вслѣдствіе этого исторически сло
жившагося положенія вещей оно преувеличивало въ сущности
размѣръ фактически возможной власти монарха и боялось этог
созданнаго имъ самимъ призрака. Власти сильной, хотя и нахо-

дящейся въ предѣлахъ закона, французское общество тогдашняго времени, даже въ лицѣ своихъ представителей, не понимало, и напрасно старался Мирабо разъяснить своимъ коллегамъ эти новыя основанія королевской власти. Они не понимали его и, сами не замѣчая того, шли по дорогѣ къ анархіи именно потому, что смѣшивали всякую сильную власть съ абсолютизмомъ, а послѣдняго боялись черезъ мѣру въ силу реакціи противъ прежняго преклоненія передъ нимъ. Въ силу этого умонастроенія общество тогдашняго времени, убѣжденное, что свобода сама собою прійдетъ, стоитъ только провозгласить ее, не понимало важности требованія Мирабо не заниматься этими деклараціями, а поскорѣе организовать правительственныя учрежденія въ городахъ и селахъ. Онъ при всякомъ случаѣ стремился къ практическому рѣшенію вопроса, тогда какъ господствующимъ настроеніемъ времени была склонность къ отвлеченнымъ формуламъ. Отсутствіе политической опытности и положительныхъ знаній располагало витать въ области отвлеченныхъ понятій, а классическое образованіе тогдашняго времени создало предрасположеніе къ занятіямъ словами и формулами, а не дѣйствительными предметами. Отъ такого различія въ складѣ ума и стремленій происходило то, что, когда Мирабо удалялся въ отвлеченныя сферы или же уносился порывомъ чувства, онъ увлекалъ членовъ Собранія; но разъ онъ спускался на почву практики политической дѣятельности, то доводы его въ большей части случаевъ не находили отзвука въ ихъ умахъ: они оставались непонятыми. Въ этомъ заключается, какъ мнѣ кажется, существенная причина неисполнимости плана Мирабо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трагизмъ его положенія. Настроеніе его современниковъ въ тотъ моментъ было неразумно, но оно было всеобще, и въ этомъ была его неодолимая сила. Я говорю трагизмъ, такъ какъ желаніе оказать пользу своей родинѣ наполняло его душу, составляя предметъ его честолюбія.

Это положеніе иллюстрируетъ намъ вопросъ о значеніи личности въ исторіи. Мы видимъ, что сильная личность, вооруженная геніальнымъ умомъ, стальной волей, обладающая вѣрнымъ пониманіемъ современныхъ задачъ, ничего не можетъ сдѣлать противъ господствующаго общественнаго настроенія, хотя совер-

ніе такого положенія тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ крупнѣе размѣры самой личности. Къ такимъ неудачникамъ можно отнести императора Карла V, къ нимъ же, кажется, слѣдуетъ отнести и Мирабо. То, что удалось Наполеону въ 1799 году, послѣ того, какъ общество испытало тяжелыя послѣдствія анархіи и сознало, наконецъ, значеніе и необходимость сильной власти, то не удалось Мирабо, когда не было еще этого общественнаго настроенія, хотя, какъ политикъ, онъ, можетъ быть, стоялъ выше Наполеона. Мало того, послѣ смерти, послѣ такихъ торжественныхъ похоронъ, его кости были выброшены изъ могилы, когда узнали объ его планахъ и когда поэтому его признали,—смѣшно сказать,—измѣнникомъ дѣлу свободы и народа. Но прошло сто лѣтъ, и взглядъ на него измѣнился. Исторія признала вѣрность его идей, величіе его стремленій и дарованій, а потомство загладило безумное оскорбленіе его праха постановкой ему памятника.

Эта посмертная судьба его имени оправдала его вѣру въ дѣйствіе времени, какъ неподкупнаго судьи. Вы помните, какъ въ одной изъ своихъ рѣчей онъ говорилъ, что „тотъ, кто не довольствуется пустой популярностью и кто презираетъ успѣхъ дня ради дѣйствительной славы, тотъ, кто хочетъ говорить правду, кто хочетъ сдѣлать общее благо независимо отъ мѣняющагося общественнаго настроенія, тотъ долженъ ждать своей жатвы, судьбы своего имени, единственной, которая можетъ интересовать, только отъ времени, отъ этого неподкупнаго судьи, который всѣмъ оказываетъ справедливость“.



Вторая рѣчь Мирабо

по вопросу о правѣ объявленія войны, сказанная въ Національномъ Собраніи 22 мая 1790 года.

(Переводъ текста, помѣщеннаго въ т. III изданія Etienne Mejan „Oeuvres complètes des travaux de M. Mirabeau l'ainé". Paris, 1792, pp. 355—380).

Для того, безъ сомнѣнія, чтобы сблизить противоположныя воззрѣнія, откровенно сознаются въ томъ, гдѣ кончается общность мнѣній и гдѣ начинается ихъ различіе. Дружественныя пренія пригодны гораздо болѣе для установленія соглашенія, чѣмъ клеветническія инсинуаціи, яростныя обвиненія, ненависть соперничества и продѣлки интриги и злорадства. Уже недѣлю распространяютъ слухи, что часть Національнаго Собранія, желающая участія королевской власти въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ, отцеубійцы общественной свободы; распускаютъ слухи объ измѣнѣ и подкупахъ; взываютъ къ народному мщенію, чтобы поддержать тиранію мнѣній, какъ будто нельзя, не совершая преступленія, быть двухъ различныхъ мнѣній въ одномъ изъ наиболѣе щекотливыхъ и трудныхъ вопросовъ общественной организаціи. Странная страсть, прискорбное ослѣпленіе возбуждаютъ другъ противъ друга людей, которыхъ постоянно должна была бы сближать и постоянно соединять общность цѣли и одно неразрушимое чувство даже среди самыхъ бѣшеныхъ схватокъ; людей, которые раздражительность своего самолюбія ставятъ на мѣсто культа отечества и предаютъ другъ друга народнымъ предубѣжденіямъ. И меня также: нѣсколько дней тому назадъ хотѣли меня нести съ тріумфомъ, а теперь на улицахъ кричатъ: „великая измѣна графа Мирабо". Мнѣ не нуженъ былъ этотъ урокъ, чтобы знать, какъ недалеко отъ Капитолія до Тарпейской скалы.

Но человѣкъ, который ратуетъ за разумъ, за отечество, не такъ легко сочтетъ себя побѣжденнымъ. Тотъ, кто сознаетъ за собою заслугу предъ страной, и въ особенности тотъ, кто считаетъ, что онъ еще можетъ быть ей полезенъ, тотъ, кто не довольствуется пустой популярностью и кто презираетъ успѣхъ дня ради дѣйствительной славы, тотъ, кто хочетъ говорить правду, кто хочетъ сдѣлать общее благо независимо отъ мѣняющагося народнаго настроенія, тотъ носитъ въ самомъ себѣ награду за свои заслуги, наслажденіе отъ труда своего и воздаяніе за опасности. Онъ долженъ ждать своей жатвы, судьбы своего имени, единственной, которая его можетъ интересовать, только отъ времени, отъ этого неподкупнаго судьи, который всѣмъ оказываетъ справедливость. Пусть тѣ, кто уже недѣлю назадъ предсказывали мое мнѣніе, не зная его, и клевещутъ въ эту минуту на мою рѣчь, не поняв ея, пусть они обвиняютъ меня въ томъ, что я курю ениміамъ безсильнымъ идоламъ въ то время, когда они уже повержены, или въ томъ, что я низкій наемникъ тѣхъ людей, съ которыми я не переставалъ бороться, пусть объявляютъ врагомъ революціи человѣка, который, можетъ быть, былъ ей небезполезенъ, и который, будь даже эта революція чужда его славѣ, могъ въ ней одной найти свою безопасность. Пусть предаютъ ярости народной того, кто уже двадцать лѣтъ борется противъ притѣсненій, кто говорилъ французамъ о свободѣ, конституціи, сопротивленіи тогда, когда его низкіе клеветники еще сидѣли на школьной скамьѣ и жили всѣми господствующими предразсудками. Что мнѣ за дѣло? Эти удары снизу вверхъ не остановятъ меня на моемъ пути. Я имъ скажу: отвѣчайте, если можете, а потомъ ужъ клевещите, сколько хотите.

Я выхожу, такимъ образомъ, на арену, вооруженный моими принципами и твердостью моей совѣсти. Я выставлю въ свою очередь настоящій предметъ спора со всею ясностью, на которую я способенъ, и я прошу тѣхъ изъ моихъ противниковъ, которые не поймутъ, остановить меня, чтобы я выразился яснѣе, такъ какъ я рѣшился опровергнуть столько разъ повторявшіеся упреки въ уклончивости, тонкости и запутанности; и если только дѣло зависитъ отъ меня, то сегодняшній день выяснитъ нашу относительную лойяльность. Г. Барнавъ сдѣлалъ мнѣ честь, от-

вѣчая только мнѣ; я въ свою очередь отнесусь съ тѣмъ же почтеніемъ къ его таланту и попытаюсь его опровергнуть.

Вы сказали: мы учредили двѣ отдѣльныя власти—законодательную и исполнительную; одна должна выражать національную волю, другая ее исполнять; эти обѣ власти никогда не должны смѣшиваться одна съ другою. Вы примѣнили этотъ принципъ къ вопросу, о которомъ мы разсуждаемъ, т. е. къ практикѣ права войны и мира.

Вы сказали: необходимо различать дѣйствіе и волю. Дѣйствіе будетъ принадлежать королю, а воля законодательному корпусу. Итакъ, когда дѣло будетъ идти объ объявленіи войны, это объявленіе, будучи актомъ воли, должно быть дѣломъ законодательнаго корпуса.

Разъяснивши этотъ принципъ, вы примѣнили его къ каждой статьѣ моего декрета. Я пойду тѣми же стопами и сперва обсужу общій принципъ, а затѣмъ изслѣдую приложеніе, какое вы изъ него сдѣлали по отношенію къ рѣшенію вопроса о войнѣ и мирѣ.

Вы говорите, что у насъ два различныхъ уполномоченныхъ одинъ для дѣйствія, другой для желанія; я это отрицаю.

Исполнительная власть во всемъ томъ, что касается дѣйствія, безъ сомнѣнія, весьма различна отъ власти законодательной; но совершенно невѣрно, чтобы законодательный корпусъ былъ совершенно независимъ отъ исполнительной власти, даже въ дѣлѣ выраженія общей воли. И въ самомъ дѣлѣ, каковъ органъ этой воли по нашей конституціи? Собраніе представителей народа, или законодательное собраніе, и представитель исполнительной власти, вмѣстѣ взятые; изъ этого происходитъ то, что законодательное собраніе обсуждаетъ и объявляетъ общественную волю, представитель же исполнительной власти имѣетъ двойное право: или утверждать рѣшеніе законодательнаго собранія и это утвержденіе завершаетъ законъ, или же воспользоваться, дарованнымъ ему на извѣстное время правомъ veto, и въ теченіе этого промежутка времени по нашей конституціи рѣшеніе законодательнаго собранія не становится закономъ; значитъ, не точно будетъ сказать, что наша конституція установила двухъ совершенно отличныхъ представителей даже въ томъ случаѣ,

когда дѣло идетъ о выраженіи общей воли. У насъ, наобор
два представителя, которые вмѣстѣ участвуютъ въ созиданіи
кона, изъ коихъ одинъ представляетъ, такъ сказать, второсте
ное желаніе, имѣетъ надъ другимъ нѣкоторый контроль и
ситъ въ законъ свою долю вліянія и власти. Такимъ образ
общая воля не вытекаетъ изъ одной только воли законодат
наго собранія.

Посмотримъ теперь приложеніе вашего принципа къ рѣ
нію вопроса о войнѣ и мирѣ. Вы сказали: все, что касается
ланія, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и во всемъ остальномъ, в
средственно исходитъ изъ своего естественнаго начала и моя
быть высказано лишь законодательной властью. Здѣсь я долж
васъ остановить и разоблачаю вашъ софизмъ въ одномъ сл
которое вы сами произнесли: такимъ образомъ вы отъ мен
ускользнете. Въ вашей рѣчи вы предоставляете - исключител
право высказывать общую волю... кому? законодательной
сти; въ вашемъ декретѣ кому вы его предоставляете? закон
тельному собранію. Теперь, я призываю васъ къ порядку.
преступили конституцію. Если вы думаете, что законодател
собраніе и законодательная власть одно и то же, вы тѣмъ сам
ниспровергаете всѣ созданные нами законы; если только, к
дѣло идетъ о выраженіи общей воли по вопросу о войнѣ, до
точно одного законодательнаго собранія... то потому сам
король не имѣетъ ни участія, ни вліянія, ни контроля, ни в
того, что по нашему общественному строю принадлежитъ ис
нительной власти, и у васъ въ законодательствѣ было бы
различныхъ начала, одно для обыкновеннаго законодательс
другое для законодательства на случай войны, т. е. для са
страшнаго кризиса, какой только можетъ потрясать общест
ный организмъ. Для выраженія общественной воли вамъ

выраженіе названіемъ актъ Національнаго Собранія, санкціонированный королемъ, то мы будемъ согласны по всѣмъ пунктамъ; но тогда вы перейдете къ моему декрету, такъ какъ онъ меньше предоставляетъ простора королю...

Вы мнѣ не отвѣчаете... Я продолжаю.

Это противорѣчіе становится еще болѣе поразительнымъ въ примѣненіи вашего принципа, которое вы сами сдѣлали на случай объявленія войны.

Вы сказали: объявленіе войны есть лишь актъ воли, и выраженіе его должно, слѣдовательно, принадлежать законодательному собранію. Поэтому поводу я хочу предложить вамъ два вопроса, изъ коихъ каждый относится къ двумъ различнымъ случаямъ.

Первый вопросъ. Полагаете-ли вы, что право объявленія войны настолько присуще законодательному корпусу, что король не имѣетъ въ немъ инициативы, или же вы думаете, что онъ имѣетъ инициативу. Въ первомъ случаѣ, если у него нѣтъ инициативы, полагаете ли вы, что у него нѣтъ и права veto? Тогда, король остается безъ участія въ самомъ важномъ дѣлѣ національной воли. Какимъ образомъ примирите вы это съ правами, дарованными по конституціи монарху? Какимъ образомъ примирите вы это съ общественнымъ благомъ? У васъ явится столько же зачинщиковъ войны, сколько будетъ страстныхъ людей,

Нѣтъ ли большихъ неудобствъ въ такого рода положеніи? Вы не отрицаете, что таковыя имѣются.

Существуютъ ли, наоборотъ, препятствія къ дарованію инициативы королю? Подъ инициативой я разумѣю сообщеніе или какое бы то ни было посланіе; вы не найдете къ этому ни малѣйшаго препятствія.

Взгляните, наконецъ, на естественный порядокъ вещей. Чтобы обсуждать, надо быть освѣдомленнымъ. Кто можетъ васъ объ этомъ освѣдомить, какъ не блюститель внѣшнихъ сношеній. Была бы въ высшей степени странная конституція, которая, даровавъ королю высшую исполнительную власть, предоставляла бы возможность объявлять войну, безъ того, чтобы король вызвалъ обсужденіе вопроса тѣми сношеніями (иностранными), ко-

торая ему поручена, ваше собраніе стало бы не обсуждающимъ, а дѣйствующимъ: оно управляло бы.

Итакъ, вы предоставите инициативу королю.

Перейдемъ ко второму случаю.

Если вы даете королю инициативу, то вы или предполагаете, что она будетъ состоять въ простомъ сообщеніи, или предполагаете, что король объявитъ, какого мнѣнія онъ держится. Должна ли инициатива короля ограничиться простымъ сообщеніемъ, и король, самъ самымъ, не долженъ имѣть никакого участія въ объявленіи войны? или же, наоборотъ, его инициатива состоитъ въ объявленіи рѣшенія, которое, по его мнѣнію, должно быть принято? вотъ двойное предположеніе, которое я васъ прошу обсудить вмѣстѣ со мною.

Если вы полагаете, что когда король склоняется въ пользу войны, законодательный корпусъ можетъ рѣшиться на миръ, то я не вижу къ этому никакихъ препятствій. Или же вы, наоборотъ, думаете, что при желаніи королемъ мира законодательный корпусъ можетъ постановить войну и настоять на ней, несмотря на его желаніе? Я не могу, въ послѣднемъ случаѣ, принять вашу систему, такъ какъ здѣсь начало затрудненіямъ, съ которыми нельзя справиться. За этой войной, рѣшенной помимо короля, скоро послѣдовала бы война общественнаго мнѣнія противъ короля и всѣхъ его приверженцевъ. Самый безпокойный надзоръ господствовалъ бы надъ всѣми военными дѣйствіями. Желаніе помочь имъ, недовѣріе къ министрамъ, заставило бы законодательный корпусъ скоро выйти за предѣлы своей власти. Начали бы предлагать исполнительные военные комитеты, какъ недавно намъ предлагали исполнительные комитеты политическіе. Король сдѣлался бы лишь орудіемъ этихъ комитетовъ; явились бы двѣ исполнительныхъ власти, или, вѣрнѣе, законодательный корпусъ царствовалъ бы. Такимъ образомъ изъ-за стремленія одной власти взять верхъ надъ другой, сама наша конституція исказилась бы; изъ монархической, какъ она должна быть, она сдѣлалась бы чисто аристократической. Вы не отвѣтили на это возраженіе и не отвѣтите никогда. Вы говорите лишь объ обузданіи министерскихъ злоупотребленій; а я говорю о средствахъ обузданія

бы остановить незамѣтное стремленіе всякаго правительства къ главной формѣ, которую ему стараются придать. Если же, наоборотъ, когда король хочетъ войны, вы ограничите разсужденія законодательнаго корпуса или согласіемъ на войну, или же рѣшеніемъ, что ея быть не должно, и заставите исполнительную власть вести переговоры о мирѣ, вы избѣгаете всѣхъ недоразумѣній: и, замѣтьте еще, такъ какъ это въ высшей степени характерно для моей системы, что вы нисколько не выходите изъ принциповъ конституціи. Королевское veto, силою вещей, что касается его примѣненія, почти совсѣмъ ослаблено; имъ рѣдко можно воспользоваться во время войны. Вы устраняете это неудобство; вы возстановляете наблюденіе и взаимный контроль, требуемые конституціей, возлагая на обоихъ уполномоченныхъ націи, на его смѣняемыхъ представителей и на представителя несмѣняемаго, взаимную обязанность быть въ согласіи, когда дѣло идетъ о войнѣ. Вы присваиваете, такимъ образомъ, законодательному корпусу только ту власть, которая можетъ дать ему возможность принять, безпрепятственное участіе въ осуществленіи этого ужаснаго права. Вы соблюдаете въ то же время и національные интересы, по стольку, по скольку они въ вашихъ рукахъ, такъ какъ вамъ достаточно, чтобы остановить исполнительную власть, только потребовать, чтобы она предоставляла постоянно законодательному корпусу возможность обсудить всѣ случаи, могущіе представиться. Мнѣ кажется, господа, что центръ тяжести спора теперь совершенно ясенъ, и человѣкъ, удостоившійся столькихъ апплодисментовъ внутри этой залы, и внѣ ея,— г. Барнавъ — совершенно не коснулся этого вопроса. Было бы теперь слишкомъ легкимъ торжествомъ преслѣдовать его въ частностяхъ, въ которыхъ онъ, хотя и блеснулъ ораторскими способностями, однако не обнаружилъ ни малѣйшихъ познаній государственнаго мужа, ни знанія человѣческихъ дѣлъ. Онъ декламировалъ противъ золъ, которыя могутъ сдѣлать и сдѣлали короли: но остерегся замѣтить, что по нашей конституціи, монархъ впредь не можетъ ни быть деспотомъ, ни поступать произвольно; и онъ въ особенности остерегся говорить о народныхъ движеніяхъ, хотя онъ самъ бы могъ служить примѣромъ легкости, съ которой друзья иностранной державы вліяютъ на мнѣніе

Національнаго Собранія, возмущая вокругъ него народъ и рукоплеща на бульварахъ ихъ агентамъ. Онъ привелъ въ примѣръ Перикла, начавшаго войну, чтобы избавиться отъ отчетности. Можно было подумать, слушая его, что Периклъ былъ королемъ или министромъ деспота. Периклъ—былъ человѣкомъ, который, умѣя льстить народнымъ страстямъ, умѣлъ своею щедростью и щедростью своихъ друзей вызывать своевременные аплодисменты, сходя съ трибуны; и онъ вовлекъ въ Пелопонезскую войну... кого? Національное Собраніе Аѳинъ.

Я подхожу къ критикѣ моего проекта декрета и наскоро переберу различныя возраженія. Первая статья. Право войны и мира принадлежитъ націи.

Барнавъ утверждаетъ, что статья эта безполезна; почему же безполезна? Мы не уполномочиваемъ королевскую власть, мы ее признали, какъ предсуществующую нашей конституціи. Кромѣ того, такъ какъ въ этомъ Собраніи утверждали, что право войны и мира нераздѣльно отъ королевской власти, такъ какъ утверждали, что мы не имѣемъ даже права ввѣрять его кому-либо, то я, значитъ, могъ, я долженъ былъ заявить въ моемъ декретѣ, что право войны и мира принадлежитъ націи?

Гдѣ тутъ ловушка?

Вторая статья. Осуществленіе права войны и мира должно быть предоставлено совмѣстно законодательному корпусу и исполнительной власти слѣдующимъ способомъ... По мнѣнію г. Барнава, статья эта противорѣчитъ принципамъ и разоблачаетъ ловушку моего декрета. Таковъ вѣдь однако вопросъ, самая суть вопроса, которая насъ волнуетъ. Скажите опредѣленно: оба делегата націи, должны ли они совмѣстно быть выразителями общественной воли, или нѣтъ? Если они должны совмѣстно дѣйствовать, можно ли предоставить одному изъ нихъ исключительное полномочіе при осуществленіи права войны и мира? Сравните мою статью съ вашей; вы не говорите ни объ иниціативѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни о предложеніи, ни о санкціи со стороны короля. Если же я точно также не говорю, ни о предложеніи, ни о санкціи, то я замѣняю такого рода участіе другимъ. Граница, раздѣляющая насъ, слѣдовательно, совершенно ясна: я не выхожу изъ предѣловъ конституціи, а вы отъ нея укло-

няетесь; необходимо, чтобы вы къ ней возвратились. Съ чьей же стороны ловушка? Она состоитъ, говорите вы, въ томъ, что я не высказываю, какимъ способомъ это совмѣстное дѣйствіе обоихъ уполномоченныхъ должно осуществиться. Что! я этого не высказываю! Что же обозначаютъ эти слова: „Слѣдующимъ образомъ“ и каково общее содержаніе слѣдующихъ статей? Развѣ я не говорю ясно во многихъ изъ нихъ, что сообщеніе принадлежитъ королю, а рѣшеніе, одобреніе или неодобреніе Національному Собранію? Развѣ не слѣдуетъ очевидно изъ каждой изъ моихъ статей, что король никогда не можетъ начать войны, ни даже ее продолжать безъ рѣшенія законодательнаго корпуса? Гдѣ ловушка? Я знаю лишь одну ловушку во всѣхъ этихъ преніяхъ: дѣлаютъ видъ, что законодательному корпусу предоставлено только рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, а на самомъ дѣлѣ, однако, путемъ умолчаній и злоупотребленія словами совершенно устраняютъ короля отъ всякаго участія, отъ всякаго вліянія въ практикѣ права войны и мира.

Я знаю только одну ловушку въ этомъ дѣлѣ; но тутъ маленькая неловкость васъ выдала: эта ловушка заключается въ томъ, что объявленіе войны въ осуществленіи права вы сочли за актъ чисто волевой и присвоили его, поэтому, одному законодательному корпусу, какъ будто законодательному корпусу, который—вовсе не вся законодательная власть, принадлежитъ исключительно выраженіе воли безъ всякаго соучастія монарха.

Третья статья. Въ ней мы согласны.

Четвертая статья. Вы говорили, что я требовалъ сообщенія лишь въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій, что я предполагалъ, что всякое враждебное дѣйствіе—война, и что, такимъ образомъ, я предоставлялъ королю воевать безъ участія законодательнаго корпуса. Какая замѣчательная недобросовѣстность! Я требовалъ сообщенія на случай неизбѣжныхъ или начатыхъ враждебныхъ дѣйствій, на случай поддержки союзника, на случай необходимости охраны своего права силою оружія: включилъ ли я сюда всѣ случаи или нѣтъ? Гдѣ ловушка? Я говорилъ въ своей рѣчи, что часто враждебныя дѣйствія могутъ начаться раньше всякаго обсужденія; я говорилъ, что эти враждебныя дѣйствія могутъ быть такими, что въ сущности война началась;

на это отвѣтите? Что нѣтъ войны безъ объявленія войны. Но споримъ мы о словахъ или о дѣлѣ? Вы серьезно сказали, что Бугэнвиль, во время сраженія при Гренадѣ, говорилъ въ минуту веселаго героизма; ядра прыгали по палубѣ, а онъ крикнулъ своимъ офицерамъ: „Всего милѣе, господа, то, что мы не воюемъ", и дѣйствительно война не была объявлена. Вы долго распространялись о современномъ случаѣ съ Испаніей; существуютъ враждебныя отношенія; національное собраніе Испаніи не должно ли войти въ обсужденіе этого дѣла? Да, конечно, и я это сказалъ, и мой декретъ формально предвидитъ этотъ случай; а именно: „Начатыя враждебныя дѣйствія, необходимость охранить право, неизбѣжная война". Значитъ, заключили вы, враждебныя дѣйствія не составляютъ войны. Но если бы вмѣсто двухъ судовъ, схваченныхъ и выпущенныхъ въ Нотказундѣ, произошло бы сраженіе между двумя военными кораблями; если бы, чтобъ ихъ поддержать, двѣ эскадры вмѣшались бы въ распрю; если бы какой-нибудь предпріимчивый генералъ преслѣдовалъ бы побѣжденнаго до самыхъ его береговъ; если бы былъ захваченъ важный островъ, развѣ и тогда не было бы войны? Тутъ есть все, что вамъ угодно; но такъ какъ ни вашъ декретъ, ни мой не даютъ средствъ для предупрежденія подобныхъ нападеній предварительнымъ обсужденіемъ законодательнаго корпуса, то вы согласитесь, что не въ этомъ вопросъ: но гдѣ же ловушка?

Пятая статья. Я хотѣлъ сказать о случаѣ возможномъ, котораго вы не предусматриваете въ вашемъ декретѣ; въ случаѣ враждебнаго дѣйствія, которое было встрѣчено и отражено, могло существовать преступное нападеніе. Нація должна имѣть право преслѣдовать зачинщика и наказать его; мало не начинать войны, необходимо еще обуздать того, кто неосторожнымъ или вѣроломнымъ шагомъ рисковалъ или пытался вовлечь насъ въ нее. Я указываю къ этому средство: гдѣ тутъ ловушка? Но, говорите вы, я, значитъ, предполагаю, что исполнительная власть, имѣетъ право начать враждебныя дѣйствія, совершить нападеніе? Нѣтъ, я ей не даю этого права, такъ какъ формально его у нея отнимаю; я не позволяю нападенія, такъ какъ предлагаю его наказывать. Что же я дѣлаю? Я разсуждаю о возможномъ фактѣ, котораго ни вы, ни я не въ состояніи предупредить. Я

не могу сдѣлать такъ, чтобы высшій распорядитель національныхъ силъ не располагалъ бы большими средствами и возможностью злоупотребить ими, но развѣ это неудобство не присуще всѣмъ формамъ правленія? Это, если хотите, зло и королевской власти: но развѣ вы утверждаете, что человѣческія учрежденія, что правительство, созданное людьми и для людей, могутъ быть свободны отъ недостатковъ? Думаете ли вы побудить насъ отказаться отъ выгодъ монархіи по той причинѣ, что она имѣетъ свои опасности? Скажите это ясно. Тогда намъ придется рѣшить, слѣдуетъ ли намъ отказаться отъ тепла и свѣта, получаемыхъ нами отъ огня, по той причинѣ, что онъ жжется. Все можетъ быть защищаемо, за исключеніемъ непослѣдовательности: скажите намъ, что намъ не нужно короля, но не говорите, что намъ нуженъ король безсильный и безполезный.

Ст. ст. 6, 7, и 8. Вы на нихъ, кажется, не нападали, такъ что мы согласны; но признайте въ такомъ случаѣ, что тотъ, кто поставилъ исполнительной власти такія ограниченія, какихъ не выставилъ ни одинъ другой декретъ, не снабжалъ королевскую власть средствами узурпаціи, какъ это, не краснѣя, утверждали; признайте также, что онъ умѣетъ такъ же хорошо, какъ и другіе, снабдить конституціонными предосторожностями права народа; признайте, что въ ту минуту, когда народъ, сбитый съ толку, угрожаетъ ему, онъ защищаетъ этотъ самый народъ лучше, чѣмъ вы.

Ст. 9. „Въ томъ случаѣ, когда король лично будетъ на войнѣ, законодательный корпусъ имѣетъ право собрать то количество національной гвардіи, которое признаетъ нужнымъ, и въ томъ мѣстѣ, которое признаетъ подходящимъ".

Вы сильно меня упрекаете за то, что я предложилъ эту мѣру. Она имѣетъ неудобства, несомнѣнно, но какое учрежденіе ихъ чуждо? Если бы вы ее поняли, вы увидали бы, что если бы эта мѣра была присуща моей системѣ, то я бы не примѣнялъ ея только къ случаю очень рѣдкому, когда король лично ведетъ войну, но примѣнилъ бы ее ко всѣмъ случаямъ безъ точнаго опредѣленія. Если тутъ и есть ловушка, то эта ловушка цѣликомъ находится въ вашей аргументаціи, а вовсе не въ системѣ того, кто хочетъ устранить короля отъ командованія арміей за-

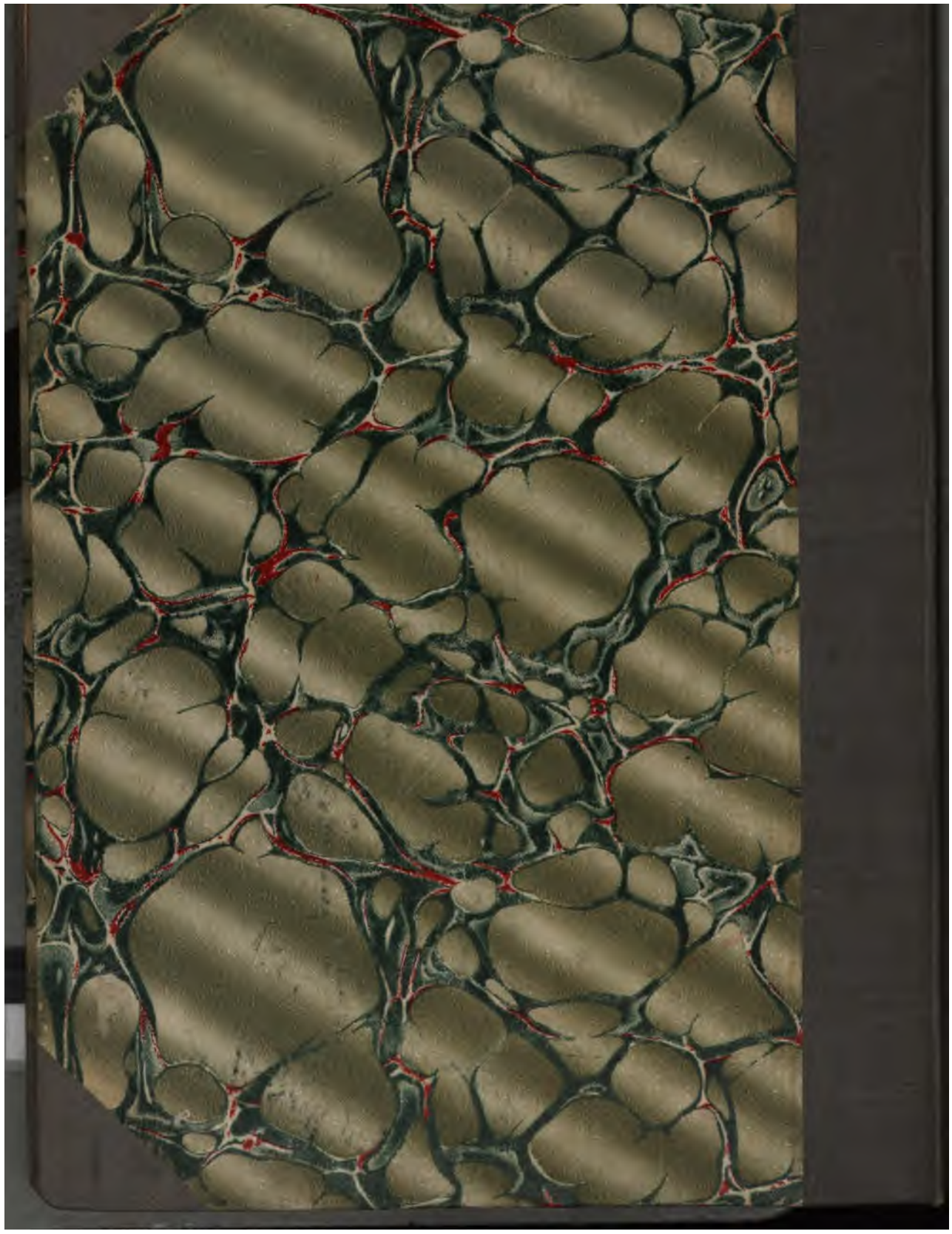
границей, ибо онъ не думаетъ, что главный стражъ общества долженъ отдаваться обязанностямъ, столь рискованнымъ; ловушка находится не въ системѣ того, кто вводитъ въ вашу общественную организацію единственное средство правильнаго возстанія, которое рѣшаетъ вопросъ о принципахъ вашей конституціи. Очевидно, недобросовѣстно искать слабую сторону моей системы или какой-нибудь умыселъ съ моей стороны въ томъ, что я предвижу неудобство, на которое указывали всѣ, говорившіе до меня, и которое существуетъ рѣшительно во всѣхъ теоріяхъ: ибо, очевидно, что воинственный король можетъ быть увлеченъ своей страстью и поддерживаемъ своими легіонами, воспитанными въ побѣдѣ, независимо отъ того, кто началъ войну, законодательная власть или исполнительная. Если при всѣхъ конституціонныхъ гипотезахъ это ужасное несчастіе одинаково предвидимо, то другого средства нѣтъ и противъ этого, кромѣ единственнаго. Вы и я признаемъ обязанность возстанія только въ случаяхъ чрезвычайно рѣдкихъ. Развѣ мое средство такъ предосудительно отъ того, что оно дѣлаетъ возстаніе болѣе методичнымъ и болѣе страшнымъ? Развѣ это ловушка, если національнымъ гвардейцамъ указывается ихъ настоящее назначеніе? Зачѣмъ же мы ихъ учредили, какъ не для того, чтобы они вѣчно охраняли то, что они завоевали? Наконецъ, вѣдь вы первый преувеличили предъ нами эту опасность. Она существуетъ или не существуетъ. Если она не существуетъ, то зачѣмъ вы придаете ей такое значеніе? Если она существуетъ, то она угрожаетъ моей системѣ въ той же степени, какъ и вашей. Въ такомъ случаѣ примите мое средство или давайте другое, или не принимайте никакого; это мнѣ все равно, ибо я вѣрю этой опасности только какъ чуду. Поэтому я и далъ свое согласіе на поправку г. Шапелье, который устраняетъ эту статью.

Уже давно пора окончить эти длинные дебаты. Теперь я надѣюсь, что болѣе не будутъ скрывать истиннаго предмета спора. Я желаю участія исполнительной власти въ выраженіи общей воли въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ въ той же степени, въ какой ваша конституція предоставила его ей въ установленныхъ уже частяхъ нашего общественнаго строя... Мои противники не желаютъ этого. Я желаю, чтобы наблюденіе одного изъ делегатовъ

народа не покидало его въ наиболѣе важныхъ дѣяніяхъ политики; мои же противники желаютъ, чтобы одинъ изъ делегатовъ исключительно пользовался правомъ объявленія войны, какъ будто въ томъ случаѣ, если бы исполнительная власть оставалась чуждой акту выраженія общественной воли, намъ бы пришлось разсуждать только о самомъ фактѣ объявленія войны и какъ будто осуществленіе права войны не влечетъ за собой цѣлаго ряда смѣшанныхъ операцій, въ которыхъ дѣйствіе и воля сталкиваются между собою и сливаются. Вотъ черта, которая насъ раздѣляетъ. Если я ошибаюсь, еще разъ прошу, пусть мой противникъ остановитъ меня или пусть лучше замѣнитъ въ своемъ декретѣ слова: „законодательный корпусъ“ словами „законодательная власть“, т. е. актъ, исходящій отъ представителей націи и утвержденный королемъ, и тогда мы вполнѣ согласны, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ теоріи; и тогда мы посмотримъ, не осуществляетъ ли мой декретъ лучше, чѣмъ всякій другой, эту теорію.

Вамъ предлагали судить вопросъ посредствомъ параллели между людьми, поддерживающими положительное или отрицательное рѣшеніе. Вамъ говорили, что вы увидите съ одной стороны людей, питающихъ надежду на повышеніе въ арміи или же разсчитывающихъ достигнуть руководства иностранными дѣлами, людей, которыя находятся въ связяхъ съ министрами и ихъ агентами; съ другой—мирнаго гражданина, добродѣтельнаго, малоизвѣстнаго, безъ честолюбія, который находитъ свое счастье и бытье въ общемъ счастьѣ и въ общемъ бытіи. Я не послѣдую этому примѣру. Я не думаю, чтобы соотвѣтствовало политическимъ приличіямъ, а равнымъ образомъ и принципамъ нравственности точить кинжалъ, которымъ нельзя ранить своихъ противниковъ безъ того, чтобы не почувствовать очень скоро его лезвія на своей собственной груди. Я не думаю, чтобы люди, призванные служить общему дѣлу въ качествѣ собратьевъ по оружію, находили удовольствіе драться, какъ низкіе гладіаторы, бороться при помощи обвиненій и интригъ, а не посредствомъ знаній и талантовъ; искать въ уничтоженіи и въ униженіи другъ друга преступный успѣхъ, трофеи дня, вредные для всѣхъ и даже для славы. Но я вамъ скажу: между тѣми, кто поддерживаетъ мою

доктрину, вы насчитаете вмѣстѣ съ умѣренными людьми, которые не вѣрятъ ни въ то, что мудрость заключается въ крайностяхъ, ни въ то, что мужество разрушенія никогда не должно уступить мѣста мужеству созиданія,—большинство тѣхъ энергичныхъ гражданъ, которые въ началѣ Государственныхъ Чиновъ (такъ назывался тогда этотъ національный конвентъ, еще связанный въ пеленкахъ свободы) повергли во прахъ столько предразсудковъ, пренебрегли столькими опасностями, справились со столькими препятствіями, чтобы войти въ среду общинъ, которымъ эта преданность придала бодрость и силу совершить эту дѣйствительно славную революцію; вы увидите среди нихъ этихъ трибуновъ народа, которыхъ нація, несмотря на тявканіе завистливой посредственности, долго будетъ еще считать въ рядахъ освободителей отечества; вы увидите тутъ людей, одно имя которыхъ обезоруживаетъ клевету и которыхъ частную и общественную репутацію не попытались омрачить самые разнузданные пасквилянты; людей, наконецъ, незапятнанныхъ, безъ страха и корысти, которые вплоть до могилы будутъ поставлять себѣ въ честь, какъ своихъ друзей, такъ и своихъ недруговъ.

Я кончаю тѣмъ, что прошу подвергнуть обсужденію мой проектъ декрета съ поправкой г. Шапелье.

Кіевъ, 26 Августа 1901 г.